

А. ЯКОВЛЕВ
СКВОЗЬ ЛЬДЫ

А. ЯКОВЛЕВ

А. ЯКОВЛЕВ
СКВОЗЬ ЛЬДЫ

О тех, кто первым ступил на неизведанные земли.
Кто в мир пришел, чтоб сделать его лучше.
О мужественных людях — революционерах,

О тех, кто с детства был настойчивым в стремленьях,
И беззаветно к цели шел своей.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
МОСКВА. 1967

РУАЛ АМУНДСЕН

Вып. 2

А. ЯКОВЛЕВ

СКВОЗЬ ЛЬДЫ

• ПОВЕСТЬ О ПОЛЯРНОМ ИССЛЕДОВАТЕЛЕ •

ПОВЕСТЬ О ПОЛЯРНОМ ИССЛЕДОВАТЕЛЕ

ПОВЕСТЬ О ПОЛЯРНОМ ИССЛЕДОВАТЕЛЕ

• ПОВЕСТЬ О ПОЛЯРНОМ ИССЛЕДОВАТЕЛЕ •

P2
Я47

Художник Николай Воробьев

«Я БУДУ МОРЯКОМ»

По узким мосткам школьники прошли на пароход и сели цепочкой вдоль борта на низеньких скамейках. У каждого мальчика в руках или за плечами была сумка с едой. Помощник учителя Кнутсен каждому указал место. Пароход был открыт со всех сторон; лишь брезентовая крыша протянулась над головами.

Город только просыпался, солнце выходило из-за дальней горы. В долине под Нурмаркеном еще лежали синие тени, вода у набережной казалась маслянистой и неподвижной. Чайки кричали пронзительно, пролетая над пароходом.

Последним на пароход вошел бородатый учитель Нордаль. Он заботливо осмотрел, не сидит ли кто из ребят близко к машине, и пошел на корму. Пароход дал свисток, под палубой зашипел пар. Два матроса

убрали мостки, сняли чалки, и полоса воды между берегом и пароходом стала расширяться.

Мальчики на корме звонко запели: «Да, мы любим эти скалы». И тотчас песня понеслась по всему пароходу. Громче всех пел мальчик в зеленой куртке и зеленой шляпе. Кнутсен закивал мальчику головой и, когда песня окончилась, сказал улыбаясь:

— У тебя, Руал, самый сильный голос.

— И самый неприятный, — тотчас насмешливо откликнулся белокурый мальчик Фалькенберг.

Мальчики громко засмеялись и заговорили шутливо:

— У Руала в горле петухи поют.

— Нет, у него в горле моржи режут.

— Будет вам обижать его. Смотрите, как хорошо кругом, — остановил Кнутсен шутников.

Пароход быстро шел мимо берегов, где на обрывах белели красивые дома. Низкий остров показался впереди. Вот он ближе, ближе, уже видны каменные стены на острове, и со стен глядят жерла пушек. Учитель Нордал протянул руку вперед, к острову:

— Вот крепость. Она защищает подступ к нашей столице.

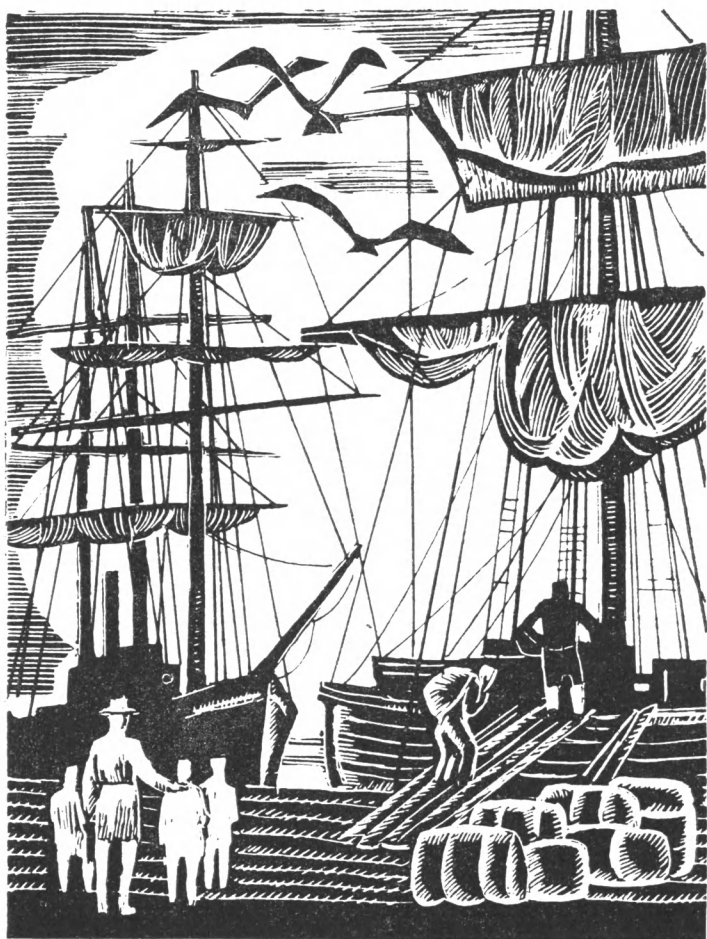
Руал посмотрел сначала на учителя, потом на остров, что-то прикинул в уме и спросил:

— Почему же пушки смотрят во все стороны? Разве неприятель может пробраться и отсюда? — Он показал назад, к городу.

— Это сделано на случай обхода. Неприятель может пробраться и в тыл. Смотрите, как грозны эти стены и эти орудия.

Мальчики присмирели, молча рассматривая стены и пушки.

За крепостью пароход вошел в канал, вдали пока-

залось море, еще неясное, спрятанное в утреннем тумане. Мальчики опять запели.

Скоро канал кончился, и пароход вошел в широкий фиорд, окруженный справа горами. Открытое море завиднелось вдали яснее. Три шхуны с белыми парусами плыли под берегом, а самой серединой фиорда шел океанский пароход с двумя трубами. И шхуны и пароход направлялись к маленькому городку, белые улицы которого расположились на берегу справа.

Судно, на котором ехали мальчики, только подходило к городской пристани, а океанский пароход уже швартовался у соседнего мола. Он казался великаном среди рыбачьих шхун и пароходиков. Шумной толпой школьники пошли по каменной набережной. Учитель Нордаль в темной шляпе шел среди них, а его помощник Кнутсен — позади всех. Учитель показал на город, на мол, на море.

— Итак, друзья мои, мы в Тонсберге, самом старом городе Норвегии. Этот город основан еще задолго до нашей столицы Христиании. Смотрите, сколько кораблей стоит у набережной. На них норвежцы ходят на рыбные, звериные, китобойные промыслы. Сейчас мы обойдем всю набережную и посмотрим, что делается на этих судах.

Набережная в этот час уже была полна народу. Вдоль нее в два и три ряда стояли суда с высокими бортами и очень высокими кормами и носами. На мачтах висели свернутые паруса, кое-где паруса лежали на палубах. Просмоленные веревочные лестницы и реи протянулись между мачтами, как черная паутина. У всех парусников на верхушке передней мачты виднелись бочки. Эти бочки больше всего занимали мальчиков.

— Для чего они так высоко подвешены?

— Вы знаете, для чего бочки на мачтах? — спросил

учитель. — Когда корабль входит во льды, капитан забирается в эту бочку и в подзорную трубу осматривает горизонт, не видно ли где зверя или не покажется ли где фонтан кита. Из бочки ему видно далеко вокруг. Кстати, матросы называют бочку вороньим гнездом.

Руал не отставал от учителя ни на шаг, ловил каждое его слово. Он в первый раз был в этом городе, но море, корабли... с ними он сжился давно.

Во время летних и зимних каникул Руал уезжал в Борге, там на берегу реки Гломмы была отцовская судоверфь — Вервен. Зимой на приколе у берега реки стояли десятки судов, вот таких же, как эти. Руал знал даже, как строят эти суда. Вместе с братьями он часто бывал на верфи.

Руал не хуже учителя мог сейчас объяснить, для чего служит та или иная часть судна, и все-таки с жадностью слушал объяснения. Каждое судно было для него увлекательной сказкой. Ведь на этих судах смелые люди ходят в далекие океаны бить китов, моржей, тюленей, ловить рыбу. Они не боятся ни штормов, ни бурь, ни морозов.

— А где же матросы? — наивно спросил учителя белокурый Фалькенберг.

— Вот они, матросы.

И учитель указал на трех человек, которые по длинным доскам катили большую бочку с парусника на набережную. На матросах были надеты засаленные рубахи с открытыми воротами, кожаные брюки и высокие неуклюжие сапоги. Лица у них были обветренные, обожженные, и в них не было ничего героического.

— Разве это матросы? — разочарованно протянул Фалькенберг.

— Ну конечно, матросы.

Матросы в это время подкатали бочку к деревянно-

му навесу, что был на каменной набережной, установили ее рядом с другими и пошли назад, к мосткам. Учитель остановил их:

— Что вы разгружаете?

— Китовый жир, — отрывисто ответил матрос и коснулся рукой своей фуражки, здороваясь.

— Далеко были?

— На Шпицбергене.

Он опять коснулся рукой фуражки и побежал по мосткам.

— Вот видишь, — обратился учитель к Фалькенбергу, — этот корабль охотился на китов у Шпицбергена.

— А я думал... — пробормотал мальчуган.

— Что ты думал? — спросил учитель.

Но тут вмешался Руал:

— Он думал, что матросы красавцы-богатыри.

Учитель и мальчики рассмеялись.

Громко переключаясь, они шли по набережной. Всюду была суета. По мосткам на тачках матросы везли кипы тюленьих шкур, с грохотом катились тяжелые бочки, обитые железными обручами. Пахло смолой и соленым морем.

Множество чаек с пронзительными криками пролетало над мачтами кораблей, над набережной, над водой, покрытой маслянистыми пятнами. С моря шли маленькие волны. Ветер тихо гудел в реях и мачтах, будто звал куда-то вдаль, на простор.

Руал, задумавшись, шел позади товарищей. Он то и дело останавливался у каждого корабля и будто прилипал к нему глазами.

С набережной пошли в город.

— Позвольте мне остаться в порту, — попросил Руал учителя. — Я хочу посмотреть, как здесь работают.

— И я, и я хочу остаться! — закричало несколько голосов.

Учитель переглянулся со своим помощником.

— Вы, может быть, останетесь с ними, Кнутсен? Мы пойдем в музей, а к полудню встретимся в главной школе.

Школьники разделились. Большинство ушло с Нордалем, а несколько мальчиков с Кнутсеном остались на набережной.

Теперь уже нечего было торопиться, и мальчики подолгу разглядывали каждое судно, которое их занимало и казалось необыкновенным.

После ухода учителя Руал стал объяснять товарищам, как управляют судами, как охотятся в далеких северных морях. Он заметно гордился своими знаниями, рассказывал оживленно, с задором. Было видно, что море для него — родная стихия.

И Кнутсен, с удовольствием слушая мальчика, спросил невольно:

— Ты кем же будешь, Руал, когда кончишь школу?

Руал посмотрел прямо в лицо Кнутсену и ответил решительно:

— Я буду моряком.

«ТЫ БУДЕШЬ ДОКТОРОМ...»

Дверь в комнату тихо отворилась. Мать подняла от шитья голову. На пороге стоял Руал. Его глаза светились. Он радостно улыбался матери и вдруг смутился: в ее глазах были слезы.

— Ты опять плакала, мама?

Мать склонила голову к шитью и, не поднимая глаз, спросила глухим голосом:

— Проводил?

— Проводил, — ответил Руал. — Дождь накрапывает. Леон испугался, что испортит свою новую шляпу, и побежал быстро, как заяц по огороду.

Руал хотел шуткой развеселить мать, но она еще ниже склонилась к шитью, и мальчик услышал приглушенный всхлип.

— Ну, мама, не плачь же!

Мать дрожащим голосом откликнулась:

— Я не плачу. Ну что ж! Раз так надо, пусть уходит. Все сыновья ушли. Будут теперь скитаться по свету, — голос ее дрожал.

Руал ответил бодро:

— Хорошо будут жить, мама. Будут работать. Я тоже скоро буду работать. Мне уже четырнадцать лет.

Мать отрицательно покачала головой:

— Ты еще не скоро будешь работать. Ты должен много учиться. Ты ведь знаешь, я хочу, чтобы ты был доктором.

Мальчик сел за стол, положил руки на скатерть и внимательно посмотрел в лицо матери.

— Но, мама, я же говорил тебе, что я буду моряком.

— Нет, ты будешь доктором. Я не хочу, чтобы ты покинул меня. У меня уже никого не осталось, только ты один... — Она помолчала немного и сказала тихо, с мольбой: — Неужели и ты меня оставишь?

По лицу мальчика пробежала тень. Он хотел что-то сказать, но промолчал. Прежде он всегда много и долго спорил с матерью. Вот уже два года, как он твердил ей: «Буду моряком, буду», но с тех пор, как умер отец (а это случилось год назад), Руал перестал спорить с матерью.

Немного успокоившись, мать подняла голову и, пристально глядя на сына, сказала тихо, но твердо:

— Так-то, мой мальчик, ты будешь доктором. Пройдет еще лет шесть или семь, ты окончишь университет. Мы поселимся с тобой где-нибудь на тихой улице, может, в Христиании, а может быть, уедем в Бorge и проживем мирной, спокойной жизнью.

Мальчик откинулся на спинку стула и, полузакрыв глаза, слушал мать.

«Доктор?» Руал представил себе их соседа, доктора

Леви, седого, вечно кашляющего старика, с рыжеватой бородой, угрюмого, скучного. Он всегда ходит в черном сюртуке, и глаза у него такие, будто он недоволен всем миром. Неужели и ему, Руалу, придется стать таким же, как этот Леви?

«Нет, доктором я не буду», — решил он про себя.

А мать говорила о том, как они будут жить в Борге.

— Ведь Борге твой родной город. Мы увезли тебя оттуда трехмесячным ребенком. Там нам было хорошо. Но твой отец всегда хотел жить в столице. И вот мы переехали в Христианию. Правда, и здесь мы жили не плохо, пока не умер отец.

Руал закрыл глаза: под руками лежала книга о море, он не слушал мать, думая о своем. В черные окна убаюкивающе барабанил дождь. Мать взглянула на сына, на его закрытые глаза:

— Ты спать хочешь? Иди ложись.

Руал поднялся с места и, пожелав матери спокойной ночи, пошел к себе.

Его маленькая комната походила на каюту. За окном однообразно шумели деревья, и где-то недалеко за стеной слышался глухой звон. То били башенные часы: раз, два, три... пять... десять.

Вот уж сколько лет Руал думает только о море. Даже по ночам оно не оставляет его. Ему снятся океаны, моря, киты, моржи и тюлени — он едет далеко на охоту. И вот сейчас он засыпает с мыслью о море... Это не дождь шумит... это плещет море... «Пусть мама не много погорюет, но доктором все-таки я не буду!...»

«ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДЖОНА ФРАНКЛИНА»

Был праздник. Руал не пошел в школу. Он с утра заперся в своей комнате, не выходил, хотя было уже 12 часов дня. Мать подошла к двери, постучала.

— Руал, ты спишь?

Бодрый голос из-за двери ответил:

— Нет, мама, читаю.

— Иди же завтракать.

Руал появился на пороге с толстой книгой в руках. Его глаза были широко открыты, и он в упор смотрел на мать, на накрытый стол, будто удивлялся, как он сюда попал. Волосы его растрепались, ворот рубашки расстегнулся.

— Посмотри, Руал, в каком ты виде! — с укором сказала мать.

Руал машинально застегнул ворот, ладонью пригладил

дил волосы и сел за стол, положив перед собою книгу. Мать пододвинула ему кофе. Одной рукой Руал взялся за стакан, а другой открыл книгу, уперся глазами в недочитанную страницу. Мать возмущенно сказала:

— Перестань читать, сначала позавтракай.

Мать закрыла его книгу. Руал торопливо принялся пить кофе.

— Что это за книга?

— «Приключения Джона Франклина».

— Опять моряки?

— Да, мама.

— Ох, эти моряки! Они вскружили тебе голову. Ты только о них и думаешь. Пора бы перестать быть маленьким мальчиком.

— Почему, мама, маленьким?

— Тебе пора задуматься о твоей будущей жизни. Ты не моряком будешь, а доктором.

— А может быть, буду моряком?

— Ну что такое моряк? Или бедняк и пьяница, или человек, каждый день рискующий своей головой. Я хочу, чтобы ты жил спокойной жизнью.

Руал исподлобья посмотрел на мать, ему не хотелось спорить и некогда было. Он торопливо допил стакан кофе и, захватив книгу, опять побежал в свою комнату. Уже на ходу он открыл нужную страницу, положил книгу на стол, уперся глазами в строчки, машинально отыскивая стул, чтобы сесть.

«...Эту ночь несчастные путешественники переночевали в хижине, а утром опять пошли дальше, но к исходу второго дня у них опять не было ни крошки пищи. На каждой стоянке умирали матросы, умирали без ропота, без жалоб. Джон Франклин шел впереди, ободряя людей, обещая им скорое избавление...

На одной стоянке матрос Джемс снял сапоги умер-

шего товарища, отрезал ножом длинный ремень голенища и стал жевать. Глядя на него, другие матросы тоже резали сапоги и жевали кожу. Сам Франклин отрезал ремни от своих сапог... Жевали все, чтобы как-нибудь утолить нестерпимый голод».

Руал поднял голову от книги. Как? Сапоги, свои сапоги люди съели? Он посмотрел под кровать, где у него стояла пара крепких кожаных башмаков. Руал взволнованно поднялся со стула, прошелся по комнате. Шесть шагов в одну сторону, шесть — в другую. Он представил, как люди идут по темной ледяной пустыне, навстречу свирепому ветру. Ветер хлещет им в лицо, сбивает с ног. Они падают от усталости и истощения, умирают на стоянках, они едят собственные сапоги. Что привело их сюда? Жажда знать и видеть, что находится за Полярным кругом.

Руал взволнованно остановился перед окном. Весь сад залит солнцем. Небо сияло глубокое, как море. Джон Франклин ушел вот из такого же города, и матросы ушли из городов, где тепло, где светит ласковое солнышко, ушли к вечным полярным льдам, где ждали их страшные муки и, может быть, гибель. Но они хотели все знать, все видеть, обогатить науку.

Туда бы, скорее к ним, он шел бы с ними, он испытывал бы все эти лишения сам, он держался бы мужественно, всех бы ободрял, всем бы помогал...

— Я буду полярным исследователем, таким, как Франклин, — вслух сказал он и выпрямился, сияющий, будто нашел, наконец, то, что так долго искал.

ВСЁ — К ОДНОЙ ЦЕЛИ

«**К**ак же быть с мамой?» — снова и снова задавал себе вопрос Руал. Книгу про Джона Франклина он перечитал множество раз и знал наизусть те места, где говорилось о гибели славной экспедиции. И странно, все это не пугало его, и он все тверже укреплялся в мысли: «Я буду полярным исследователем».

Но что скажет мать, когда узнает, что ее Руал будет не только моряком, но и полярным исследователем? Моряк еще куда ни шло. Правда, жизнь у моряков беспокойная, опасная, многие моряки погибают в бескрайних просторах морей и океанов. Но ведь немало доживают и до глубокой старости, мирно проводя свои последние дни где-нибудь в тихом городке, в кругу семьи... Может быть, рано или поздно мать примирилась бы с тем, что Руал будет моряком.

Но никогда она не помирится с мыслью, что ее сын будет полярным исследователем. Она сама читала книги о полярных экспедициях. Люди, отправляющиеся за Полярный круг, часто исчезали бесследно.

«Не надо ничего говорить ей до поры до времени,— решил Руал.— Когда я вырасту и стану самостоятельным, тогда скажу. Может быть, мама не с таким горем примет эту весть, как она приняла бы сейчас. А сейчас пусть думает, что я буду таким же доктором, как скучный сосед Леви. Но мне необходимо начать готовиться...»

Так на два русла разделилась жизнь юного Руала Амундсена.

По-прежнему он учился, как все мальчики: аккуратно ходил в школу и не всегда получал хорошие отметки. А тайно, исподволь готовился к далеким опасным путешествиям по неизведанным полярным странам. Учению он отдавал только самое-самое необходимое время.

Генрих Петерсен, верный и преданный товарищ по школе, мечтал вместе с Руалом, как они сделаются моряками. И в те первые дни, когда Руал решил стать полярным исследователем, ему очень хотелось поговорить с Генрихом об этом. Но Генрих часто бывал у них, он мог проговориться при матери о планах Руала, и тайна была бы выдана. Нет, лучше молчать. Не говорить никому. Недаром есть норвежская пословица: «Настоящее большое дело делается втайне». А разве его дело не будет большим?

Итак, тайна! Он сам в одиночку будет готовиться к великим завоеваниям. Он поставит себе ясную цель и будет к ней стремиться.

Книга о путешествии Джона Франклина стала любимой книгой Руала. Он не расставался с нею и всегда

носил ее в ранце между учебниками. Но эта книга была библиотечная. Ее пришлось вернуть. Тогда он купил себе такую же, чтобы она всегда была с ним. Руал вырезал портрет Франклина, вставил в рамку и повесил у себя над столом, чтобы великий путешественник, погибший во льдах, всегда был перед его глазами.

Дни шли за днями, недели за неделями. Руал с головой был погружен в книги о путешествиях.

Давно-давно, целые тысячелетия люди плавают по морям и океанам. А все-таки земля и теперь еще лежит перед ними малоисследованной. Никто не знает, что находится на Северном и Южном полюсах, никто не знает, можно ли пройти на корабле вдоль северных берегов Америки из Атлантического океана до Берингова пролива или вдоль северных берегов Европы и Азии от Белого моря до того же Берингова пролива. На географической карте все, что лежит за Полярным кругом, обозначено белыми пятнами и вообще еще совсем недавно почти весь земной шар был сплошным белым пятном.

Только четыреста лет назад каравеллы Христофора Колумба впервые пересекли Атлантический океан и открыли Америку.

И только три века с небольшим назад Васко да Гама ощупью прошел вокруг берегов Африки, а другой путешественник, Америго Веспуччи, первый из европейцев описал берега Америки.

А таинственные области вечных льдов на севере и юге еще долго оставались под покровом неизвестности.

Два века назад корабли Кабота, Баренца, Гудзона и многих других путешественников робко приблизились к кромке вечных льдов и отступили, чувствуя себя бессильными.

И только в XVIII и в первой половине XIX века лю-

ди, отыскивая новые торговые пути и неудержимо стремясь к знанию, начали проникать все дальше и дальше в область вечных льдов.

Особенно много труда на освоение Севера положили русские. Уже с XVII века русские рыбаки и зверобой промышляли на Шпицбергене, известном у них под именем Груманта. В XVIII веке русские прожили на острове несколько лет, построили там избу, которая сохранилась до сих пор. На острове поставлено несколько крестов — знаки их пребывания. Еще раньше русские освоили остров Новая Земля, где промышленники жили не только летом, но и не раз зимовали.

Много сил отдали они также изучению северных берегов Сибири и прилегающих островов.

Выполняя завет беспокойного царя Петра Первого, мечтавшего о «дороге через Ледовитое море в Китай и Индию», вела работу Великая Северная экспедиция. Она исследовала все побережье полярного океана и нанесла на карту границы России на огромном протяжении от Белого моря до устья Колымы.

Все больше моряков-исследователей и моряков-промышленников идет в полярные страны. Они терпят лишения. Они погибают, но мало-помалу срывают завесу с таинственных стран.

И, погружаясь в книги, Руал Амундсен узнавал все ближе и ближе этих отважных людей.

Кто они? Чем они отличаются от других?

Они смелы. Они решительны. Они выносливы. У них железное здоровье. Они не боятся лишений, голода и даже смерти. Их воля крепка как сталь.

И невольно Руал сравнивал себя с ними.

Что он собою представляет? Он изнежен, боится холода. Здоровье? Где у него здоровье? Он такой же, как все мальчишки, которые хотят стать докторами, ад-

вокатами, бухгалтерами. Даже глаза у него побаливают от постоянного чтения по ночам.

Воля? Нет у него воли — сегодня он решает одно, а при первом же препятствии тут же отступает.

Знания? Нет у него и знаний, чтобы по-настоящему работать. А все великие путешественники — он это теперь знал — были и большими учеными.

Здоровье, воля, знания!.. Руал все взвешивал, обсуждал. Да, много надо работать, чтобы приготовить себя к будущим трудам и лишениям. И, поставив себе ясную цель, он начал работу над собой. Он станет полярным путешественником и откроет тайны Севера.

Все как будто шло по-старому. С сумкой, набитой учебниками, каждое утро Руал шел в школу, отвечал уроки учителям, старался всегда быть ровным и спокойным. Правда, на перемене он никогда не оставался в душном классе, а бежал на широкий двор, возился с товарищами. Прежде он не любил футбол, а теперь пристрастился к нему. Хоть пять минут, хоть десять — играл напористо, с увлечением. Футбол лучше, чем всякая другая игра, укрепляет мускулы ног, а крепкие ноги для полярного путешественника прежде всего.

По-прежнему он много читал. Он завел себе тетрадь, в которую выписывал опыты всех полярных экспедиций: как они были одеты, обуты при походах через льды, что ели, на чем везли снаряжение, как вели научные наблюдения.

Кропотливые записи росли строчка за строчкой.

Между тем наступила зима. В усердных занятиях Руал почти не замечал, как бежало быстроное время.

Время тянется долго только для ленивых и нетер-

пеливых. А Руал ни одной частицей своего тела не был ленив.

С конца ноября горы вокруг Христиании покрылись снегами.

За окном своей комнаты, на раму с наружной стороны, Руал приделал термометр. Морозы стояли небольшие — в пять-шесть градусов. Лишь однажды термометр показал двенадцать градусов. «Ого, сегодня холодно, — решил Руал, увидев, как низко упала ртуть, — надо одеться потеплее». Но тут у него мелькнула мысль: «Это же совсем пустяковый мороз против тех морозов, что бывают там, за Полярным кругом. Какой же я буду полярник, если теперь боюсь двенадцатиградусного мороза? Я должен приучить себя, чтобы переносить такой мороз незаметно».

И с этого утра он начал исподволь приучать себя к морозам.

В легкой куртке он ходил в школу, без перчаток, чтобы закалить руки. Утром и вечером обливался холодной водой со снегом. Все у него направлено было на то, чтобы сделать свое тело сильным и выносливым...

Как-то ночью, готовясь ко сну, Руал подошел к своей постели, снял одеяло, поправил простыню и подушку. «А как придется спать там? — подумал он. — Ни подушек, ни матраца, ни простыни там не будет. И холодно. А я привык спать в тепле и с удобствами».

Он тихонько вышел в переднюю (весь дом уже спал), принес свое теплое пальто, положил его на кровать поверх одеяла. Потом открыл окно — холод хлынул в комнату. Руал торопливо потушил лампу, разделся, юркнул под одеяло. «Вот так... хоть сколько-нибудь похоже на те ночевки». Из-под одеяла торчал только его нос.

Так с открытым окном проспал он первую ночь.

Рано утром мать постучала к нему:

— Руал! Что так дует из-под твоей двери?

Руал быстро вскочил с кровати, и холод тотчас схватил его от головы до пяток.

— Я отворил окно, мама.

— Закрой сейчас же, вся квартира выстыла.

Руал, захлопнув окно, стал одеваться, дрожа от холода. «Я не имею права мерзнуть. Я не должен мерзнуть. Мне тепло!» — убеждал он себя, стараясь побороть дрожь.

За завтраком мать, кутаясь в теплый платок, сердито выговаривала ему, что нельзя так вымораживать квартиру. Руал, улыбаясь, отмалчивался. А вечером, перед сном, прежде чем отворить окно, он положил под дверью коврик, свернутый трубкой, чтобы холод не проходил в другие комнаты.

Утром мать опять заметила: из комнаты Руала дует, как со двора. Опять был разговор.

— Почему ты отворяешь окно на ночь?

— Я хочу привыкнуть к холоду. Холод укрепляет.

— Ты же простудишься.

— Вот я и хочу закалить себя, чтоб не простужаться...

Мать сердилась, уговаривала. Руал стоял на своем: каждую ночь его окно оставалось открытым — в мороз, в снег — все равно. Он воображал: так же на холоде ему придется спать, может быть, долгие, долгие ночи в полярных краях.

«А как передвигаются там путешественники? Только на лыжах. Лыжи, лыжи, лыжи».

И Руал решил сделаться лучшим лыжником в Христиании.

На первые же деньги, полученные от матери, он ку-

пил лыжи, и увлекательная работа началась. Для Руала это был не спорт, а именно работа.

Руал пользовался каждым свободным днем, чтобы ходить на лыжах. И с каждым днем ходил все лучше.

В свободные дни, с мешочком за плечами, он с утра уходил в горы и возвращался только поздно вечером, уставший, но довольный своими успехами.

К апрелю он уже был настоящим лыжником — неустойчивым, закаленным. Он мог проходить без отдыха два десятка километров.

В конце зимы, как-то вечером, в библиотеке, куда Руал заходил, чтобы почитать в журналах о путешествиях, он вдруг увидел статью «На лыжах через Гренландию».

У Руала задрожали руки. «Гренландия? Лыжи?» Вот куда бы он отправился с восторгом. Он с волнением принялся читать статью. Молодой ученый Фритьоф Нансен хочет пройти на лыжах через ледники Гренландии! На корабле он доедет до восточного берега этого мертвого острова, на лодке пробьется через плавучие льды, что окружают берег, поднимется на ледник, покрывающий всю Гренландию, и на лыжах пройдет через Гренландию до ее западного берега, до местечка Готтаб.

Несколько минут Руал сидел ошеломленный.

Вот это путешествие! Пока он, Руал, мечтает о дальних краях, его земляк Нансен уже готовится к проходу через недоступную, неизведанную Гренландию на лыжах.

«Кто такой Нансен?»

В статье о нем не было ни слова.

Руал подошел к библиотекарю:

— Скажите, пожалуйста, где я могу прочесть о Нансене?

Библиотекарь пристально глянул на Руала и улыбнулся.

— Ага, и вас захватило? Вы тоже не прочь пуститься с ним в поход?

Руал вспыхнул от смущения: библиотекарь прочел его сокровенную тайну — он и в самом деле не прочь пойти вместе с Нансеном. Но вслух он ответил:

— К сожалению, я еще не вырос, чтобы пуститься в такой путь.

— Жалеть здесь нечего. Нансен затеял безумное предприятие. Прочтите-ка вот это.

И библиотекарь подал Руалу тоненький юмористический журнальчик, ткнув пальцем в страницу.

Руал прочел:

«В июле месяце нынешнего года лаборантом Нансеном будет дано замечательное представление: бег на лыжах по материковому льду Гренландии. Места публики устроены в трещинах ледников. Брать обратные билеты излишне».

И картинка была: среди ледяных гор лежит длинноногий человек с привязанными к ногам лыжами. Он замерз, его заносит снегом.

Руал нахмурился. Насмешка его обидела. Он протянул журнал назад библиотекарю, сказал строго:

— Я хотел бы прочесть что-нибудь более серьезное.

— Вам, я вижу, не нравится насмешка? — опять улыбнулся библиотекарь. — Но в самом деле затея Нансена похожа на безумие. Мало кто пишет об этом деле серьезно. Впрочем, можете прочесть вот здесь и здесь.

Библиотекарь подал Руалу две газеты.

Кто же такой Нансен? Молодой ученый, живет в Бергене. Ага, он уже подбирает спутников? Ему нужны три человека, привыкшие к полярным путешествиям. «Мо-

жет быть, написать ему?» — подумал Руал, и от одной этой мысли у него похолодели руки.

И тотчас он прикинул в уме: ему еще не было шестнадцати (он родился в 1872 году, 16 июля), он никогда не путешествовал не только по полярным странам, но даже и по океанам.

В тот вечер он пробыл в библиотеке до ее закрытия, перечитывая все газеты и журналы, где говорилось о Нансене. Руал увидел, что большинство авторов не верят в затею Нансена. Называют ее вздорной, и он сердился на таких авторов, но в двух-трех статьях планы Нансена хвалили и одобряли.

С этого дня Руал стал напряженно следить за всеми приготовлениями к походу. В газетах замелькали вести: Нансен нашел трех спутников, тоже норвежцев. Это были капитан Свердруп, лейтенант Дитрихсен и молодой крестьянин Тран. С ними едут еще два лапландца.

В яркий апрельский день Христиiania провожала Нансена и его спутников. Вся набережная была запружена народом. Суда в порту разукрасились разноцветными флагами. Наконец показался Нансен — он шел с непокрытой головой среди толпы, стоявшей шпалерами. Руал был возле самых мостков. Немигающими жадными глазами смотрел он на отважного путешественника. Он орал оглушительно «ура», махал шляпой. Когда пароход, на котором уезжал Нансен, отошел от пристани, во всем порту загудели суда и на мачтах взвились флаги «Счастливый путь!». С крепостных стен прогремел пушечный салют. Огромная толпа на набережной запела гимн: «Да, мы любим эти скалы!»

Вот пароход миновал старые стены крепости и скрылся за поворотом канала — толпа начала расходиться. Руал ушел с набережной последним.

И с того дня он каждое утро жадно хватался за газету: «А нет ли вестей о Нансене?»

А вести были скупы. Нансен прибыл в Копенгаген. Нансен выехал в Шотландию. Нансен едет в Исландию, чтобы сесть на корабль «Язон», который и доставит его к восточному берегу Гренландии. В начале июня в газетах промелькнула последняя заметка: «Нансен и его спутники сели на «Язон» и отправились в океан». С того дня никаких сведений не было целых два месяца. Руал напряженно ждал вестей, а их не было и не было. Наконец, уже в сентябре, появилось короткое сообщение: «Еще в середине июля Нансен и его спутники в двух лодках отправились с «Язона» на берег Гренландии через плавучие льды».

А еще через месяц пришла новая весть: «Экспедиция Нансена благополучно перешла на лыжах через ледяные пустыни Гренландии и осталась зимовать на западном берегу, в местечке Готгабе, куда корабли ходят только летом».

Это известие Руал прочел в газете утром по пути в школу. Он повернул было назад, домой: хотелось сказать матери немедленно об этом величайшем событии. Но вернуться домой — значит опоздать на уроки. Нет, нет. Он побежал в школу. Размахивая газетой, он ворвался в класс.

— Нансен перешел Гренландию! Ур-ра!..

ГЕРОЙ

Во всех норвежских газетах и журналах появились восторженные статьи о Нансене. Руал каждый день по вечерам сидел в библиотеке до ее закрытия. Тот же библиотекарь, который несколько месяцев назад посмеивался над Нансеном, теперь говорил лстыиво:

— Нансен? О да! Нансен — наш герой.

И в тех газетах, где когда-то ругали Нансена, теперь ему пели гимны.

В журналах появились портреты Нансена и его родных — отца, матери, снимки домика, в котором он жил, училища, в котором учился. Вот Нансен-мальчик. Белокурые подстриженные волосы, курточка такая же, какую носил в десять лет и Руал. Нансен увлекается охотой, он любит рыбную ловлю. Газеты наперебой сообщали различные события из его жизни. «Однажды

маленький Фритьоф пошел ловить рыбу. Клев был богатый, и скоро в его корзине уже плескалось десять больших рыб. Фритьоф заторопился и махнул леской так неудачно, что крючок впился в его верхнюю губу. Нестерпимая боль заставила его ухватиться обеими руками за крючок. Он попробовал вытащить его. Крючок держался крепко. Тогда Фритьоф с крючком в губе побежал домой. Кровь залила его куртку. Мать встретила его испуганным криком:

— Что с тобой, мой мальчик?

— У меня в губе крючок, — стараясь быть спокойным, ответил Фритьоф.

Мать попыталась вытащить крючок, но он не вылезал. Тогда она взяла острый нож, надрезала кожу на губе. Фритьоф не кричал, не плакал, как будто даже не волновался». «Заплакал бы я, если бы со мной случилось так? — спросил себя Руал. — Пожалуй, заплакал бы. А мама... Она бы закричала от страха».

Еще писали газеты: в детстве и юности Нансен увлекался лыжами. Сейчас он ходит на лыжах так, что мало кто может его перегнать. Готовя себя к дальним путешествиям, он закалял себя постоянными спортивными упражнениями.

Руал делал как раз то же самое, что и Нансен. Это обрадовало Руала, значит, он идет по правильному пути. Когда-нибудь он тоже совершит большое путешествие в полярные страны, и вся Норвегия будет так же гордиться им, как сейчас гордится Нансеном.

Приближался май 1889 года. Страна готовилась встречать Нансена. И вот настал день: все жители Христиании с утра направились в гавань. Берега фиорда, стены старой крепости были усеяны народом. Сотни судов и тысячи лодок вышли навстречу пароходу, на котором ехали Нансен и его спутники.

Руал и его три товарища в лодке вышли далеко в море. Их опередили только пароходы и большие ёлы. Но вот забелел пароход, тот, которого ждали, на всех портовых судах прогудели трижды встречу, на всех мачтах взвились разноцветные флаги «Добро пожаловать!». Руал впился глазами в пароход. Там, на баке, возле сигнального колокола, стояло шестеро. Четверо высоких людей и двое маленьких. Лодка Руала встала на пути парохода. Забыв обо всем, ребята бросили весла, неистово закричали и замахали шляпами. Шестеро с парохода ответили им поклоном. Позади всех стоял Нансен — Руал сразу узнал его. Нансен поднял над головой шляпу.

— С ними женщины! — сказал Петерсен, сидевший у руля, и показал на маленьких спутников Нансена.

— Это не женщины. Это лапландцы — Блато и Равно, — ответил Руал (из газет и журналов он знал по имени каждого участника экспедиции).

Пароход медленно шел к пристани. Длинным хвостом тянулись за ним лодки и ёлы. Со стен крепости грянули пушечные выстрелы — приветственный салют. Тысячная толпа на берегу пела песни, кричала «ура».

Руал, работая веслами изо всех сил, стараясь не отстать от парохода, греб, кричал, пел, а глаза его светились счастьем.

До поздней ночи густая толпа стояла перед домом, где остановился Нансен. Руал, конечно, был в толпе. Время от времени Нансен показывался на улице, его встречали громогласным «ура», пением. Он был истинным народным героем.

ПЕРЕЛОМ

Неторопливо потянулись студенческие годы Руала; по настоянию матери он изучал медицину. Но по-прежнему тайно готовился к полярным путешествиям. Теперь он уже свободно проходил на лыжах пятьдесят километров в день, легко взбирался на горы и в беге на лыжах завоевал первенство. Летом он увлекался греблей и футболом — это был верный путь к укреплению здоровья. А ночи он проводил за чтением книг о полярных путешествиях и изучал языки. Он говорил по-немецки, по-французски, по-английски.

Так прошло два года его студенческой жизни. Оставалось еще три года, он окончит университет, получит диплом доктора, и тогда, тогда... он скажет матери правду. А пока ни к чему ее беспокоить. Не завтра же он поедет в полярные страны! Он еще молод, у него еще нет опыта, нет знаний, он недостаточно закален.

Вот Нансен... Если бы стать таким, как Нансен!

В эту зиму о Нансене все норвежские газеты опять заговорили. Он собирался в новую смелую экспедицию, к Северному полюсу.

К полюсу! К полюсу! Ведь это как раз то, о чем тайно мечтал Руал. А газеты трубили вовсю: Нансен строит корабль небывалой формы. У корабля нет киля, днище у него полукруглое, как половина яйца. Когда полярные льды сожмут его, корабль поднимется вверх, а не будет раздавлен, как это было со знаменитым кораблем «Жаннетта».

Руал уже читал о трагической судьбе «Жаннетты» и ее командира де Лонга. Корабль затерло льдами у берегов Восточной Сибири, экипаж покинул его, льды потащили «Жаннетту» к полюсу, по пути раздавили, и обломки через пять лет были выброшены на западных берегах Гренландии.

Как идет течение в Северном Ледовитом океане? От берегов Сибири через полюс к берегам Гренландии. Уже давно полярные путешественники заметили, как много сибирских сосен, елей, лиственниц валяется по берегам Гренландии. Этот лес вынесен в океан сибирскими реками — Обью, Енисеем, Леной. В океане его захватывает ледяное течение, и лес плывет со льдами через полюс к Гренландии.

Нансен решил на своем корабле повторить путь сибирских сосен, лиственниц и обломков «Жаннетты». На корабле он вмерзнет в лед и вместе со льдом проплывет через полюс к берегам Гренландии.

Смелый план Нансена потряс Руала. Вот как надо работать и мыслить! Смелость, широта взгляда, остроумие! Тысячи людей знали об этом, и сам Руал читал, и только Нансену пришла в голову великая мысль проплыть со льдами через полюс.

Осенью корабль был закончен и спущен на воду. Имя ему дали «Фрам», что по-норвежски значит: «Вперед!» Вперед через льды к полюсу!

В конце 1892 года Нансен поехал в Англию. Ему надо было узнать, что скажут специалисты о его плане. Руал мысленно был с ним. Нансен сделал доклад в Лондоне в Географическом обществе в присутствии многих полярных путешественников. И... план Нансена был отвергнут. Известный путешественник Мак-Клинтон заявил, что никогда в Географическом обществе не обсуждалось столь безрассудного по своей смелости плана.

— Судно будет неизбежно раздавлено льдами! — заявили специалисты.

Адмирал Нерс просто сказал:

— Северного полюса достичь нельзя.

Руал возмутился: может быть, англичане говорят так из зависти?

Он страдал не меньше, чем сам Нансен. Он боялся: вдруг Нансен откажется от своего плана? Тогда... Что тогда? Тогда сам Руал возьмется осуществлять его. Как это прекрасно: на корабле пройти через полюс!

Однако разговоры в Лондонском географическом обществе не смутили Нансена. Он вернулся в Норвегию и с новой энергией принялся за подготовку. Во что бы то ни стало он доведет свой план до конца.

Отплытие «Фрама» было назначено на иванов день — 24 июня. Этот день считался в Норвегии народным праздником. Еще накануне Руал уехал из дому к бухте Люзакер, где стоял «Фрам». Одинокó бродил он по набережной, издали посматривая на корабль. Как жаль, что он не мог поехать с Нансеном, он молод... неопытен...

В ночь начался праздник. По горам загорелись костры, зазвучали песни. Молодые и старые плясали и пе-

ли. А Руал, печальный, бродил среди веселящихся людей. Что скрывать? Он завидовал. Завидовал тем, кто завтра поедет на «Фраме» к полюсу.

Так прошла бессонная ночь и наступил день. С утра моросил дождь. Но все набережные у бухты Люзакер были заполнены народом. Нансен вышел из дверей своего дома. Его провожали жена с маленькой дочкой на руках и тысячи восторженных людей. Нансен сел на маленький катер и понесся по бухте к «Фраму». Всюду кричали «ура», гремела музыка. Вот катер остановился возле «Фрама», и Нансен поднялся на палубу. «Фрам» расцветился флагами и двинулся из бухты к морю. Вскоре сетка мелкого дождя скрыла корабль. Но Руал еще долго всматривался в серую, неясную даль.

Угрюмый он вернулся домой. Сколько лет ему еще ждать? Два года, три, четыре?

Ему почему-то долго не открывали дверь. Он ждал: сейчас загремит засов, и в двери появится мать; она почти всегда встречала его сама. Но в открытой двери появилась пожилая женщина, соседка Марта. Руал удивился:

— А где мама? — растерянно спросил он.

Марта смутилась, сказала тихо:

— Мать лежит, заболела.

Руал торопливо побежал в комнату матери. Мать лежала с закрытыми глазами. Лицо ее пылало. У изголовья сидел доктор Леви. Он поднял руку, требуя тишины, и Руал спросил шепотом:

— Что с ней?

Старик ничего не ответил, тяжело поднялся с места и, взяв Руала за руку, увел в соседнюю комнату.

— Вероятно, она уже давно больна, но перемогалась. Болезнь подкосила ее сразу.

Когда они вернулись к больной, хмурый доктор Ле-

ви наклонился над нею, тронул ее веки, искоса взглянул на Руала и покачал головой, будто хотел сказать: «Дело совсем плохо». Руал сел у ног матери. Он глядел на нее, не мигая, не понимая, что происходит. В комнаты тихо входили какие-то женщины, услышавшие печальную весть. Он не слышал их вздохов, всхлипываний. Доктор Леви вышел в соседнюю комнату и поманил за собой Руала, здесь уже стояли брат Леон, его жена, тетка Улава Кристенсен и еще какие-то люди. Они молча здоровались с Руалом, говорили шепотом.

Руал подошел к окну. Летняя ночь была полна тревожной тишины, будто и она трепетно ждала: умрет или не умрет мать Руала Амундсена.

Мать умерла к утру.

ПЕРВОЕ ИСПЫТАНИЕ

Смерть матери ошеломила Руала. Недели две после ее похорон он ходил как оглушенный. Он ощущал вокруг себя пустоту, которую ничем нельзя было заполнить. Из его жизни ушел человек, который заботился о нем, любил его, теперь он один на свете. Пустые комнаты его угнетали. Дело валилось из рук. Но сильная воля и привычка все настойчивей звали его к работе.

Теперь уже не нужно ни от кого скрывать свои мечты, можно отдаться целиком своей основной работе, идти прямо к поставленной цели. И немедля Руал подал в университет заявление, что он прекращает занятия.

Он знал, что его ждала военная служба. Как все молодые люди его возраста, он должен был отбывать воинскую повинность. Пока был студентом, ему давали отсрочку, а теперь он обязан служить.

И Руал ждал этого времени: здесь, в строю, по-настоящему он испытает себя — силен ли он, вынослив ли, может ли быть хорошим солдатом.

Военная служба в Норвегии в то время продолжалась всего несколько недель, она не могла надолго оторвать Руала от его основной цели, и Амундсен с большой готовностью пошел на призыв. И только одно смущало его. Уже давно он заметил, что от постоянного чтения его глаза стали портиться. Он обращался к доктору, тот нашел у него близорукость и предписал носить очки.

Руал отказался от очков, он надеялся, что зрение исправится. Но при тщательном осмотре близорукость может открыться и его забракуют.

В назначенный час с толпой молодых людей он пришел в воинское управление, где заседала врачебная комиссия.

Главный доктор осмотрел его с головы до ног и вдруг поднялся.

— Повернитесь-ка, молодой человек! — сказал он Амундсену.

Тот повернулся.

— Прекрасно, прекрасно, молодой человек! Какая великолепная мускулатура, какое отличное сложение.

Он пощупал руки и ноги Руала — они были тверды как железо. Старый доктор несколько раз обошел вокруг него, любуясь его сильной фигурой. Наконец он спросил:

— Как это вам удалось развить такую мускулатуру? Передо мной каждый год проходят тысячи новобранцев, но я ни разу не видал ни одной такой великолепной фигуры.

Амундсен ответил:

— Я много занимаюсь физическими упражнениями.

— И давно?

— Уже шесть лет.

— А какими именно?

— Лыжи, футбол, гребля, бег, ходьба.

Доктор подошел к двери, ведущей в соседнюю комнату, и крикнул:

— Пожалуйста-ка, господа, полюбуйте́сь новым чудом.

Из двери в приемную вошли офицеры, члены комиссии.

— Вот вам образец человека, который сам сделал себя богатырем.

Офицеры осмотрели Амундсена и тоже рассыпались в похвалах. Восхищенный доктор забыл даже освидетельствовать зрение новобранца, и Амундсен был принят на военную службу.

С рвением занимался Руал военным строем и гимнастикой, стоял на часах, совершал переходы по горам. И здесь впервые понял, как далеко опередил своих товарищей. Он был сильнее всех в роте и всех выносливее. И легко переносил солдатские тяготы.

На рождество молодые солдаты были отпущены домой. Военная служба не была для Амундсена испытанием. Он мечтал о таких трудностях, которые походили бы на те, что приходится переживать полярным путешественникам.

Зима в том году была суровая, с вьюгами, морозами. Амундсен был рад такой зиме, она напоминала ему вьюги и морозы в полярных странах.

«А что, если побывать в такую зиму где-нибудь в ледяной пустыне? Как я буду там себя чувствовать?»

Время у него есть, он мог бы куда-нибудь уехать на две недели. Но где в Норвегии найдешь ледяную пустыню? Ба! Хардагерское плоскогорье! Чем не пу-

стыня? Если его пересечь с востока на запад, это будет Гренландия, только раз в тридцать-сорок меньше. Он припомнил все, что слышал и читал об этом плоскогорье.

Оно лежало высоко над уровнем моря. Там постоянно дули холодные ветры. Зимой никто там не бывал, лишь летом иногда заходили пастухи и охотники. Да, зимой у плоскогорья было много общего с полярными странами. Перейти через плоскогорье — значит узнать, что такое полярный путь. Только одному идти нельзя — нужен верный товарищ. Амундсен перебрал в памяти всех друзей. Приглашал одного, другого. Никто не решался идти в такое опасное путешествие. Наконец Руал обратился к старшему брату Леону, и тот согласился.

Братья готовились к этому путешествию так тщательно, как будто это был настоящий полярный поход.

Они начали свой путь прямо из Христиании, откуда вышли на лыжах ранним утром, и к вечеру второго дня добрались до маленькой усадьбы Муген, лежавшей на восточной стороне плоскогорья. Усадьба представляла собой небольшой домик со службами. Прямо за домиком шел подъем на плоскогорье, а внизу простиралась долина, разукрашенная синеватыми узорами лесов.

Молодых путешественников встретил старик, владелец усадьбы. Он повел их к дому. Два сына старика, их жены и старуха мать с большим удивлением, подозрительно смотрели на пришельцев. Зачем они сюда пожаловали, да еще в такую пору, когда к усадьбе нет ни прохода, ни проезда?

Братья попросили разрешения переночевать. Хозяин поколебался мгновение и пригласил их в дом. Скоро на очаге закипел кофе, стол был накрыт, и все сели

за ужин. И старому хозяину, и его сыновьям, и особенно женщинам хотелось поскорей узнать, зачем пришли к ним эти люди.

— Куда же вы направляетесь? — спросил, наконец, старик.

Руал ответил просто:

— Мы хотим пройти через плоскогорье к маленькой усадьбе Гарен. Вы знаете такую усадьбу? Она лежит на той стороне.

Старик и его сыновья засмеялись: они думали, что Руал шутит.

— Как можно пройти по ледяным горам зимой, когда там даже летом не проходит никто.

Старик испытующе посмотрел на него и покачал головой.

— Вам что, жить надоело? Вы там заблудитесь, замерзнете, попадете в пропасть. Я и мои сыновья знаем это место вдоль и поперек: там ходить опасно.

— Все-таки мы пойдем.

— Сколько же времени вы намерены там пробыть?

— Я думаю, мы пройдем через все плоскогорье в два дня. От вашей усадьбы до усадьбы Гарен сто километров. Этот путь мы легко осилим.

— А где вы переночуете?

— В снегу. У нас есть спальные мешки.

Старик покачал головой:

— Рискованное дело! Конечно, желаю, чтобы вы благополучно прошли, только что-то плохо верю. А в снегу ночевать не советую. Как раз на полдороге стоит пастушья хижина. Найдите ее и в ней переночуйте. Там есть дрова. По крайней мере не замерзнете.

После ужина все улеглись спать. Гостям отвели место у камина — самое теплое и почетное: «Пусть поспят... перед смертью».

Братья решили выйти как можно раньше. Но еще до рассвета началась метель. Снег крутился вихрем — в двух метрах ничего не было видно. Идти в такую метель — значит в самом деле погибнуть. Наши путешественники решили переждать. Однако прошел день, два, три, пять, а метель не прекращалась. Только в ночь на девятые сутки ветер, наконец, утих. И братья тронулись в путь. Старик и два его сына пошли проводить их вверх по долине до того места, где начинался подъем на плоскогорье. Всю дорогу они отговаривали братьев от безумной затеи.

— Вот видите, восемь дней дула метель. Она может повториться, вы заблудитесь и погибнете.

— Не погибнем! — бодро ответил Руал.

Старик покачал головой — он указал едва заметную тропку, что извивалась между оледенелыми скалами.

— Идите здесь, это самый лучший подъем. А наверху придется идти уже по компасу: там никаких тропок нет.

Путешественники сердечно простились с гостеприимными хозяевами и пошли по тропке. Подъем был крут, они двигались медленно. Целых два часа одолевали они подъем. Сверху открылся великолепный вид на долину. Далеко внизу лежали синие узоры леса и селения. Низко над горами висели белесые зимние облака.

Руал развернул карту, вынул из кармана компас, показал брату:

— Сейчас мы вот здесь. Вот тут приблизительно будет хижина. Главное, не сбиться с пути, идти прямо на хижину.

На спиртовке они вскипятили себе кофе, позавтракали и двинулись в путь. У каждого на ногах были лыжи,

в руках палки, а за спиной спальный мешок из оленьих шкур, небольшой мешок с провизией и маленькая спиртовая лампа. Их съестные припасы состояли из галет, плиток шоколада, небольшого количества масла и бутербродов.

Окинув взглядом долину, братья оттолкнулись палками и заскользили по снегу. Руал шел впереди, поглядывая на компас. Путники то поднимались на холмы, то спускались вниз, в небольшие долинки. Снег мягко скрипел под лыжами. Братья быстро продвигались вперед. Но зимний день короток — близились сумерки, а кругом были все те же холмы, все те же долины, и низко висели белесые облака.

Леон затревожился:

— Найдем ли хижину?

— Найдем, — твердо отвечал Руал. — Компас доведет.

Вот уже и совсем стемнело, а хижины все не видно, только глубокой ночью путешественники наткнулись на нее. Братья радостно прокричали «ура». Но хижина была занесена со всех сторон снегом. Они несколько раз обошли вокруг нее. Окна и дверь хижины были забиты досками. Леон поднялся на крышу, пытаясь пробраться в хижину через трубу. Однако труба, заложённая тяжелыми досками, была очень узка. Поднялся ветер, путники замерзли. С большим трудом лыжами и палками они отрыли снег от двери, ножами вырвали из досок гвозди и вошли в хижину. За этой работой оба отморозили пальцы. Зато в хижине лежали заготовленные дрова. Руал поднялся на крышу, убрал доски, что закрывали трубу. Леон развел в очаге огонь. Но дым валил в хижину, ел глаза.

Около двух часов ушло на то, чтобы растопить печь. Путешественники вконец устали, но все-таки печь была

разведена. Они согрели кофе, согрелись сами и, закутавшись в спальные мешки, улеглись около очага.

Утром, едва забрезжил свет, они встали, думая, что теперь их мытарства кончились, им остается только пройти половину плоскогорья. Братья не сомневались, что они легко найдут усадьбу Гарен, ведь нашли же они эту одинокую хижину. Но не радостно было утро. На дворе бушевала метель.

— Что же делать? — растерялся Леон.

— Будем сидеть и ждать. Метель когда-нибудь кончится. Путешественники должны быть терпеливыми.

Они обшарили всю хижину, заглянули под лавки и нашли в углу маленький мешок с ржаной мукой.

— Вот это пока и будет нашей пищей, — сказал Руал. — А запасы побережем для дороги.

Они растопили в котелке снег и сделали из муки жидкую кашу. Невкусная была эта самодельная каша! Но полярный путешественник ко всему должен привыкать...

Два дня бушевала метель, и два дня братья сидели в хижине. На третий день метель приутихла.

С западной стороны плоскогорья было только два удобных спуска: один рядом с усадьбой Гарен, другой — в пятидесяти милях от нее.

Нужно было очень внимательно следить по компасу и по карте, чтобы точно выйти к намеченному месту, иначе собьешься с дороги, попадешь в пропасть. Руал поминутно разворачивал карту и справлялся по компасу. Не успели они пройти и десяти километров, опять повалил густой снег, сразу потеплело, карта размокла, пришлось ее бросить и идти только по компасу.

Сквозь пелену снега они видели все те же невысокие холмы и все те же долины. А где-то за ними, далеко у обрыва плоскогорья, стояла усадьба Гарен.

НА ВОЛОСОК ОТ СМЕРТИ

Шесть часов шли они, не останавливаясь. Стало смеркаться. Дальние горы слились с небом, на-
двинулась ночь. Ветер засвистал сильнее, снег
плотной завесой падал со всех сторон, за три ша-
га впереди ничего не было видно.

Братья шли рядом, боясь потерять друг друга. Ле-
он совсем выбился из сил, у него болели руки, обмо-
роженные в тот вечер, когда они открывали дверь хи-
жины.

— Не могу больше идти, — сказал он.

— Что ж, будем ночевать здесь, в снегу, — пред-
ложил Руал.

Братья сняли лыжи, вытоптали маленькую площадку,
поели немного галет и бутербродов, забрались в спаль-
ные мешки и, не стряхнув снега с одежды, закрылись
с головой. Сумки с провизией они положили у ног, во-
ткнули возле них палки.

А вьюга продолжала бушевать. Ночью снег на их одеждах стал таять, и мешки промокли изнутри.

Среди ночи ударил мороз: мешки начали промерзать, холод пробрался под одежду. Первым проснулся Руал. В темноте он заворочался и вдруг понял, что совсем окован и не может разогнуться. С трудом повернулся он с бока на бок. «Так, пожалуй, я замерзну, — подумал он, — не выпить ли спирту из лампы? Авось согреюсь». Он вылез из спального мешка, нащупал лыжные палки — как раз возле них лежала сумка, закрытая в снегу. Руал вырыл одну ямку, другую, третью — сумки не было. Он встревожился и разбудил брата:

— Послушай, где твоя сумка?

Леон вылез из спального мешка. Сумки его тоже не было. Целый час братья ползали в сугробе, разрывая снег руками. Холодный ветер пронизывал их до костей, а метель все не прекращалась.

— Отыщем утром, когда рассветет.

Измученные, они опять забрались в мешки и без сна пролежали до рассвета. На рассвете они перерыли лыжами и палками всю площадку — обе сумки с провиантом исчезли бесследно. Вероятно, утащили лисицы.

— Ну что ж искать напрасно, — сказал Руал. — Пойдем голодными.

Братья переглянулись. Они понимали всю серьезность положения: если им не удастся выйти к жилью, они погибнут от голода. Нельзя терять ни минуты, надо идти немедленно, пока есть силы. Быстро собравшись, они встали на лыжи и, сверяясь с компасом, направились на запад, к усадьбе Гарен. Не прошли они километра, как опять повалил такой густой снег, что они ничего не могли разглядеть впереди себя даже за несколько шагов.

«Куда мы идем? Может быть, мы кружимся где-

нибудь уже возле спуска? Так можем слететь в пропасть и погибнуть», — думал каждый про себя.

— Послушай, Руал, — сказал Леон, — вернемся. Найдем хижину, опять отдохнем и пойдем назад, к усадьбе Муген.

Руал минуту подумал: в самом деле, спуск с плоскогорья в такую погоду найти невозможно. Возвращаться обидно, но идти вперед — безумие. И он сказал коротко:

— Хорошо, вернемся.

Они повернули назад, в сторону хижины. Скоро наступила ночь. Опять повалил сырой снег. Вся одежда на путниках промокла. В темноте они добрались до небольшой скалы и здесь укрылись от ветра.

Руал сказал:

— Давай выроем ямы, завернемся в мешки, залезем в эти ямы, в снегу мы отлично переспим.

— Нет, я не могу, — ответил Леон. — У меня нет сил. — А сам все же забрался в мешок и почти потерял сознание от изнеможения.

А Руал лыжами и палками вырыл глубокую яму и улегся туда в спальном мешке. Он читал, что путешественники в полярных странах не раз спасались так от мороза и метелей. И в самом деле, он довольно быстро согрелся и заснул, измученный дневным переходом.

Мокрый снег толстым пластом укрыл яму. Под утро ударил мороз и сковал весь снег; когда Руал проснулся, все его тело окоченело, и, сколько он ни пробовал, пошевелиться не мог.

«Что это, я, кажется, вмерз в ледяную глыбу?» — подумал Руал, цепenea от ужаса. Он отчаянно пытался освободиться, но снег не поддавался. Тогда он стал звать брата — голос гас где-то рядом, возле рта. Так, вероятно, кричит в гробу заживо погребенный.

«Мы погибли», — решил Руал про себя. Ему представилось, что Леон тоже вмерз в снег и не может освободиться. От волнения он на момент потерял сознание. Но воля! Воля! «Прежде всего спокойствие, — сказал он себе, — не надо волноваться, иначе я задохнусь». И он пытался спокойно обдумать, как спастись. Вдруг он услышал отдаленные крики: «Руал, Руал!»

Это звал его Леон. Руал откликнулся, но голоса не было. Леон долго кружил по тому месту, где они ночевали. И вдруг на снегу заметил темное пятнышко шерсти — это были волоски от спального мешка Руала. Леон копнул палкой и обнаружил, что под снегом действительно лежит брат.

Смерзшийся за ночь снег был тверд, как лед. Откопать брата было нелегко. Целых три часа понадобилось на то, чтобы освободить его из ледяной могилы.

ИХ НЕ УЗНАЮТ

Когда Руал вылез из спального мешка, он едва держался на ногах от слабости. Леон сидел на снегу без шапки, без рукавиц. Была еще ночь, кругом ни зги не видно. Но путники уже не могли оставаться на этом месте за скалой.

— Пойдем, — сказал Руал.

— Пойдем, — откликнулся Леон сердито. Он был зол за то, что брат втянул его в такую авантюру.

Они встали на лыжи, закинули за плечи спальные мешки и вышли из-за скалы. Руал зажег свечку, посмотрел на компас, наметил путь.

— Будем идти по звездам.

Они молча двинулись вперед. Скоро ветер утих. Небо на востоке чуть забелело. Леон шел впереди, шагах в тридцати. Руал отчетливо видел его. Вдруг брат мгновенно исчез, будто провалился сквозь землю. Руал, за-

тормозив, повалился на бок, ползком пробрался к краю обрыва и услышал глухой голос:

— Руал! Осторожнее! Я свалился!

Далеко внизу черным пятном виднелся Леон.

— Ты жив? — крикнул Руал.

— Жив. Я упал на спину, на спальный мешок.

Руал долго искал, где можно спуститься. С трудом он пробрался к брату и помог ему вскарабкаться наверх.

— Будем ждать рассвета, иначе сломаем голову.

Они закутались в спальные мешки, сели на краю обрыва и прижались друг к другу спинами. Обоих мучил жестокий голод. Уже четыре дня прошло с тех пор, как они последний раз пообедали в усадьбе Муген, и два дня, как они поели мучной кашицы. Силы их убывали. Чтобы хоть немного утолить голод, они то и дело пили воду. Здесь, на плоскогорье, было много небольших озер, и вода пробивалась из-под льда ручьями.

С рассветом они двинулись дальше...

С беспокойством глядели по сторонам: неужели придется и эту ночь провести под открытым небом? Вдруг Руал заметил какое-то строение, черневшее далеко впереди. Они прибавили ходу и скоро увидели небольшой сарай, полный сена. Вокруг сарая были лыжные следы. Амундсен радостно закричал:

— Ну, теперь мы спасены! Переночуем здесь, отдохнем, а утром пойдем по лыжным следам.

Они сняли лыжи, залезли в сарай, глубоко зарылись в сено и заснули как убитые.

Утром первым проснулся Руал. Он вылез из сарая, надел лыжи, позвал:

— Леон, пойдем посмотрим, где мы находимся.

Брат ответил мрачно:

— Я не могу двигаться, я измотался.

— Ну, тогда ты подожди, я пойду на разведку.

Руал быстро прошел небольшую площадку, обогнул холм и увидел вдали человека. Человек шел куда-то в сторону на лыжах. «Это охотник идет осматривать свои ловушки», — решил Руал. Из всех сил он побежал к человеку, замахал шапкой, закричал. Человек сначала остановился, удивленно всматриваясь, кто к нему может бежать из-за холмов, потом вдруг повернулся и со всех ног пустился наутек, вообразив, что перед ним дух, бродящий по ледяному плоскогорью.

Так они несколько минут бежали по снеговой равнине. Руал непрерывно кричал:

— Подожди, подожди, друг!

В голосе его было столько отчаяния, что человек, наконец, остановился, пошел ему навстречу. Издали он спросил:

— Кто ты такой?

— Мы заблудились, мой брат умирает от истощения. Вон в том сарае. Далеко ли до жилья?

— До жилья недалеко, только час ходьбы. Вон там, под горой, находится усадьба Муген.

— Не может быть! — воскликнул удивленный Руал.

Он не верил своим ушам. Целых четыре дня они бродили здесь по обрывам, по снеговой пустыне и пришли опять туда же, откуда вышли.

— Я пойду за братом, — сказал Руал.

Когда он подошел к сарайчику, Леон беспомощно сидел у стены.

— Живо собирайся! — весело закричал Руал. — Через час мы будем в усадьбе.

Леон собрал последние силы, встал на лыжи, но привязать их уже не мог — пальцы на обеих руках у не-

го были отморожены. Руал привязал ему лыжи, и путники пошли назад по лыжным следам. Скоро они стали узнавать местность: вот холмы, которые они уже видели, вот и долина. Вот и маленький домик усадьбы Муген, занесенный снегом выше окон.

Руал постучал в дверь — выглянул сам хозяин, осмотрел путников с головы до ног, нехотя пригласил:

— Войдите.

Братья вошли в дом. Три женщины пряли пряжу. Сыновья старика вырезали что-то из дерева. Пристально и недружелюбно посмотрели они на непрошенных гостей. Руал удивился: ведь эти же самые люди пять дней тому назад так сердечно попрощались с ними, а теперь смотрели на них с недоверием и явной неприязнью.

— Вы нас не узнаете? — спросил Руал.

Старик криво усмехнулся:

— Узнать трудновато, когда видишь людей впервые.

— Как впервые? Мы были пять дней тому назад здесь! Вы сами провожали нас до подъема на гору.

— Разве это вы? — спросил старик недоверчиво.

— Это они, отец! — крикнул молодой крестьянин. — Я помню, куртка ваша мне понравилась. Вот она.

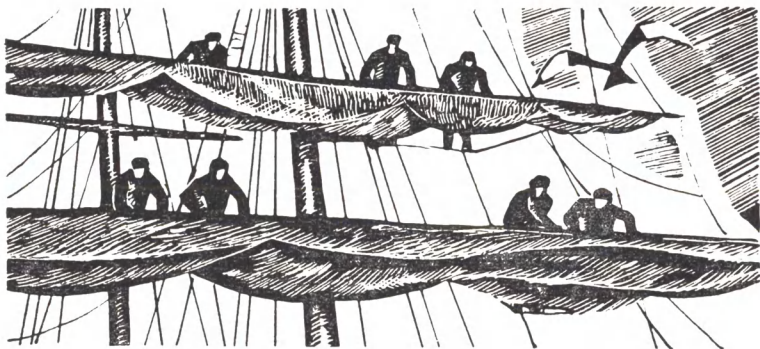
Руал подошел к маленькому зеркальцу, что висело в простенке, и не узнал себя. Заросший клочковатой бородой, с ввалившимися щеками и глазами, глубоко сидевшими в орбитах, он походил на мертвеца.

— Мы едва не погибли, — сказал Руал. — И вот уже два дня ничего не ели.

— Ага, я вам говорил, а вы не хотели слушать, — сказал старик торжествующе. — Ну, мать, скорей давай им есть.

Женщины захлопотали вокруг очага.

Три дня братья прожили в усадьбе. На четвертый они вернулись в Христианию.

МАТРОС

Военная служба окончилась. Амундсен был совершенно свободен и мог целиком отдаться своей работе.

Изучая книги о полярных путешествиях, он заметил одну странность: начальники полярных экспедиций, отправляясь в плавание, почти всегда нанимали чужое судно, так что на корабле было две власти: капитан и начальник экспедиции. В долгие полярные зимы между людьми происходили ссоры, капитаны не всегда подчинялись начальникам экспедиций, часто не хотели ехать туда, куда им приказывали ехать, и в конце концов из-за этих ссор экспедиции погибали.

Амундсен решил стать капитаном, чтобы самому вести корабль. Но капитан обязан знать всю морскую службу, начиная от матроса. На это требовалось много лет. «Что делать? Жаль терять время, однако это необ-

ходимо. Тогда и раздумывать не следует». И в ту же весну он решил поступить матросом на парусное судно. Из Христиании он поехал в Тонсберг, откуда в Ледовитый океан уходило множество судов на тюленьи и рыбные промыслы.

Три дня Амундсен высматривал, какое судно лучше других. У дальнего мола стояла большая шхуна «Магдалена». Руал много раз уходил от нее и вновь возвращался. Вдруг он увидел, что от «Магдалены» отвалила шлюпка с тремя матросами. Когда матросы вышли на набережную, Руал подошел к ним, поздоровался и спросил:

— Далеко ли идет «Магдалена»?

— На Шпицберген, за тюленьями.

«Ага, на Шпицберген? Это мне подходит», — подумал Амундсен и спросил:

— А где капитан?

— Вон в том кабачке.

И матрос показал на синюю вывеску, где была нарисована кружка пива.

— Мы идем туда, — сказал матрос. — А для чего тебе понадобился капитан?

— Я хотел бы поступить к вам матросом, — сказал Руал.

Матросы осмотрели его с головы до ног. Городской костюм Руала их смутил.

— Если не шутишь, пойдём. Мы познакомим тебя с капитаном.

В кабачке за столиком у окна сидел толстенький рыжий моряк, матросы подвели к нему Руала.

— Капитан, этот человек желает наняться к нам матросом.

Капитан испытующе посмотрел на Руала.

— Матросом? Вы когда-нибудь плавали?

— Нет, не плавал.

— А чем же вы занимались?

— Учился в университете.

— Вот как! — удивленно протянул капитан. — И хотите поступить матросом?

— Да, хочу изучить морскую службу, чтобы потом сдать экзамен на штурмана.

— А-а, тогда дело другое, — обрадовался капитан. — Такого матроса я возьму охотно.

Руал и матросы уселись за столик капитана, и в десять минут все было решено. Руал завтра же переселится на судно, а через четыре дня «Магдалена» пойдет в Ледовитый океан бить зверя.

Вечером того же дня Амундсен пришел на судно со всеми своими пожитками, уложенными в небольшой сундучок. В тесном кубрике ему отвели койку, точно такую же, как у других матросов. В кубрике было темно и душно. Но со всеми этими неудобствами Руал сразу примирился. «Если это путь к великой цели, то его все равно надо пройти!»

Через четыре дня на рассвете «Магдалена» подняла якорь и, держа курс вдоль берегов Норвегии, направилась в Ледовитый океан.

Новый матрос работал усерднее всех. Вначале товарищи посмеялись над «студентом», как они его прозвали. Прежде всего его заставили вымыть палубу и камбуз. Руал сделал эту работу так быстро и хорошо, что даже боцман — старый коренастый суровый человек — промышал что-то одобрительное. Ни одной минуты Руал не оставался без дела. Он хотел все знать, все уметь и, главное, не терять времени.

Миновав мыс Нордкап, самую северную точку Норвегии, судно вышло в открытый океан. Дул восточный ветер, волны длиной в целый километр и вышиной мет-

ров в пятнадцать, швыряли «Магдалену» так, что казалось, она вот-вот опрокинется. Потоки пенистой воды хлестали через борт, переваливались по палубе, били в наглухо закрытые люки, в стены рубки и камбуза. Ветер все усиливался. Капитан, закутанный в брезентовый плащ, все время маячил на мостике. В такие ответственные часы он никому не мог доверить управление судном.

А море свирепело час от часу. «Магдалена» зарывалась в воду, будто хотела нырнуть на дно. Капитан пронзительно засвистел, матросы выскочили на палубу.

— Убрать парус! — приказал капитан.

Матросы, как кошки, бросились к бортам, ослабили блоки, и парус медленно пополз вниз. Амундсен работал у борта. Волны окатывали его с головы до пят, но он держался цепко и старательно разматывал трос.

Убрав паруса, матросы побежали в кубрик.

— Ну как, студент, понравился тебе ветерок? Должно быть, душа в пятках? — пошутил кто-то из матросов.

— Ничего, привыкну! — бодро ответил Амундсен.

— Привыкай, привыкай. Трудно только первые десять лет. А потом ничего.

Амундсен забрался на свсю койку. Все кругом скрипело и качалось, тошнота подступала к горлу.

Он закрыл глаза, стараясь думать о земле, о горах — там не качает; он хотел силой воли победить морскую болезнь. А «Магдалена» качалась сильнее и сильнее. Волны, как выстрелы, ахали в борт. Вдруг наверху, на баке, зазвонил колокол — смена вахт.

— Амундсен! На вахту! — крикнул боцман.

Руал торопливо накинул на себя плащ и побежал наверх. Океан кипел. Брызги долетали до верхушек мачт. Разорванные облака неслись низко над волнами.

Цепляясь за поручни, Амундсен пошел к штурвальной будке.

Так двое суток ветер трепал судно. И в эти сутки Амундсен множество раз и умирал и воскресал. Хотя и закалено было его тело, но оно еще не привыкло к морской качке. И нужно было собрать всю силу воли, чтобы заставить себя спокойно переносить бурю.

Только в начале третьих суток ветер утих, волны смирились, в воздухе похолодало. И боцман сказал весело:

— Ну, студент, радуйся, скоро будет кромка. Конец твоим мукам. А ты молодец: впервые на море, а держался как надо.

Амундсен рассмеялся про себя: знал бы боцман, что он пережил, не хвалил бы.

Уже двое суток не заходило солнце. В полночь оно стояло высоко над горизонтом. И в этот час вдали показалась белая блестящая полоска. Чей-то голос крикнул:

— Лед!

Амундсен побежал на нос, поднялся на бак, приложил к глазам бинокль. Весь горизонт светился. Вправо и влево далеко-далеко тянулась долгожданная кромка. Это был лед — вечный плавучий лед Северного Ледовитого океана.

Часа через три на пути «Магдалены» стали попадаться отдельные льдины. Появились чайки. Стайками летели они за судном.

Боцман полез по вантам в бочку, укрепленную на передней мачте, почти у самой ее верхушки. Едва он уселся в бочке и приложил к глазам подзорную трубу, как тотчас же крикнул:

— Есть!

Капитан, стоявший на мостике, спросил:

— Много?

— Как будто много. Держите на северо-восток!

— Тюлени! Тюлени! Боцман видит много тюленей, — заговорили на судне, все забежали, заволновались.

Стрелки побежали в кубрик одеваться, матросы подошли к шлюпкам. Каждый знал, что ему надо делать. Руал тащил два мешка с хлебом и салом к шлюпке номер первый. Он должен был ехать на этой шлюпке. Стрелки один за другим выходили на палубу и здесь проверяли свои винтовки.

«Магдалена» медленно подошла к кромке льда. Тысячи мелких льдин качались на волнах. Они ударялись одна о другую и распадались на куски. Шхуна своими бортами отбрасывала их с пути. На льдинах сидели чайки и кайры. Вдали на большом ледяном поле виднелись черные пятна — это были тюлени. Вдруг перед самым носом корабля высунулась из воды голова тюленя, похожая на мокрую голову собаки, и тотчас скрылась.

Капитан крикнул с мостика:

— Приготовить шлюпки, занять места!

Стрелки и матросы разделились на партии и сели в три шлюпки. Шхуна уменьшила ход и остановилась среди льда. С мостика раздалась новая команда:

— Шлюпки на воду!

Затрещали блоки и канаты, и шлюпки с людьми медленно спустились на воду.

Всюду на льдинах лежали тюлени. Тихий ветер дул с востока. Шлюпки одна за другой поплыли влево, в сторону от «Магдалены». Они ловко обходили льдины. Руал греб изо всей силы. Вполголоса он спросил у соседа по веслу:

— Зачем мы уходим так далеко?

— Нужно подплыть с подветренной стороны. Иначе тюлень почует человека и уйдет, — ответил матрос.

Шлюпки прошли далеко в лед и разделились. Рулевой первой шлюпки скомандовал:

— Стоп!

Шлюпка пристала к большой льдине, и стрелки один за другим вылезли прямо на лед. Их было пятеро. Крепкие и ловкие, они побежали по льдинам. Тюлени беспокойно поднимали головы. Один заворочался и пополз к краю. Он полз медленно, поминутно останавливался, вытягивая шею. За ним пополз другой, третий, четвертый. Вот-вот они нырнут в воду. Вдруг стрелки и матросы дико заревели. Удивленные ревом, тюлени, остановились. «Что такое? Какой зверь так ревет?» Стрелки с ревом бежали прямо к ним. Передний стрелок подбросил винтовку к плечу. Ахнул выстрел, и крайний тюлень уронил голову на лед. Тотчас затрещали еще выстрелы, тюлени заметались, поползли в разные стороны. Но меткие выстрелы их укладывали на месте. Матросы вылезли на лед, чтобы подобрать убитых зверей.

Руал привязывал к ластам веревку и волоком тащил добычу к шлюпке. Через два часа шлюпка была так полна, что ее борта поднимались над водой только на четверть фута.

Промысел начался удачно.

Шхуна продвигалась все дальше и дальше к востоку вдоль кромки льда, выискивая новые лежбища тюленей. Круглые сутки сиял ясный день. Бесконечные ледяные поля простирались за горизонт. Лед все время двигался. Глыбы льда громоздились по краям полей, падали, опять вздымались, а отдельные льдины, оторвавшиеся от полей, уносились по вольной воде валь к западу и югу. Они были похожи на лебедей, важно и неторопливо плывущих по морю. И, глядя на эти льди-

ны, Руал вспомнил, что где-то в этих же широтах такие льдины удивили Баренца.

«Мы видим бесконечные стада белых лебедей», — записал он в своем дневнике.

Тысячи чаек и кайр носились над бело-зелеными волнами. Иногда пролетал черный поморник — северный морской разбойник, отнимающий у чаек их добычу. Шхуна уходила все дальше и дальше к востоку.

Время от времени на ее пути встречались громадные ледяные горы — айсберги. У них были изумительно причудливые формы: одни походили на дворец, другие — на храм, третьи — на гигантского белого льва... Вода и солнце вырыли в айсбергах пещеры. Их наполнял нежный синий свет. А сам айсберг сверкал золотыми, голубыми, зелеными огнями.

Сказочная картина! Вот он, волшебный полярный край, о котором так долго мечтал Амундсен. Придет время — и он пустится на завоевание этого края. По льдам он пройдет далеко-далеко и... может быть, побывает на полюсе.

А сейчас он матрос. Он еще только проходит начальную морскую грамоту.

После трех месяцев охоты «Магдалена», перегруженная добычей, вернулась в Норвегию. Амундсен решил перейти на другое судно — на барк «Вальборг», уходивший в Канаду. Капитан «Магдалены» убеждал Амундсена остаться на шхуне. Но Руала тянуло в новые страны, к новым морям. Ему хотелось поучиться работать и у других капитанов.

На барк «Вальборг» он пришел уже как настоящий матрос. Ему поручили выпечку хлеба для всей команды. С обычным усердием Амундсен принялся за изучение профессии пекаря.

До этого он никогда не имел дела с кухней, не умел даже сварить себе кофе, а сейчас стал помощником кока. На первый взгляд кажется странным, что человек, поставивший перед собой такие великие задачи, радовался, что ему поручили печь хлеб и помогать коку.

За несколько месяцев работы на «Вальборге» он отлично научился печь хлеб, булки и крендели. А много лет спустя, в годы своих великих путешествий, он угощал в праздничные дни спутников великолепными булочками, печеньем и тортами.

Весной 1895 года Амундсен покинул «Вальборг» и на деньги, полученные при расчете, отправился в путешествие по Франции, чтобы посмотреть страну и лучше изучить французский язык. Он уже убедился, что знание иностранных языков очень важно для путешественника.

Амундсен проехал всю Францию с севера на юг на велосипеде, ночуя в гостиницах маленьких городков, завтракая и обедая в придорожных кабачках.

Из Франции он поехал в Испанию и здесь нанялся на норвежский барк «Оскар». Капитаном его был старый знакомый Юст Скрадер, служивший некогда на верфи у отца Амундсена. Барк шел на остров Святого Фомы, а затем в порт Пенсакола. Капитан Скрадер охотно принял сына покойного Амундсена, однако платить ему жалованье не мог. Амундсен согласился работать «за стол» — так хотелось ему скорее научиться управлять парусником.

Капитану Скрадеру было известно, что Амундсен учился в университете. И вскоре все на барке узнали об этом. Само собой, команду интересовало, как будет вести себя молодой Амундсен в должности матроса, работающего только «за стол». Но новый матрос работал, не жалея сил и не щадя себя. А после вахты,

чуть отдохнув, уже сидел за книгами, изучал иностранные языки или теорию судовождения.

Книги о полярных путешествиях продолжали оставаться любимыми его книгами. Знание языков давало ему возможность читать обширную литературу о полярниках Англии, Франции, Америки, Германии и других стран.

На «Оскаре» Амундсен побывал в Мексике, потом в Англии и затем вернулся в Норвегию. Один из его братьев — Густав — в это время был уже штурманом на большом пароходе «Хюльдра». Зная, что Руал готовится к экзамену на штурмана, Густав взял брата к себе на пароход матросом, чтобы в свободное от вахт время заниматься с ним всеми теми науками, которые Руал должен был сдавать на экзаменах в морское училище.

К МАГНИТНОМУ ПОЛЮСУ

Однажды в каком-то порту на пароход «Хюльдра» попали свежие газеты, и в одной из них Амундсен прочел:

«Лейтенант бельгийского флота де Герлах организует научно-исследовательскую экспедицию в Антарктику, к магнитному полюсу».

Сообщение взволновало Руала.

— Как бы я хотел попасть в эту экспедицию! — сказал он брату.

— Так в чем же дело? Попытайся, — засмеялся тот.

— А как это сделать?

— Узнай, кто такой де Герлах, съезди к нему, поговори. Теперь ты мог бы пойти на корабль не только матросом, но и штурманом.

Оказалось, де Герлах был достаточно известен в Норвегии. Судно для своей антарктической экспе-

диции он купил на норвежской верфи в Саннефиорде. Это была трехмачтовая зверобойная шхуна водоизмещением в двести пятьдесят тонн, рассчитанная на плавание во льдах. Он дал ей новое имя — «Бельгика». Шхуна стояла еще в Саннефиорде, где Герлах жил в Бельгии, а на верфи находился его представитель. Руал и Густав побывали у него и попросили написать рекомендательное письмо к де Герлаху. Наведенные о братьях справки были благоприятные: все знали Амундсенов как отличных работников.

Захватив с собой письмо к де Герлаху, братья уехали в Антверпен, где жил владелец «Бельгики».

Де Герлах отнесся к Руалу очень благосклонно.

— Я буду рад, если вы займете место штурмана. В экспедицию мы пойдем через год — надеюсь, вы к этому времени сдадите экзамен.

Для Руала это было исполнением заветной мечты. Наконец-то он пойдет в полярные страны!

С новым рвением готовился он к экзамену.

Для экзаменов на штурмана надо было иметь трехлетний стаж плавания на различных судах. Амундсену не хватало нескольких месяцев до полного стажа. Тогда он нанялся на зверобойное судно «Язон» и пошел на нем в Ледовитый океан на тюленьи промыслы. Это было то самое судно, на котором когда-то Нансен отправился в свое знаменитое путешествие через Гренландию.

В этом рейсе Амундсен выполнял уже обязанности шкипера.

На «Язоне» было несколько матросов, плававших еще в то время, когда судно перешло Атлантический океан и высадило Нансена и его пятерых спутников на лед у берегов Гренландии. Они нередко вспоминали смелого земляка-полярника, три года назад ушедшего

на «Фраме» к Северному полюсу. С тех пор о Нансене не было никаких известий, и многие считали, что он погиб со всеми своими спутниками.

Осенью 1896 года Амундсен вернулся в Христианию и блестяще сдал экзамен на штурмана. Первая ступень была пройдена. Теперь он мог быть штурманом «Бельгики».

«Если человек сильно захочет, то добьется своего...»
Ему было тогда двадцать четыре года.

В июне 1897 года молодой штурман Амундсен вошел в состав команды «Бельгики».

Шхуна находилась еще в Саннефиорде, где снаряжалась в дальнейшее плавание.

Амундсен энергично взялся за работу. Вот где он, наконец, сможет применить свои знания и свой опыт!

И как раз в эти же дни, когда заканчивалось снаряжение «Бельгики», в Норвегии произошло крупное событие: из полярного плавания вернулся сначала Нансен со своим спутником Иогансеном, а затем и «Фрам» под командой Свердруп. Их возвращение праздновала не только Норвегия, но и многие другие страны.

«Фрам», как и рассчитывал Нансен, продрейфовал со льдами от берегов Сибири до открытого моря севернее Шпицбергена. Но льды протащили его на значительном расстоянии от полюса. На 84° северной широты Нансен покинул судно, надеясь достичь полюса пешком. С ним пошел его молодой спутник лейтенант Иогансен. У них были два каяка, поставленные на двое саней в собачьей упряжке. Нансен достиг 86° 15' северной широты. До полюса оставалось еще около четырехсот километров. Но близилась зима, провизия вся вышла, дорога была чрезвычайно тяжелая. Нансен решил повернуть назад, к югу. С огромным трудом до-

стигли они Земли Франца Иосифа и перезимовали здесь в каменной пещере, а весной отправились на один из южных островов Земли Франца Иосифа, где встретились с зимовавшим здесь полярным исследователем Джексон. Летом сюда прибыл корабль, доставивший Джексону продовольствие. С этим кораблем Нансен и Иогансен вернулись в Норвегию. А «Фрам» после ухода Нансена продолжал дрейфовать вместе со льдами и, наконец, выйдя из ледяного плена, вернулся в Норвегию через несколько дней после приезда Нансена.

Незадолго до отплытия «Бельгики» на судно неожиданно пришли три гостя. Сам де Герлах встретил гостей у трапа. Амундсен сразу узнал их; это были Фритьоф Нансен — герой его юношеских мечтаний, капитан «Фрама» Свердруп и Иогансен.

Вот они, люди, овеянные великой славой! Вот они поднимаются по трапу на капитанский мостик. Де Герлах представил им штурмана «Бельгики» Амундсена. Нансен спросил Руала, плавал ли он в полярных льдах.

— Да, плавал: на «Магдалене» и «Язоне».

— На «Язоне»? — оживленно спросил Нансен.

Видимо, воспоминание о первом походе было для него очень приятно.

— Команда «Язона» гордится тем, что когда-то доставила вас к берегам Гренландии, — сказал Амундсен.

Лицо Нансена потеплело, глаза засветились. Амундсен назвал несколько имен. Нансен помнил их.

Де Герлах рассказывал Нансену о планах экспедиции: «Бельгика» произведет научные исследования в районе Южного магнитного полюса, оставит на зимовку четырех научных работников, вернется в Рио-де-

Жанейро, а когда наступит весна в южном полушарии, придет за зимовщиками.

— А кто же останется на зимовку? — спросил Нансен.

— Пока еще не решено, — сказал де Герлах. — При снаряжении экспедиции мы закупили для зимовки все необходимое: специальную одежду, палатки и небольшой домик.

«На зимовку останусь я», — решил было вмешаться Амундсен. Но промолчал. Это успеется. А сейчас его интересовали важные детали: какое должно быть у зимовщиков снаряжение? Какая обувь? Нансену понравились горячие расспросы молодого штурмана. Он охотно отвечал ему. Эти минуты были началом сближения прославленного уже на весь мир путешественника Нансена и безвестного молодого штурмана Амундсена.

«Бельгика» простояла в Норвегии несколько дней, и почти каждый день Нансен и его два спутника бывали на судне. Нансен подарил карты из своих коллекций, кое-какие книги для судовой библиотеки и приборы для научных исследований.

Наконец «Бельгика» подняла якорь. Провожали ее торжественно. Среди провожающих были Нансен, Свердруп, Иогансен и другие члены команды знаменитого «Фрама». На «Бельгике», кроме Амундсена, было еще пять норвежцев-матросов, опытных, закаленных людей, привыкших к плаваниям во льдах. Ничто, казалось, не могло их испугать.

Амундсен был счастлив — в этот день он делал самый большой шаг на пути к своей цели. Пока «Бельгика» шла из Норвегии в Антверпен, он почти не покидал капитанского мостика. Рейс был легким. Летом Северное море обычно тихое. Но Амундсен относился

к этому рейсу очень серьезно — ведь он впервые самостоятельно вел корабль.

В Антверпене собрались все члены экспедиции: ее начальник Андриен де Герлах, его помощник и капитан корабля лейтенант Лекуант, бельгийский ученый Данко, который должен был вести магнитные наблюдения, поляк Арктовский — химик, геолог и метеоролог, румын Раковица — натуралист, поляк Добровольский — метеоролог, два механика и девять матросов, из них четверо — бельгийцы.

«Бельгике» недоставало только врача, но за несколько дней до выхода в море де Герлах получил телеграмму из Америки от известного полярного путешественника доктора Кука с просьбой включить его в экспедицию. Де Герлах тут же телеграфировал Куку, чтобы тот выезжал в Рио-де-Жанейро, куда направлялась «Бельгика».

16 августа 1897 года корабль экспедиции под гром пушек покинул Антверпенский порт и, выйдя в Атлантический океан, повернул на юг.

Магнитный полюс лежит в Антарктике к югу от Австралии, и корабль должен был идти мимо Африки и Австралии. Но уже в первые дни после выхода в океан для всех стало ясно, что капитан ведет корабль совсем по иному пути: не на юг, а на юго-запад Южной Америки. Это открытие взволновало Амундсена: «Куда идет корабль?»

Но никто не мог спросить об этом ни капитана, ни начальника экспедиции. Суровая корабельная дисциплина запрещала такие вопросы. Наконец разговоры эти дошли до Герлаха, и как-то за обедом в кают-компании он сказал:

— Я заметил, что вас волнует вопрос о маршруте. Мы идем к мысу Горн. У нас достаточно времени для

того, чтобы обогнуть Огненную Землю и пройти к магнитному полюсу с востока. Лето в здешних широтах только начинается.

«Плохо дело! — про себя заметил Амундсен. — Пожалуй, мы завязнем!»

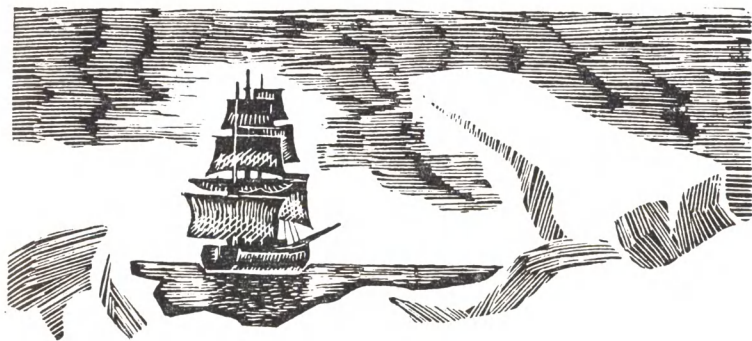
По пути «Бельгика» зашла в Рио-де-Жанейро, взяла на борт доктора Кука и в начале декабря достигла Магелланова пролива. Здесь был самый разгар лета. Пройдя пролив, «Бельгика» повернула к югу, вдоль берегов Огненной Земли. В те годы Огненная Земля была еще мало исследована, и де Герлах мечтал сделать здесь много новых открытий, поэтому он не спешил к своей основной цели — магнитному полюсу.

Прошло много недель. Наконец «Бельгика» миновала Шетландские острова, и вдали показалась ледяная полоса, блестящая в лучах незаходящего солнца.

Это была арктическая земля, внутри которой, где-то далеко за льдами и снегами, лежал Южный полюс.

Огромные глетчеры сползали с земли в океан. Прежние исследователи называли эту местность Землей Грахама. Здесь мало бывало кораблей, карты местности были сделаны неправильно, и начальник экспедиции опять увлекся работой по съемке карты. На эту работу потребовалось еще шесть недель. «Бельгика» медленно прошла вдоль берегов Земли Грахама и вышла в широкий пролив.

Зима уже приближалась. С Южного полюса подули холодные ветры, на пути чаще попадались плавучие ледяные горы, птицы летели с юга на север в теплые страны. Между тем перед кораблем еще был долгий путь к магнитному полюсу. Две недели подряд «Бельгика» шла вдоль кромки плавучих льдов, лавируя между ледяными горами.

В ЛОВУШКЕ

Однажды вечером, когда Амундсен стоял на вахте, он увидел, что с севера, с открытого океана, надвигается буря. Темные облака низко неслись над самой водой. Ветер гнал ледяные горы к кромке вечных льдов. Капитан поднялся на мостик. Амундсен сказал ему:

— Нам предстоит выдержать хорошую бурю. Вероятно, будет снег и град.

— Так что же? Нам не впервые, — буркнул капитан и указал на большую ледяную гору. — Держитесь к этому айсбергу. За ним, как за стеной, можно идти, спасаясь от ветра и волн.

Все четыре часа вахты Амундсен вел корабль вдоль ледяной горы. За горой ветер был тише, и волны едва покачивали судно.

Но вот на баке пробили склянки, пришел новый вах-

тенный, второй штурман. Амундсен показал ему на ледяную гору и сказал:

— Держите вдоль этой горы, чтобы спастись от ветра и волн, — так приказал капитан.

Засыпая, Амундсен слышал, как наверху выл ветер, корабль сильно качало, волны глухо били о борта, винт корабля рокотал ритмично.

Утром, проснувшись, Амундсен не услышал ни шума, ни грохота, ни свиста — кругом мертвая тишина. Корабль стоял.

Амундсен быстро оделся, выскочил на палубу. Вокруг корабля высокими стенами поднимались ледяные горы; корабль был заключен между горами, как в тюрьме. Амундсен подошел ко второму штурману.

— Что случилось?

Штурман смущенно ответил:

— Ночью был такой ветер, что я в темноте не заметил, как нас оторвало от айсберга и бросило сюда. Мы спаслись чудом.

Капитан, начальник экспедиции, механик, матросы уже стояли на палубе. У всех на лицах была тревога. Однако нужно было найти выход из плена. Был дан приказ развести пары. И винт заработал снова.

Капитан сам повел корабль вдоль ледяных гор.

А за горами продолжала бушевать буря. Ледяные горы медленно покачивались, иногда с них срывались огромные глыбы льда и с грохотом падали в воду. Каждую минуту они могли свалиться на корабль и разбить его в щепки. Вот впереди капитан заметил небольшую щель и направил туда корабль. Издали щель казалась очень узкой, но когда подошли ближе и примерились, то обнаружилось, что через нее можно пройти в океан.

«Бельгика» благополучно проскользнула между ле-

дяными горами и вышла в открытое море. Страшная опасность миновала. Но океан еще продолжал бушевать. «Бельгика» пошла вдоль кромки на запад. Огромные волны катились с севера, прижимая корабль ко льдам. Амундсен стоял у штурвала. Волны все сильнее и сильнее били в борт. Еще удар, и корабль столкнется с льдиной. Амундсен повернул штурвал, чтобы уйти к северу, дальше от опасных льдин.

— Зачем меняете курс? Держите вдоль кромки! — закричал капитан.

— Нас ударит о льдину.

— Будем искать во льдах заводь, зайдем в нее и переждем бурю. Поворачивайте на прежний курс.

Амундсен нахмурился. Он понимал: капитан ошибается. Если ветер гонит корабль на льды, надо приложить все усилия, чтобы уйти как можно дальше в открытое море. Иначе бешеная волна может поднять корабль, разбить его о лед. Сколько раз Амундсен читал о таких случаях! Может быть, сказать капитану? Но морская дисциплина велит: «Не спрашивают — не лезь с советами».

И корабль, подкидываемый волнами, шел по-прежнему вдоль самой кромки. В одном месте ледяная кромка разорвалась, и открылся проход в четверть километра шириной. Он вел прямо к югу, во льды.

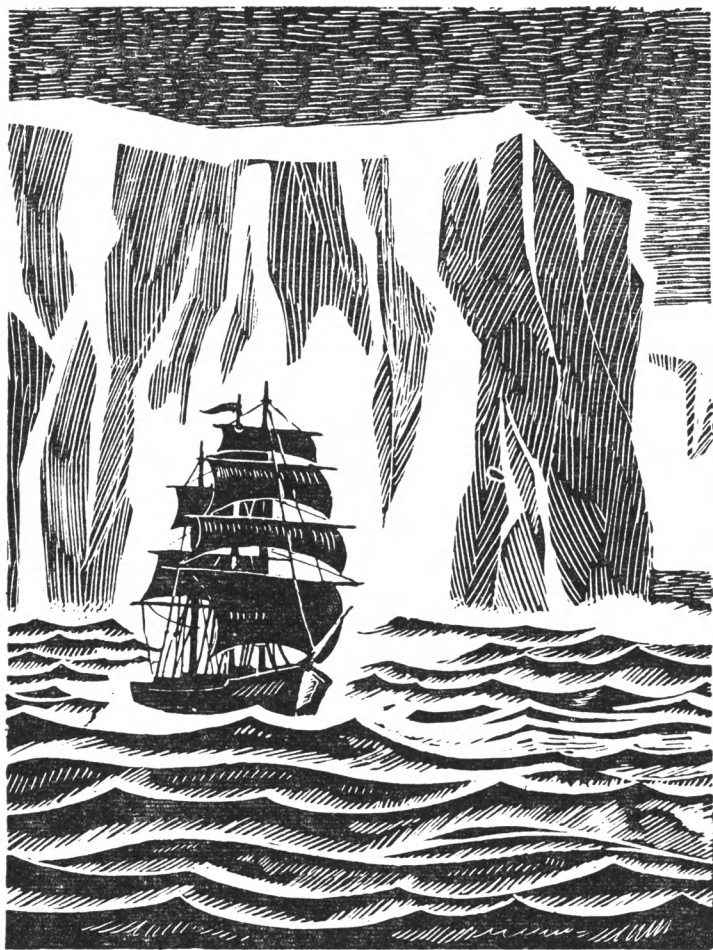
Капитан приказал:

— Держите курс в этот проход!

Удивленный этим диким приказом, Амундсен вопросительно глянул на де Герлаха, но тот кивнул головой в знак согласия с капитаном.

Амундсен повернул руль, и корабль быстро понесся по проходу к югу, подгоняемый сильным ветром.

В течение четырех часов корабль зашел во льды на сто километров и остановился. Волнения здесь не

было, справа и слева от корабля простирались необозримые ледяные поля. Все радовались избавлению от опасности. Не радовался только Амундсен. Вскользь он сказал капитану:

— Нас захлопнет, как в ловушке. Льды позади могут сомкнуться.

— Ничего, — равнодушно ответил капитан. — Мы постоим несколько дней, переждем бурю и снова пойдём в океан.

Всю ночь Амундсен провел на палубе. Он слышал, как потрескивали и двигались льды. Но проход не закрывался. Стиснув зубы, Амундсен нервно ходил по палубе. Будь он капитаном и начальником экспедиции, он немедленно вывел бы отсюда корабль. Пока же... пока молчи и жди. Перед светом он ушел в каюту и не успел прилечь, как услышал топот и крики. Он снова поднялся наверх. Льды со всех сторон сжимали корабль. От прохода не осталось и следа. «Бельгика» плотно засела во льдах. Это случилось 3 марта 1898 года. А зима только начиналась — страшная полярная зима с многомесячной темной ночью.

В течение первых двух недель Амундсен каждый день спускался на лед и ходил на лыжах вдоль закрывшейся трещины, надеясь отыскать проход для корабля. Трудно было примириться с тем, что придется зимовать среди плавучих льдов. Он понимал, в какое опасное положение попали люди и корабль. Только у четырех человек была теплая одежда. А теперь весь экипаж остался во льдах зимовать без мехового платья, без достаточного количества пищи и даже без ламп для освещения кают.

Амундсен проходил километр за километром, отыскивая открытую воду, но все кругом было заковано

льдом. С юга дул холодный ветер, каждый день гуляли метели — ясно было, что зимовка неизбежна.

В последний раз он прошел больше десяти километров. И с самым безрадостным чувством вернулся на корабль.

— Прохода нет! — глухо сказал он, глядя на унылые лица матросов и растерянное лицо капитана.

Вечером весь экипаж собрался в кают-компанию. Все молчали, будто боялись, что, заговори кто-нибудь первый, сейчас же все начнут обвинять капитана в оплошности: зачем он повернул во льды и загнал корабль в ледяную ловушку? Долго стояло молчание. Наконец доктор Кук заговорил:

— Итак, друзья мои, нам придется здесь зимовать. Это теперь ясно. Приготовимся к зиме, долгой и трудной. Первый раз в истории человечества люди остались на зимовку в Антарктике.

Он остановился, будто не знал, что сказать еще. Вдруг из полутемного угла раздались рыдания. Там, прислонив голову к стене, плакал матрос Вильямс. Он уже давно беспокойно посматривал на льды и море и вслух раскаивался, что пошел в эту ужасную экспедицию. Доктор Кук быстро подошел к нему:

— Нельзя плакать, Вильямс, слезами горю не поможешь. Мужайся.

— Мы все погибнем, все погибнем! — сквозь слезы прокричал Вильямс.

Кто-то простонал, кто-то выругался сквозь зубы — в кают-компанию стало душно, как в могиле. Начальник экспедиции пробормотал:

— Ну, сейчас не время совещаться. Поговорим после, — и он поспешно вышел из кают-компания, заперся у себя. Капитан пошел вслед за ним. Матрос Вильямс погрозил ему кулаком, закричал:

— Вот кто виноват! Вот из-за кого погибаем!

Амундсен подошел к Вильямсу, крепко взял его за руку.

— Перестань, товарищ! Разве ты не знал, на что мы идем? Будем верить, что найдем выход.

Бормоча проклятия, Вильямс ушел из кают-компания. Скоро все разошлись по своим местам. На корабле стало тихо. Амундсен долго ходил по верхней палубе. Надвинулась ночь. Далеко к югу, на горизонте, засветилось белое пятнышко, вот оно выросло. Вдруг огненные столбы стеной поднялись высоко над головой, заиграли, задвигались — это было полярное сияние.

И память подсказала Амундсену все те случаи страшных смертей и лишений, о которых читал он в книгах.

Кто погибал в таких зимовках? Прежде других малодушные. У них опускались руки, и люди теряли силы. Холод вдруг пробежал у него по спине. Неужели он боится? «Нет. Я знал, на что шел», — подумал он вслух. Но кто будет ему верным товарищем в трудные недели и месяцы? Жить одному среди отчаявшихся, малодушных людей трудно. Нужен товарищ! Он перебрал в памяти всех матросов, штурманов, капитана. И ему показалось, что испугаются все: зима будет страшная. Только доктор Кук, пожалуй, нет: он самый крепкий, самый сильный человек.

Амундсен спустился с палубы, подошел к каюте доктора.

Доктор, сидя за столом, что-то писал. Он вопросительно посмотрел на Амундсена.

— Я пришел посоветоваться, доктор. Нам надо будет держать дисциплину, беречь всех, успокаивать. Вы представляете, что у нас будет через месяц?

— Да, представляю. Будем делать все, что в наших

силах, — ответил доктор. — Иначе и они погибнут и мы вместе с ними.

Они выразительно посмотрели в глаза друг другу, пожали руки и разошлись молча.

Прошло две недели. Метели нанесли вокруг корабля горы снега. Он толстым слоем лежал на палубе, забивал люки, и утром трудно было открыть двери кают.

Амундсен и доктор Кук с помощью матросов соорудили из парусов стенки перед каждым люком. Они высчитали, какое количество топлива имеется на корабле, распределили по месяцам, чтобы хватило на всю зиму. Ламп на корабле было очень мало, поэтому решили освещать только кают-компанию.

Глядя на Амундсена и Кука, научные сотрудники экспедиции в первые недели тоже держались бодро и работали энергично. Неподалеку от корабля была сделана прорубь, ежедневно в нее опускали сетку для ловли планктона — мельчайших морских животных, ежедневно измеряли лотом глубину, брали пробы воды с разных глубин, следили за изменениями температуры воды и воздуха.

Несколько поодаль от корабля была построена будка, которую пышно называли обсерваторией. В будке установили различные инструменты для научных работ и в строго определенные часы производили метеорологические наблюдения. Вскоре было установлено, что лед не стоит на месте, а непрерывно движется по воле ветра и течения. Определили путь передвижения «Бельгики» и нанесли его на карту; он был похож на ломаную линию — корабль шел то вперед, то вправо, то влево, то возвращался назад.

Пока еще было светло, Амундсен и Кук с двумя матросами убили десятка четыре тюленей, волоком дотащили их к кораблю и здесь зарыли в снег, чтобы мясо

хорошо сохранилось. Теперь запас продовольствия увеличился, и как будто голодная смерть отодвинулась. Но тут случилась нежданная беда. Как-то за обедом, когда все сидели в кают-компании, де Герлах вдруг нагнулся над своей тарелкой и долго нюхал кусок жареного мяса.

— Что это такое? Тюлень? — резко закричал он. — Я требую, чтобы этого больше не было! Мы не собаки, чтобы есть падаль. Это мясо вредно.

Все переглянулись. Доктор Кук сказал:

— Позвольте, я, как медик, уверяю вас, что это мясо отлично поддержит наши силы.

— У нас есть сушеные овощи, есть консервы.

— От консервов может появиться цинга, а спасение от цинги — свежее тюленье мясо.

— Я запрещаю готовить обед из тюленя! — сердито сказал начальник и вышел из кают-компании.

Доктор Кук наклонился к Амундсену и пробормотал:

— Если так пойдет дело, то, конечно, экипаж погибнет...

Амундсен молча кивнул головой. После обеда они вышли на палубу. Ночь кругом лежала непроглядная. Солнце показывалось в последние недели не более как на час в сутки.

— Что теперь будем делать? — спросил доктор. — Ведь такой приказ — это катастрофа.

— Пока пусть идет дело так, как хочет начальник. Мы не имеем права нарушить дисциплину. А там посмотрим.

— Надо все-таки заставить экипаж работать. Иначе от безделья все заболеют.

Однажды к доктору торопливо подошел один из матросов — в темноте не разобрать кто.

— Идите скорей, доктор, с Вильямсом...

— А что такое? Отравился?

— Нет, собрался уходить. Буянит. Вон смотрите, он уже вышел на палубу.

Доктор Кук и Амундсен пошли к дверям кают-компании. Там столпились матросы. Они держали за руки Вильямса. У него за плечами висела сумка, в руках была палка.

— В чем дело, ребята? Почему вы его держите? — спросил доктор.

— Он хочет уходить.

— Куда уходить? Ты куда собрался, Вильямс?

— В Бельгию. Я не могу здесь зимовать.

— Как? Пешком через льды, океаны?

— Да, пешком. То есть я поплыву где надо. Я очень хорошо плаваю.

— Да, пожалуй, переплыть можно, — спокойно сказал доктор, — но пока я тебе, друг, не советую уходить. Подожди немного, вот взойдет солнце, я сам составлю тебе компанию.

Доктор взял матроса за руку и, ласково разговаривая с ним, повел назад, в каюту.

Матрос Эмиль сказал:

— Не корабль у нас, а коробка. А тут еще сумасшедший. Беда!

Амундсен подумал: «В самом деле корабль, как коробка, а льды кругом на тысячи километров. Беда!» Но вслух ответил бодро:

— Ничего, брат, держись! Не теряй бодрости. Бодрость потерять — все потерять.

— Где ее набраться, бодрости? — сердито буркнул Эмиль.

Амундсен не ответил. Что можно сказать людям, которые при первой беде становятся малодушными? Он вздохнул и спустился вниз, в свою каюту.

АМУНДСЕН — НАЧАЛЬНИК

Потянулись страшные недели. 15 мая в последний раз на горизонте появилось солнце и скрылось на семьдесят дней. Ударили морозы такие, что на палубу нельзя было высунуть носа.

Чугунная печь в кают-компании постоянно была раскалиена докрасна, но и она плохо согревала. Вокруг нее сидели и лежали люди. Амундсен и Кук в углу кают-компании устроили мастерскую — делали сани, шили одежду из тюленьих кож. Им помогали два-три матроса.

— А где Эмиль? — спросил доктор.

— Эмиль в кубрике. Он не встает уже два дня.

Доктор бросил пилу и вышел из кают-компании. Через пять минут он вернулся и позвал Амундсена.

— Идите полюбуйтесь, — сказал он вполголоса, когда они вышли в темный коридор, — у нас цинга.

Они молча прошли в кубрик. Плошка с тюленьим жиром слабо освещала тесное помещение. На койке лежал Эмиль. Доктор и Амундсен нагнулись над ним.

— Откройте рот! — приказал доктор.

Эмиль открыл рот. Тяжелый запах ударил в лицо Амундсена. Десны у Эмиля распухли и почернели, язык еле ворочался.

— Цинга самая настоящая, — сказал Амундсен, — нужно свежее мясо. Будем тайно кормить его... чтобы не знал начальник.

— Да, придется. Готовить будем сами.

И с того дня тайно от капитана они кормили больного Эмиля тюленьим мясом.

Но прошла неделя, и цингой заболели сразу несколько матросов.

Доктор Кук вызвал всю команду на медицинский осмотр. У многих уже была первая и вторая стадии цинги. Сказывалось однообразное питание консервами.

Начальник экспедиции и капитан тоже похварывали, и, наконец, свалились оба. Они лежали в полутемной каюте, неподвижные, как бревна. Де Герлах сильно ослабел. Однажды, когда к нему пришел Кук, он сказал:

— Доктор, позовите свидетелей, я хочу сделать завещание.

Кук ответил сердито:

— Не малодушничайте! Не теряйте надежды.

— Перестаньте, доктор! — раздраженно проворчал де Герлах. — Вы видите, что я и капитан больны смертельно.

Чтобы не раздражать больного, доктор позвал свидетелей — Амундсена, механика Виктинга, второго штурмана Брулля. Когда свидетели вошли, доктор плотно закрыл двери, чтобы никто из экипажа не мог слышать слов начальника. Если сам начальник готовит-

ся к смерти, то весь экипаж подумает, что положение безнадежно.

Де Герлах слабым голосом начал диктовать:

— Находясь в здравом уме и твердой памяти...

Доктор Кук, наклонившись над столом, записывал его слова. Изможденное бородатое лицо начальника экспедиции тянулось к столу. В глазах де Герлаха было отчаяние. На соседней койке ворочался капитан.

А трое — Амундсен, механик Виктинг и штурман Бруль, закутанные в куртки из тюленьих шкур, — молча стояли вокруг стола. Слабый свет лампы освещал их мрачные лица.

— Я тоже хочу сделать завещание, — сказал капитан, когда де Герлах окончил диктовать.

Доктор переглянулся с Амундсеном.

— Вам-то совсем рано! — сказал доктор.

— Нет, нет. Прошу вас. Пишите.

Кук снова наклонился над столом, положил перед собой новый лист бумаги. Капитан диктовал еле слышно.

— Распишитесь! — сказал доктор и пододвинул бумагу к Амундсену.

Амундсен расписался. Потом расписались механик Виктинг и штурман Бруль. Все было сделано по закону.

— А теперь... пусть команду над судном и экспедицией примет Амундсен, — сказал де Герлах. — Вы не возражаете, капитан?

— Я согласен, — подтвердил капитан.

Кук записал их слова в вахтенный журнал, подал его капитану и начальнику экспедиции:

— Распишитесь.

Они расписались.

Это была ответственная минута в жизни Амундсена.

Он уже начальник полярной экспедиции! Амундсен расписался молча, и свидетели вышли из каюты.

— Итак, дорогой Амундсен, дело теперь за вами,— сказал доктор, когда закрылась дверь в каюту капитана.— Надо спасать людей.

Амундсен положил руку на плечо Брулля:

— Дорогой Бруль, немедленно вызовите всех здоровых матросов наверх.

— Есть позвать всех здоровых наверх! — улыбаясь, проговорил Бруль и поспешил в кубрик к матросам.

Доктор Кук и Амундсен тащили наверх железные лопаты и топоры. На палубу поднялись только четыре матроса, Бруль, механик Виктинг. Остальные все были больны.

— Мы спустимся на лед, выкопаем из снега убитых тюленей, — негромко сказал Амундсен. — Джемс, скажи коку, чтобы он немедленно растопил печь. Сегодня у нас будет обед из свежего мяса.

Джемс весело откликнулся:

— Есть сказать повару, чтобы растопил печь.

Он побежал в камбуз, а все оставшиеся с лопатами и топорами на плечах пошли на лед. За долгую ночь метели нанесли горы снега вокруг корабля. Туши тюленей были спрятаны в снегу возле носа корабля. Амундсен засветил фонарь, долго осматривал, где надо рыть, и, наконец, указал:

— Здесь!

Матросы принялись за работу. Амундсен и Кук сменяли их, работа шла быстро. Пришлось вырыть длинный коридор, прежде чем добрались до тюленей. Амундсен сам вырезал из тюленьих туш лучшие куски мяса и приказал отнести их в камбуз.

Через час был готов обильный вкусный обед. Вся команда — здоровые и больные, кто еще мог ходить,

сидели в кают-компании за столом, ели будто наперегонки. Консервы так опротивели, что жареное тюленьё мясо казалось лакомством.

Потом доктор и Амундсен накормили больных, кто не смог прийти к столу.

И наконец, Кук отправился в каюту капитана с блюдом, доверху наполненным мясом. Что там произошло, он не рассказывал. Но назад в кают-компанию он пришел улыбающийся, в руках у него было пустое блюдо.

Этот обед будто воскресил всех. Люди заговорили живее, громче.

Прошло семь суток, и экипаж трудно было узнать. Больные уже сами выходили к обеду. В кают-компании зазвучали громкие голоса и даже слышался смех. Доктор сказал, что и сам капитан и начальник экспедиции стали поправляться.

После ужина обычно все долго сидели в кают-компании, мирно говорили о том времени, когда подуют теплые северные ветры, разгонят лед и «Бельгика» выйдет в открытое море.

ДОКТОР КУК — СПАСИТЕЛЬ

Переломилась, наконец, страшная зима. В полуденные часы на горизонте появилось белое пятно, предвещающее приход солнца. С каждым днем пятно росло все больше и больше, становилось ярче, и через какую-нибудь неделю показалось, наконец, солнышко. Оно вышло из-за горизонта только краешком и только на несколько минут. Но встречать его высыпал на палубу весь экипаж. Амундсен приказал вынести на палубу больного капитана и сумасшедшего матроса Вильямса. Все приветствовали солнце такими радостными криками, словно уже пришло спасение.

Однако Амундсен и Кук понимали, что до этого еще далеко. На следующий день солнце поднялось выше и светило дольше, и, когда весь экипаж в сумерках собрался в кают-компанию, доктор Кук сказал:

— День избавления близок. Нам нужно теперь же обследовать все льды кругом. Завтра мы пойдем посмотрим, нет ли где выхода для нашего судна.

Рано утром, еще в темноте, доктор Кук и Амундсен спустились на льды. Заря только занималась, небо на востоке покрылось белой пеленой. Амундсен и доктор прошли к северу километра два, но нигде ни трещины, ни полыньи они не заметили — все было закрыто плотно льдами. Взошло солнце, и Амундсен увидел трех матросов, шедших навстречу с запада. Матросы тоже бродили, отыскивая полынью.

Еще издали они закричали:

— Мы видели полынью недалеко, до нее не будет и километра.

И действительно, не прошли и километра, как открылась полынья. Она в виде длинного языка уходила куда-то далеко на север. Доктор обрадовался:

— Это как раз то, что нам надо. Если судно проведсти сюда, мы вырвемся из плена.

— Вряд ли, — усомнился Амундсен. — Вероятно, полынья с севера закрыта.

— А это мы сейчас проверим.

И доктор пошел к ледяной горе, высившейся справа от полыньи. Поднявшись на нее, он посмотрел вдаль. Полынья кончалась недалеко. Длина ее была не больше трех километров, а вдали, по горизонту, стеной поднимались большие ледяные горы, но за ними, несомненно, был открытый океан.

За обедом в кают-компании доктор Кук сказал:

— Кажется, всех нас можно поздравить с большим открытием. Мы нашли полынью. Нам необходимо вывести в нее корабль как можно скорее.

Когда придет весна и подуют теплые ветры, лед начнет трескаться, и трещина обязательно пройдет по

самому слабому месту, то есть там, где сейчас полынья, и нам уже будет легко вывести корабль в открытый океан.

Амундсен кивнул головой.

— Доктор прав. Такие случаи в полярных экспедициях бывали уже не раз.

— Но как же вы проведете корабль через лед? До полыньи ведь целый километр? — спросил второй штурман.

— Мы пропилим во льду канал, взорвем лед и по каналу проведем «Бельгику» до полыньи.

Механик Виктинг рассмеялся.

— Где вы возьмете пилы? Ведь у нас всего только четыре маленькие пилы и всего лишь несколько фунтов динамита.

— И с этими пилами при желании можно сделать проход. Я уверен: работа удастся.

Матросы угрюмо переглянулись, и было видно, что они не верят доктору. Мало-помалу поднялся спор.

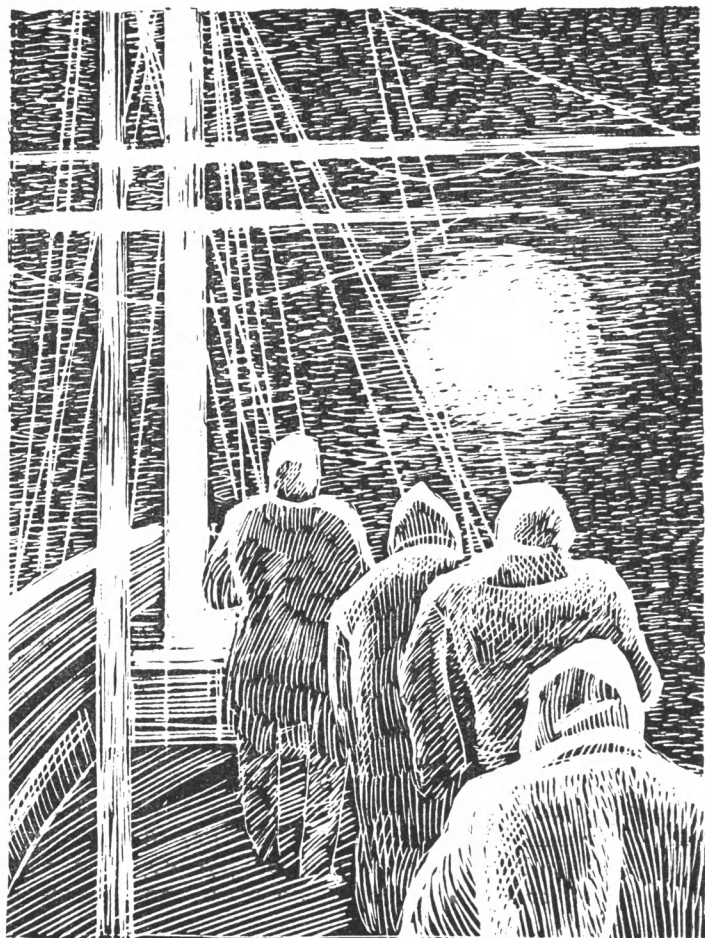
— Мы замерзнем на такой работе. У нас нет теплых пальто.

— Зато у нас есть одеяла, — сказал Амундсен. — Сегодня же мы начнем шить из них теплые пальто для вас.

После обеда Амундсен отправился в трюм корабля, где в ящиках лежали толстые, грубые одеяла красного цвета. Их притащили в кают-компанию.

Один матрос, исполнявший обязанности портного, разрезал одеяла и скроил из них халаты. Тут же все принялись за шитье. Кают-компания стала походить на портновскую мастерскую.

Три дня спустя на утренней заре экипаж вышел на палубу с пилами, с топорами и ломami, спустился на лед и пошел к полынье. Это было забавное зрелище:

все были одеты в красные неуклюжие халаты, с самодельными шапками на головах. Доктор Кук и Амундсен провели длинную прямую черту от ближнего края полыньи к кораблю. Они показали, какой ширины должен быть канал, и матросы нехотя приступили к работе. По совету Кука они прицепили к одному концу пилы тяжелые гири и этот конец спустили в воду; на другом была укреплена длинная ручка — груз тянул пилу вниз, в воду, а два матроса, уцепившись за ручку, поднимали пилу вверх. Так началась пропилка льда.

Доктор приказал выпиливать во льду длинные треугольники, и, когда обе пилы сошлись в вершине такого треугольника, Кук и Амундсен вырыли во льду небольшую яму, положили в нее динамит, провели шнур и подожгли его. Все поспешно отбежали в стороны. Раздался взрыв, и отпиленная глыба льда поплыла в полынью. Удачный взрыв ободрил всех. Матросы с большей охотой продолжали работу. В первый день отпилили десять больших треугольников. Канал наметился сразу — он был шириной в двадцать пять метров.

Утомленные, но бодрые духом, матросы вернулись на корабль. Работа первого дня показала, что канал сделать можно, значит, и спасение возможно. И с того дня охотнее и охотнее выходили люди на работу.

Канал подвигался быстро, на четвертой неделе прошли половину пути. Дни удлинялись. Солнце много часов стояло высоко на небе. Истомленные долгой ночью, люди были рады свету, движению. Работали дружно, одни пилили лед, другие баграми проталкивали его по каналу в полынью. В начале девятой недели работа была окончена. Экипаж проколол вокруг корабля лед, и поздно вечером все, усталые, но очень довольные легли спать.

Рано утром Амундсен проснулся, разбуженный тре-

вожным криком. Он поспешно вышел на палубу. Там уже толпились все матросы. Они что-то кричали, кому-то грозили, кого-то проклинали.

— В чем дело, ребята? — спросил Амундсен.

Множество голосов закричало:

— Канал закрыт! Работали мы, работали, гнали вы нас, гнали, и вся работа пошла прахом. Смотрите!

Амундсен поднялся на бак. Канала не было: льды сомкнулись, и небольшие кучи мелких льдин стояли как раз там, где вчера виднелась вода. Вышел на палубу и доктор Кук, с ним капитан и начальник экспедиции; все молча смотрели на льды.

С запада, все усиливаясь, дул ветер. Это он сдвинул льды, закрыл канал.

— Надежда рухнула, — мрачно сказал капитан.

— Ну нет, капитан! — живо откликнулся Кук. — Ветер отнял у нас канал, но он может и вернуть его нам. Посмотрим, что будет к вечеру.

День тянулся томительно. Мало кто выходил на палубу — все сидели в каютах, озлобленные, мрачные. Только Амундсен и Кук, о чем-то тихо переговариваясь, ходили по льду вокруг корабля.

Перед заходом солнца льды стали подозрительно потрескивать, задвигались, и скоро от корабля к полынье протянулась трещина. С каждой минутой она становилась все шире и шире. Доктор торопливо выскочил на палубу, зазвонил в сигнальный колокол.

Все выбежали, одеваясь на ходу, и, увидев широкую трещину, разразились радостными криками.

— Скорей, скорей! — торопил доктор.

Еще накануне к бортам корабля были прикреплены длинные канаты, и экипаж разделился на две группы: одной частью командовал Амундсен, другой — Кук. Капитан стоял на мостике, он подал сигнал, матросы

потянули канаты, и корабль медленно пошел по каналу. Через два часа он достиг полыньи и закачался на вольной воде.

Этот день был большим праздником для экипажа. На трех шлюпках матросы долго плавали вдоль берегов полыньи. Они уже отвыкли от весел и теперь были рады поразмяться. На льдах было много тюленей, и охотники стреляли их. В этот день на корабле был обильный обед из свежего мяса — теперь уже никто не отворачивался от тюленьины.

Однако выхода к открытому морю все-таки еще не было. По-прежнему на пути лежали непроходимые льды, а за ними далеко на горизонте ледяная стена преграждала выход в океан.

Прошла неделя, другая — все оставалось без изменений, лишь канал, по которому прошел корабль, то плотно закрывался, то открывался снова. На корабле воцарилось уныние.

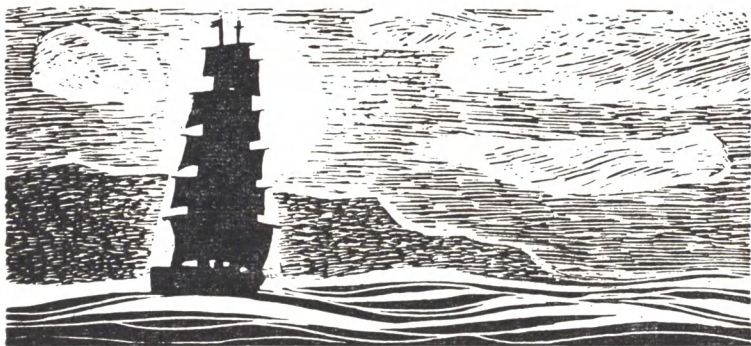
Наконец в начале сентября подул северный теплый ветер — лед начал трескаться, раздвигаться, и трещины подходили как раз к полынье. Амундсен приказал приготовить машину, чтобы во всякий час можно было двинуться вперед. И такой час настал: лед раздвинулся настолько, что корабль мог пройти из полыньи в открытое море. Тотчас развели пары в котлах, и «Бельгика» быстро начала продвигаться вперед. Она уже была совсем у выхода, когда две огромные ледяные горы загородили ей путь. Проход между ними был совсем узкий. Однако Амундсен, все еще командовавший судном, решил рискнуть. Он сам ввел судно в проход. Проход был извилист и местами так узок, что борта касались ледяных стен. Корабль с силой продирался между ними. Вдруг на палубе кто-то крикнул:

— Горы сдвигаются! Назад!

Амундсен присмотрелся. Да, горы двигались. Они сейчас могут сомкнуться и раздавить корабль, как щепку. Борта корабля уже затрещали под их напором. Но тут явился на помощь доктор Кук: он быстро созвал матросов, приказал вытащить из трюма шкуры тюленей, набил их шкурками пингвинов так, что получились толстые мягкие мешки, и эти мешки были тотчас спущены по бортам справа и слева и как раз вовремя.

Ледяные стены сдвинулись, напирая на «Бельгику». Но мешки защищали борта. Горы мало-помалу отодвинулись, и корабль вышел, наконец, в бескрайний простор океана.

Пробыли они в ледяной ловушке тринадцать месяцев.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Все на корабле почувствовали себя спасенными: страшная опасность осталась позади! Корабль свободно качался на воде, в его трюме было достаточно угля для того, чтобы добраться до ближайшего порта.

Празднично украшенная флагами «Бельгика» пошла полным ходом к северу. Свободные от работы матросы часами стояли на палубе. Амундсен с капитанского мостика смотрел на них. Грязные, заросшие бородами, измученные, они мало походили на тех бодрых, сильных людей, которые тринадцать месяцев назад вошли во льды. Страшная зима вымотала всех.

Два матроса вывели под руки безумца Вильямса: мутными глазами он неотрывно смотрел на морской простор, на волны и что-то мычал.

В штурвальной рубке тревожно заговорили. Амунд-

сен вошел туда. Капитан громко ругал второго штурмана, а тот смущенно в чем-то оправдывался.

— Что случилось? — спросил Амундсен.

Капитан сердито повернулся к нему:

— Вы испортили инструменты!

— Инструменты испортились от тряски, когда на нас давили ледяные горы, — сказал второй штурман.

Амундсен осмотрел инструменты. Они действительно были испорчены.

— Конечно, это неприятно, капитан, но не следует волноваться. Путь мы теперь найдем.

— На вашу ответственность! — буркнул капитан.

— Да, да, на мою ответственность.

Амундсен понимал, какой опасности подвергался корабль, идя вслепую. Но что было делать?

Он повел корабль наугад, приказав держать курс на восток: там лежали острова Огненной Земли.

Семь дней «Бельгика» плыла в полной неизвестности. Вахтенные матросы, сменяя друг друга, наблюдали с верхушки корабельной мачты за горизонтом. Наконец на восьмой день с верхушки мачты раздался радостный крик: «Земля!»

Амундсен поднялся на мачту. Вдали виднелось черное пятнышко: да, это была земля.

Через десять часов «Бельгика» подошла к неизвестному острову. Остров был совершенно пустынный, на его вершине лежали снега. Рядом находился другой остров, походивший на храм. И все узнали в нем так называемый Церковный остров. Этот остров был нанесен на карту, и, значит, путь отсюда был известен.

Еще через неделю корабль прошел Магелланов пролив и направился в Европу. В начале ноября 1899 года «Бельгика» вернулась в Антверпен. Все путешествие заняло около двух лет.

У НАНСЕНА

После экспедиции на «Бельгике» Амундсен целый год прожил в Христиании, отдыхал от полярной экспедиции, готовился к экзамену на звание капитана. Он напечатал в газетах и журналах много статей об экспедиции на «Бельгике», и его имя знала теперь вся Норвегия.

Он жил в том же маленьком домике, где когда-то жил с матерью. И вел все ту же скромную трудовую жизнь. Долго по ночам в его комнате горел свет.

Увлеченный работой, он мало где бывал. Работал много, усердно. У него теперь был огромный практический опыт матроса и штурмана. Нужно было только собрать книжные знания по этому делу, и победа будет за ним.

Пришел день экзамена; Амундсен сдал его превос-

ходно. Теперь он сам мог вести свой будущий корабль в полярные края.

Какие задачи ставили перед собой известные полярные исследователи? Чего добивались?

Пройти северо-западным проходом из Атлантического океана в Тихий вдоль берегов Северной Америки — вот первая из крупнейших задач. Вторая — побывать на Северном полюсе. Сколько отважных путешественников пыталось решить эту задачу! Последняя попытка была сделана Нансеном. Но все экспедиции кончались неудачей.

Открыть Южный полюс — вот третья задача.

Разрешить первую задачу — найти северо-западный проход — пытались очень многие. Пятьдесят семь экспедиций окончились безрезультатно: одни возвратились с полдороги, другие, в том числе и экспедиция Франклина, погибли. Только пятьдесят восьмой экспедиции, возглавляемой Мак-Клуром, удалось пройти вдоль северных берегов Америки. Однако задача все же не была решена. Часть пути экспедиция прошла на корабле, а часть пешком. Водного пути не нашел и Мак-Клур. Да и есть ли такой путь?

Амундсен был убежден, что он существует, и остановился именно на этой задаче — найти северный водный путь из Атлантического океана в Тихий.

А если экспедиция, кроме поисков северо-западного прохода, попытается установить точное местоположение магнитного полюса и заняться изучением земного магнетизма?

Однако у самого Амундсена не было твердого убеждения, что открытие магнитного полюса представляет большую научную ценность. Он обратился за советом к своим друзьям — сотрудникам метеорологического института. Все единогласно говорили, что реше-

ние этой задачи чрезвычайно важно, только оно требует большой научной подготовки.

«У меня сейчас есть опыт полярного путешественника, есть звание капитана, я могу быть начальником корабля, но у меня нет научных знаний. Без таких знаний моя будущая экспедиция не будет иметь значения для науки. Нансен укажет мне, что надо делать. Нансен с ранней юности был мне путеводной звездой. Сколько лет я мечтал стать таким же смелым и отважным, как он!»

С такими мыслями Амундсен отправился к Нансену. Он немного побаивался этой встречи. Как его примет знаменитый путешественник? А вдруг он высмеет его план? Вдруг не будет никакой поддержки? Но все равно, если путь намечен, надо идти.

Нансен тогда жил в Христиании.

Амундсен нерешительно позвонил у двери его дома. Служанка ввела Амундсена в переднюю и попросила подождать. Смущенный, он сел возле большого стола и исподлобья поглядывал на дверь, за которой скрылась служанка. Он трусил так, как не трусил даже в минуту страшной опасности.

Дверь отворилась, и вошел Нансен. Он сразу узнал Амундсена и приветливо протянул ему руку:

— Вы Амундсен, штурман с «Бельгики»? Очень рад вас видеть.

Пристально и пытливо смотрел он прямо в лицо Амундсену.

— Чем могу служить?

— Я пришел к вам за советом, — волнуясь, начал тот. — Хочу снова отправиться в полярные страны. Я задумал самостоятельное путешествие.

Нансен взял за руки Амундсена, голос его потеплел.

— Очень рад помочь, чем смогу.

Он повел Амундсена в просторный кабинет. Два широких окна выходили в сад. Комната была залита солнцем. У окна стоял широкий стол, заваленный книгами и картами. На стене висела большая карта Арктики, а под ней — серый позвонok кита. Нансен предложил гостю кресло.

— Ну рассказывайте. Каковы ваши планы?

Амундсен сел. Сейчас решится судьба его замысла!

— Я понимаю... мало быть только путешественником, надо быть и работником науки, — заговорил Амундсен.

— Правильно, — сказал, улыбаясь, Нансен. — Но сначала скажите мне, куда именно вы собираетесь идти?

— В течение года я хочу изучить магнитный полюс, а потом попробую пройти северо-западным морским путем, — заговорил горячо Амундсен.

Нансен откинулся на спинку кресла, посмотрел на своего гостя, потом перевел глаза на карту Арктики. Северный берег Америки был условно отмечен пунктиром — никто никогда еще не проходил вдоль этого берега.

Сам человек отважный и смелый, Нансен дважды выступал с планами, очень дерзкими по замыслу, и эти планы осуществил, и осуществил с таким блеском, что завоевал всемирную славу. И теперь, слушая Амундсена, он невольно был увлечен широтой и грандиозностью замыслов молодого капитана. Нансен не мог сдержать своего восхищения.

— Прекрасная цель, — сказал он. — Для этого стоит и жить и работать.

Сердце Амундсена радостно забилося. «Нансен говорит, что цель прекрасна? Стоит жить?»

— У меня теперь есть опыт полярного плавания, но

нет научной подготовки. Я пришел к вам за советом, как мне приступить к пополнению моего научного багажа.

— А скажите, каким образом вы рассчитываете собрать средства для этой экспедиции? — спросил Нансен.

Амундсен несколько смутился.

— У меня есть немного собственных денег, и я надеюсь заработать еще. Пока я хочу предпринять плавание в Ледовитый океан на каком-нибудь небольшом судне, чтобы научиться управлять им во льдах. Во время этого плавания я буду заниматься охотой и, может быть, добуду средства для снаряжения.

Нансен сочувственно вздохнул. Да, дорога исследователя нелегка. С каким трудом приходится сколачивать экспедиции! Кто поможет сейчас вот этому смельчаку? Общество? Государство? Нет! Они мало интересуются наукой. А помочь Амундсену надо.

И Нансен не только одобрил замысел, но и обещал порекомендовать его кое-кому из влиятельных лиц.

Через два часа Амундсен покинул дом Нансена. Он уходил уверенный, что его путь правилен, что нет ничего невозможного в его планах. Учиться, работать, готовиться! И победа придет!

ЗА НАУКОЙ

Ободренный Нансеном, Амундсен в тот же вечер написал директору Британской обсерватории в Кью длинное письмо:

«Я намерен в ближайшие годы отправиться в полярные края с целью исследовательской. Мне хотелось бы под вашим руководством и в вашей обсерватории изучить все, что связано с земным магнетизмом, и все методы, какими пользуются при производстве магнитных наблюдений».

В письме он рассказал о страшной зимовке за Южным Полярным кругом. И сожалел о том, что у него не было научной подготовки, несомненно, он мог бы дать науке новые материалы.

Амундсен в этом письме хотел подчеркнуть, что он не человек с улицы, что у него уже есть достаточный опыт в полярных путешествиях.

Он ждал, что директор Британской обсерватории приветливо откликнется на его письмо. «Люди науки должны помогать друг другу»,— так говорил ему Нансен. Ответ пришел скоро:

«Обсерватория перегружена своей прямой работой, принять вас в число практикантов, к сожалению, не имеем возможности».

Ответ ошеломил Амундсена. Значит, преграды не только во льдах, у полюса, но и здесь, в культурных странах.

«Что же, поищем других путей! — решил он.— Разве впервые встречаться с трудностями?»

В тот же день он побывал у своего знакомого профессора Стена и показал ему ответ директора Британской обсерватории.

— Поезжайте в Гамбург, к профессору Неймайеру, — посоветовал Стен. — Он заведует обсерваторией, может быть, он поможет.

— Поможет ли? — усомнился Амундсен.— Неймайера знает весь мир как знаменитого ученого.

— Все равно попытаться надо. Я вам дам письмо к Неймайеру, он меня немного знает.

Раздумывать было некогда. И неделю спустя Амундсен подъезжал к Гамбургу.

Он остановился в самой дешевой гостинице и, принарядившись, отправился в Гамбургскую обсерваторию. Она находилась на другом краю огромного города. Амундсен ехал с большой тревогой: примет ли его знаменитый ученый? В тихом квартале он отыскивал белое здание обсерватории.

С некоторой робостью вошел в канцелярию и подал свои рекомендации.

Его провели к Неймайеру.

Известный ученый встретил новичка приветливо, рас-

спросил внимательно о планах и дал разрешение работать в обсерватории.

У Амундсена было очень мало денег. Нужда подстерегала его у всех дверей, а здесь, в незнакомом Гамбурге, тем более.

Чтобы сократить до предела расходы, Амундсен переселился в крохотную комнатку на окраине Гамбурга, недалеко от обсерватории, и весь свой день отдавал учебе. Он раньше всех приходил в обсерваторию, позже всех уходил. А дома только книги, книги и работа над статьями о путешествии на «Бельгике».

Директор Неймайер в первые же недели заметил рвение Амундсена. При встречах он ласково заговаривал с практикантом — спрашивая, как он живет и как идет его работа.

— Молодой человек, сегодня вы останетесь после занятий и пойдете со мной обедать,— сказал он однажды Амундсену.

Амундсен повиновался. Старый Неймайер был холост, обедал не дома, а в ресторане. Когда они вошли вдвоем в великолепный зал ресторана, Амундсен несколько растерялся.

— Садитесь, молодой человек, возле меня,— сказал Неймайер. — Вы расскажете мне, как вы зимовали во льдах...

Амундсен, торопливо съедая порции — обед для него всегда был только обязанностью,— рассказывал, что пережил за длинную, страшную зиму на «Бельгике». Уже давно кончился обед, а Неймайер и Амундсен все сидели и говорили.

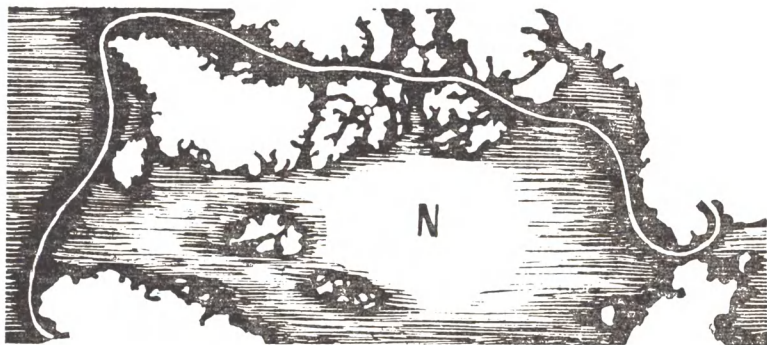
Так началась дружба между знаменитым ученым и молодым практикантом. С того дня Амундсен часто обедал с Неймайером. Рассказывая, он не забывал и расспрашивать. Он расспрашивал ученого, как надо

ставить научные наблюдения за Полярным кругом. Неймайер давал ему советы.

Иногда к Неймайеру приезжали большие ученые разных стран. Неймайер встречал их с почетом, устраивал для них банкеты и на эти банкеты обязательно приглашал Амундсена, знакомил его с гостями.

Прошло пять месяцев, и Амундсен изучил всё, что хотел. Теперь он мог самостоятельно вести наблюдения над действием земного магнетизма и над погодой. И кроме того, он завел прочные связи в ученом мире. Из Гамбурга он съездил еще в две обсерватории, познакомился с их работами. Теперь он по-настоящему был вооружен научными знаниями.

К осени 1900 года он вернулся в Норвегию.

ПЛАВАНИЕ НА «ЙОА»

«**Н**ансен одобрил мой план. Этот день я считаю началом существования моей экспедиции», — так писал Амундсен в книге «Плавание на «Йоа».

Амундсену, как он сам говорил, «повезло». Ему удалось случайно купить целую библиотеку на трех языках, в которой была собрана почти вся литература о северо-западном проходе, все карты и планы предыдущих экспедиций.

Эти книги помогли ему составить стройный план своей экспедиции. Он учел все ошибки и промахи полярных исследователей. И понял, что открытие северо-западного прохода может стать великим открытием для человечества.

Вот уже четыреста лет люди ищут кратчайший путь из Европы в страны Дальнего Востока и в Индию.

В 1498 году Васко да Гама обогнул южную оконечность Африки. Потом корабли Магеллана пересекли Тихий океан и достигли Индии.

Так четыре века назад европейцы нашли южные пути в сказочные страны Азии. Однако пути эти были чрезвычайно длинные. Географы тех времен предполагали, что должны существовать более короткие пути: один — вдоль северных берегов Америки, так называемый северо-западный проход, а второй — северо-восточный — вдоль северных берегов Европы и Азии.

Поколения мореплавателей старались отыскать эти кратчайшие пути. Особенно много таких поисковых экспедиций направлялось вдоль приполярного побережья Северной Америки. И — увы! — они не дали никаких положительных результатов. Большинство экспедиций погибло.

Изучая отчеты, планы и карты этих экспедиций, Амундсен пришел к выводу, что их неудачи коренятся в трех ошибках: во-первых, они отправлялись в плавание на больших кораблях, которые или застревали во льдах, или садились на мель; во-вторых, экспедиции состояли из очень большого числа участников, для которых требовалась масса продовольствия и снаряжение, — в экспедиции Франклина, например, участвовало сто тридцать четыре человека, и они погибли все до одного. И наконец, в-третьих, все экспедиции, соблазненные открытой водой некоторых проливов, как, например, пролива Смита, забирались слишком далеко на север, блуждали меж бесчисленных островов и попадали в ледовые оковы.

Амундсен решил избежать этих ошибок: во-первых, он возьмет маленькое судно с небольшой осадкой, во-вторых, максимально ограничит состав участников экспедиции и, в-третьих, — самое главное! — будет ис-

кать проход не в высоких широтах, а значительно южнее.

В снаряжении экспедиции очень помог Нансен: он детально ознакомился с планом Амундсена и дал ему много ценных практических советов, одобрил приобретенные им научные приборы и аппараты. Настойчивость и зрелость мыслей молодого Амундсена все более покоряли Нансена.

За свои статьи, напечатанные в газетах и журналах, Амундсен получил небольшую сумму денег и на эти деньги решил купить маленькую яхту, чтобы на ней начать самостоятельные поездки.

В Бергене, в порту, он отыскал маленькую северную рыбацкую яхту «Йоа». Яхта была уже старая — ей было тридцать лет — и поэтому продавалась дешево. Амундсен осмотрел ее со всех сторон, испробовал на ходу. Яхта оказалась подходящей.

На ней Амундсен вернулся в Христианию. Наконец-то у него свое судно, нужные знания, он вооружен полной решимостью, он готов пуститься в далекое путешествие на поиски северо-западного прохода.

Но деньги, деньги! Он все свои деньги истратил на покупку яхты, а денег требовалось много на снаряжение, провиант.

Амундсен прежде всего отправился в Ледовитый океан на охоту за тюленями. Он хотел охотой добыть денег. Целое лето «Йоа» плавала у берегов Гренландии.

Охота вышла удачной, но во время плавания он увидел, что яхта требует кое-каких улучшений. По возвращении из плавания он поставил яхту на верфь в Тромсе, где было сделано все нужное. Амундсен торопил строителей, иногда сам брался за инструменты и работал, как простой плотник.

Между тем пора уже было закупать снаряжение и продовольствие. Своих денег у Амундсена хватило только на покупку инструментов, а где взять денег на другие расходы?

«Мне ничего не оставалось, как пойти странствовать от одного лица к другому, кто так или иначе мог заинтересоваться моим предприятием и мог мне помочь», — писал Амундсен в своей книге «Плавание на «Йоа».

Три коммерсанта из города Хальдена дали ему взаймы тридцать тысяч крон. По тем временам это была огромная сумма. Немного денег получил Амундсен от своей старой тетки Улавы Кристенсен, уверенной в том, что ее племянник Руал будет замечательным путешественником.

Амундсен купил пятилетний запас продовольствия, двадцать тысяч литров горючего, отличное снаряжение, одежду, обувь. Закупил и различные товары для обменной торговли с эскимосами — с ними он рассчитывал встретиться на пути своих поисков вдоль будущей трассы: Атлантика — Тихий океан.

Все было перевезено на «Йоа», упаковано и уложено в трюм. Но денег на полную расплату все же не хватало. Пришлось занимать у разных лиц мелкими суммами под краткосрочные векселя. Случалось, что Амундсену грубо, иногда даже оскорбительно отказывали. Он стойко переносил и отказы и оскорбления... во имя своей великой цели.

Трудно было подобрать участников экспедиции. Почти целый год искал Амундсен шестерых товарищей, таких же решительных, как и он. Своим помощником он избрал лейтенанта датского флота Готфрида Хансена, совершившего уже не одно плавание в северных водах. Хансен был навигатором, астрономом, геологом и фотографом.

Первым штурманом был приглашен Антон Лунд, много лет плававший на зверобойных судах в должности шкипера и гарпунера; первым машинистом и метеорологом — Педер Ристведт; вторым штурманом — Хельмер Хансен; вторым машинистом и магнитологом — Густав Юль Вик; и наконец, обязанности кока были поручены Адольфу Линдстрему, который, как потом оказалось, был мастер на все руки.

Это были люди опытные, смелые, не боявшиеся поставить на карту свою жизнь, когда дело шло о достойной цели. Самому старшему из них, Лунду, было тридцать девять лет; самому младшему, Густаву Юлю Виду, — двадцать пять. Они верили в успех экспедиции и принимали самое деятельное участие в ее подготовке. За месяц до отплытия они переселились на яхту и жили тесной, дружной семьей, каждый час готовые в путь.

За несколько дней до отплытия из Христиании на яхту «Йоа» пришел Нансен. Амундсен в это время был в городе. Нансен внимательно осмотрел яхту, снаряжение, поговорил с участниками экспедиции и убедился, что все приготовлено, все предусмотрено. Прощаясь, сказал штурману:

— Передайте Амундсену: он может выходить в море.

Амундсен обрадовался, когда узнал об этом напутствии Нансена. Значит, можно не откладывать выхода в плавание ни на один день!

Но тут стряслась беда, которая едва не погубила все дело.

Кто-то пустил слух, что Амундсен затеял безумное дело. Как можно пуститься отыскивать северо-западный проход на такой маленькой старой яхте, если и большие корабли там гибнут? Четыреста лет люди с большими средствами, на больших судах ищут этот проход и не

могут найти. Куда же лезть бедняку Амундсену? Это явная авантюра.

Кредиторы Амундсена заволновались и потребовали вернуть им деньги.

Амундсен спорил, убеждал. Ничего не помогало.

— Давайте деньги назад! — говорили они. Особенно яростно нападал один кредитор, торговец консервами.

— Если не уплатите деньги, я наложу арест на яхту, — напрямик заявил он Амундсену.

Бедный Амундсен был вне себя. Сколько хлопот, сколько приготовлений, и все напрасно! За эти дни он похудел, не спал ночами, искал выхода. А торговец стоял на своем. Наконец он заявил:

— Если через сутки не уплатите долга, я заявлю полиции.

Амундсен понял, что решительная минута настала. Он тотчас созвал своих товарищей и, когда все шестеро пришли к нему, сказал:

— Положение вот какое: мы сегодня ночью тайно уедем, или завтра у нас отберут яхту. Согласны ли вы выехать немедленно?

— Конечно, согласны.

— Тогда в полночь будьте у яхты. И об этом никому!

Этот разговор произошел 16 июня 1903 года.

С вечера пошел сильный дождь. Улицы и порт опустели. Амундсен и его товарищи, закутанные в непромокаемые плащи, под проливным дождем прошли в порт, забрались на яхту. Яхта тихо отчалила и пошла через фиорд в море.

ПУТЬ, ПОЛНЫЙ ОПАСНОСТИ

В течение восьми недель яхта «Йоа» шла через Атлантический океан. Смелые пловцы зашли сперва в бухту Годхавн на острове Диско, у западного берега Гренландии. Здесь Амундсен купил двадцать собак, и экспедиция отправилась дальше к северу, к поселению Делримпл, где шотландские китоловные суда доставили Амундсену еще продовольствия и горючее. На этом последнем пути маленькая яхта в Мельвильской бухте встретилась с первыми полярными льдами и дрейфовала, подвергаясь большой опасности.

Яхта с честью выдержала это первое испытание, хоть и нагружена была сверх всякой меры. Ее трюмы были битком набиты ящиками с продовольствием, с одеждой, такие же ящики лежали и на палубах. Амундсен, смеясь, сравнивал свою яхту с возом, нагруженным мебелью.

— Будто переезжаем с квартиры на квартиру: захватили с собой все, что можно.

Но им не приходилось заботиться о внешнем виде, им нужно было взять с собой как можно больше запасов, потому что они и сами не знали, сколько лет им придется пробыть в полярных странах.

К августу 1904 года маленькая экспедиция достигла острова Бичи. Это была самая северная точка, до которой когда-либо доходили суда. Остров представлял собой черную базальтовую скалу с огромным вековечным ледником на вершине.

Яхта пристала к берегу в большой бухте. Амундсен и его спутники выгрузились на берег и здесь прожили целую неделю.

Они произвели самые тщательные магнитные наблюдения, чтобы точно определить, в каком направлении от них находится Северный магнитный полюс. Наблюдения показали, что полюс находится где-то к западу от них.

Путь на запад шел мимо множества мелких островов. Эти места были совсем не исследованы. Яхта должна была идти как бы ощупью. Амундсен боялся, что где-нибудь на пути встретятся рифы и погубят яхту. Пришлось вести непрерывные наблюдения за глубиной моря. Тут обнаружилась очень большая странность. С одной стороны маленькой яхты лот уходил на невероятную глубину, а с другой — из воды высывались изгрызенные волнами рифы. Сам Амундсен все время находился в бочке на мачте, тщательно осматривая, по какому пути надо идти.

Однажды в проливе разыгрался шторм. Северный ветер крепчал с каждой минутой и переходил в ураган с дождем. Большая волна подхватила яхту и потащила ее к скалам. Нужно было немедленно ставить паруса. Волны бросали яхту из стороны в сторону, заливали палубу, ях-

та скрипела под их ударами, ветер вырывал из рук снасти, но экипаж работал изо всех сил и в конце концов поставил паруса.

Однако ветер и высокие крутые волны поднимали судно и снова бросали его на камни. Фальшкиль (брус под килем) разлетелся на мелкие щепки и всплыл. Ничего не оставалось делать, как только наблюдать за ходом событий и ждать, чем это кончится.

Сжав зубы, Амундсен стоял на вантах и горько упрекал себя за то, что забыл основное правило полярников: «Арктика коварна. Не верь ей ни на мгновение». А он забыл или, может быть, не успел в самом начале бури послать вахтенного в наблюдательную бочку: вахтенный заранее заметил бы скалы и предупредил об опасности. Неужели судно разобьется и экспедиция кончится так же бесславно, как и все другие?

А мель, на которую несло яхту, становилась все яснее. Паруса натянулись, как кожа на барабане. Вся яхта задрожала. Гибель казалась неминуемой. Амундсен спустился на палубу и приказал:

— Приготовить лодку! Грузите провиант, оружие, патроны.

Тут Лунд, стоявший недалеко, крикнул:

— А не рискнуть ли на последнее средство — не бросить ли в море весь палубный груз?

Это было тайным желанием самого Амундсена, но он боялся его высказать вслух. В ящиках заключалось продовольствие, а продовольствие в тех местах — сама жизнь. Однако раздумывать было некогда. И груз полетел за борт. Ящики тяжелые — по двести килограммов весом — летели в воду, будто легкие тюки сена.

Оставалось не более двадцати метров до самого мелкого места. Пена и брызги покрывали судно, мачта шаталась. Большая волна высоко подняла яхту и швыр-

нула на голые камни. Удар следовал за ударом. Да, это был конец. Собаки дико выли. Вдруг высокий вал снова поднял яхту, она соскользнула с камней и свободно закачалась на вольной воде.

Амундсен быстро взобрался в бочку — нельзя было терять ни минуты, надо было найти путь среди многочисленных мелей, тесным кольцом окружавших яхту. У руля стоял спокойный, безмолвный лейтенант Хансен. Даже буря не вывела его из равновесия. Но вдруг он испуганно закричал:

— Судно не слушается руля!

Амундсен окаменел: значит, игра все-таки проиграна? Прошла минута, судно снова ударилось о какой-то подводный камень, и... лейтенант Хансен радостно крикнул:

— Руль снова в порядке!..

Случилось нечто удивительное и маловероятное: от первых толчков крючья руля выскочили из петель, а при последнем ударе они снова встали на свое место. Лейтенант Хансен твердой рукой переложил руль, и яхта отошла от мелей.

Всех охватило такое ликование, какого еще не бывало на яхте. Люди обнимали друг друга, смеялись, пели и приплясывали.

Шторм прекратился только на пятые сутки, и яхта уже по спокойной воде двинулась дальше на запад.

Вскоре произошел еще один случай, едва не погубивший экспедицию. Небольшое машинное отделение яхты, где стоял мотор, было переполнено бидонами с горючим. Однажды машинист сказал Амундсену, что один из бидонов немного течет. Серьезного пока ничего не было, но если течь не остановится, то маленькое помещение наполнится горючими газами, и может вспыхнуть пожар.

Амундсен спустился в машинное отделение, понюхал воздух, пропитанный запахом бензина, и приказал машинисту перекачать горючее из поврежденного бидона в другой. Вечером яхта стояла на якоре у небольшого острова. Амундсен сидел в каюте, писал дневник, он занимался этим каждый вечер. Вдруг на палубе раздался страшный крик: «Пожар!» Все бросились наверх. Столб пламени выбивался из машинного отделения. Амундсен и его товарищи бросились заливать пламя, прикрыли люк в машинное отделение, завалили его ящиком, чтобы прекратить воздуху доступ, и пожар был потушен.

Так, в борьбе с опасностями, с бурями и туманом яхта двигалась все дальше и дальше на запад.

9 сентября «Йоа» подошла к Земле короля Вильямса. Один из проливов, ведущих дальше на запад, а именно — пролив Симпсона, был совсем свободен ото льда. И Амундсену и всем членам экспедиции показалось, что северо-западный проход открыт. Ведь самые трудные места уже пройдены. Если плыть дальше, то, может быть, яхта беспрепятственно выйдет к мысу Барроу. Однако целью экспедиции было не только открыть северо-западный проход. Не менее важную задачу представляло изучение магнитного полюса. А по последним магнитным наблюдениям экспедиции было установлено, что магнитный полюс находится не далее как в ста милях к северо-востоку. Приходилось остановиться на зимовку именно здесь, недалеко от магнитного полюса. К тому же подходила зима. Дни становились все короче и короче, с севера дули ледяные ветры. И, посоветовавшись с товарищами, Амундсен решил остановиться здесь.

В поисках места стоянки яхта вошла в бухту Патер-

сон и пошла вдоль берега. Лейтенант Хансен, несший вахту в наблюдательной бочке, вдруг закричал:

— Вижу замечательную бухточку. Лучше не сыщешь. Чудесная бухта!

Амундсен быстро взобрался к нему. Да, вдали виднелась маленькая гавань, закрытая от всех ветров. В нее вел неширокий проход. Тотчас же спустили шлюпку, и Амундсен с двумя товарищами двинулся в разведку. Проход в гавань был глубок, но узок, и большие, опасные льдины сюда не могли проникнуть. Маленькая, похожая на чашку гавань действительно была очень удобна для стоянки. Никакие бури не были здесь страшны: с востока и запада поднимались высокие берега, а южный берег был пологий и удобный для того, чтобы поставить там домики для жилья и для научных приборов. На берегу виднелось много оленьих следов — это обещало хорошую охоту. О пресной воде можно было не беспокоиться — сюда стекало несколько быстрых ручьев.

На следующий день Лунд, Хансен и Ристведт отправились на берег знакомиться с окрестностями, они видели целые стада оленей, большие стаи гусей и других птиц.

Лучшей гавани не стоило искать.

— Здесь мы и перезимуем, — решил Амундсен.

И с ним все согласились.

12 сентября яхта вошла в гавань, названную впоследствии бухтой Йоа.

ДВЕ ЗИМОВКИ

Яхта подошла к высокому берегу почти вплотную и остановилась, как у пристани. Ее крепко пришвартовали тросами и в первую очередь переправили на берег всех собак. Они очень надоели всем за время перехода: постоянно дрались, выли, шныряли по палубе, загрязняли яхту. Затем с яхты на берег была устроена подвесная дорога: от мачты к большому камню протянули трос и по нему на блоке начали переправлять ящики с провиантом и снаряжением.

Пятеро товарищей вытаскивали ящики из трюма, подвешивали за крючья на блок и отправляли на берег. Амундсен и Ристведт принимали ящики, осторожно сбивали с них деревянную обшивку и тщательно укладывали в аккуратные штабеля. Деревянная обшивка должна была служить материалом для различных построек.

Четыре дня с раннего утра до темноты шла разгрузка яхты. Путешественники спешили закончить работу до наступления сильных морозов. А зима уже надвигалась. Ежедневно шел снег. Надо было успеть построить на берегу помещение для обсерватории и запастись свежей провизией на зиму.

Амундсен разделил весь экипаж на две партии: на партию строителей и партию охотников. Два самых страстных охотника — Лунд и Хельмер Хансен — отправились в шлюпке на остров Эта, где паслись большие стада оленей. Остальные принялись за постройку домиков.

В первую очередь начали строить небольшой домик для магнитных наблюдений. Амундсен и Вик осмотрели тщательно все доски от ящиков, из которых строился домик, проверили, нет ли в досках железных гвоздей. Железные гвозди могли оказать влияние на саморегистрирующие приборы, и тогда наблюдения были бы записаны неправильно.

Домик строили на склоне горы. Амундсен с помощью лейтенанта Хансена сделал фундамент из камней, а стенами служили ящики, наполненные песком. Крышу покрыли досками и брезентом. Изнутри и снаружи стены были обиты толем, а вокруг домика провели ров, чтобы вода не могла проникнуть внутрь. Всю эту трудную работу Амундсен выполнил сам с помощью Хансена: такое важное значение придавал он будущим магнитным наблюдениям.

Другие товарищи строили жилой дом для Ристведта и Вика, они должны были переселиться с яхты на берег. Затем совместными усилиями начали готовить яхту к зимовке: вставили двойные рамы в световые люки, поставили в каютах керосиновые печи, наладили вентиляцию.

Всем приятно было после трудового дня вернуться в теплые, светлые каюты и с книжкой в руках улечься в уютную постель.

К довершению общего благополучия охотники вернулись с богатой добычей — они привезли двадцать оленей и много гусей. Мясо оленей разрезали на куски и развесили на вантах — было уже так холодно, что мясо не портилось.

Амундсен думал и удивлялся тому, что именно в этих местах погибла от голода и холода экспедиция Франклина. Недалеко от места стоянки яхты находилась так называемая бухта Голода. И теперь, обследовав всю местность, Амундсен видел, как много здесь можно добыть пищи: птица, олени, рыба — все в изобилии. Франклинская экспедиция, должно быть, пришла сюда в то время, когда все было занесено снегом, а путешественники, утомленные переходом, изнуренные болезнями, безнадежно глядели на мир. Между тем жизнь на этих, казалось бы, пустынных берегах не замирала ни осенью, ни зимой, ни тем более летом.

Однажды Амундсен стоял на палубе с двумя товарищами. Вдруг один из них воскликнул: «Олень!» — и показал на черное пятнышко, которое появилось на склоне горы. Но другой товарищ рассмеялся:

— Олень этот на двух ногах.

— Как на двух? — удивился Амундсен.

— Это человек.

Амундсен поднял бинокль к глазам. В самом деле, по склону горы к стоянке шел человек, закутанный в звериные шкуры. Потом из-за гребня горы показались еще четыре человека, вооруженные копьями и стрелами. Они решительно шли к стоянке.

— Пожалуй, они зададут нам взбучку, — сказал Амундсен. — А ну-ка, товарищи, берите ружья.

Два товарища Амундсена быстро спустились в каюту и вышли оттуда с ружьями в руках. Амундсен также взял свое ружье, и втроем они двинулись навстречу незнакомцам. Никто не знал, кто эти люди — друзья или враги.

— Это эскимосы. Что они нам могут сделать со своими стрелами?

Два маленьких отряда медленно сходились. На расстоянии пятнадцати шагов друг от друга они остановились. Эскимосы держали свои луки и стрелы наготове. Амундсену не хотелось нарушать мир. Он обернулся к своим товарищам и сказал:

— Давайте-ка бросим ружья, покажем им, что мы не хотим сражаться.

И все трое бросили ружья в сторону. Амундсен крикнул: «Микимо!» — единственное эскимосское слово, которое он знал. Это было приветствие. Эскимосы тотчас бросили свои луки и стрелы, быстро подошли к людям. Тогда Амундсен протянул руку их вождю, закивал головой, замахал руками, стараясь показать эскимосу, что никаких враждебных намерений у него нет. И эскимосы это поняли. Они тоже закивали, заулыбались. Амундсен повел гостей к стоянке, пригласил на яхту, угостил их мясом, шоколадом, и дружба была заключена. Амундсен показал эскимосам топоры, ножи, пилы. В этих местах не только металл, но даже и дерево встречалось очень редко. Свое оружие эскимосы делали из костей морских животных, луки их были сделаны из ребер кита. Они с суеверным ужасом смотрели, как Амундсен стальной пилой пилил дерево и топором рубил доску. Все это было для них совершенно новым.

Когда все вышли на палубу, Амундсен взял ружье, прицелился в кайр и выстрелил. Несколько птиц было убито. Они на воде перевернулись на спину и подняли ножки вверх. Амундсен обернулся, чтобы посмотреть, какое впечатление произвел выстрел на эскимосов. Эскимосы — все пятеро — лежали на земле лицом вниз. Белые люди им казались грозными богами. Амундсен подошел к ним, поднял каждого по очереди, успокоил, еще угостил. Когда эскимосы немножко успокоились, они знаками начали просить, нельзя ли им прийти сюда всем племенем и поселиться около них. Амундсен посоветовался со своими спутниками и согласился. Эскимосы ушли, а через два дня в полукилометре от стоянки выросло уже целое селение в пятьдесят эскимосских хижин, сделанных из снега и льда. Всего пришло человек двести: мужчин, женщин, детей.

В те первые дни, когда эскимосы только что поселились вблизи зимовки, Амундсен немного опасался: а вдруг им взбредет что-нибудь в голову и они нападут на экспедицию, отнимут запасы продовольствия, тем более что, как знал Амундсен, эскимосам нередко приходилось голодать. Норвежцев только семеро, эскимосов более двухсот, а потом подошли еще новые группы эскимосов — образовался большой лагерь.

Амундсен на всякий случай решил прибегнуть к хитрости, внушить эскимосам уважение и страх к белому человеку.

Вместе с лейтенантом Хансеном он построил вдали от яхты небольшую снежную хижину. Под этой хижинкой была заложена мина, и Хансен провел от хижинки к яхте электрические провода, старательно замаскировав их снегом.

Когда все было готово, Амундсен пригласил на судно эскимосов. Пришло почти двести человек. Амунд-

сен, как только мог, объяснил, что белые люди очень могущественны и что они могут сделать все что угодно.

— Мы можем разрушить все на далеком расстоянии. И вообще производить самые необыкновенные вещи. Эскимосы должны относиться к белым людям с уважением. Им нельзя причинять никакого вреда. Белые люди могут строго наказывать эскимосов. Вот, например, видите снежную хижину? Смотрите, как она далеко от меня, но я скажу одно слово, и сейчас же она поднимется на воздух и разлетится на куски.

Он повторил это хвастливое внушение несколько раз, пока не убедился, что все его поняли. И, с удовлетворением отметив на некоторых лицах недоверие, Амундсен поднял и опустил руку.

Хансен тут же незаметно соединил провода, и снежная хижина с грохотом разлетелась в куски. Снежное облако вместе с огнем высоко поднялось вверх.

Многие эскимосы в ужасе упали на палубу. Кое-кто побежал прочь с корабля, а некоторые не могли даже ползти — от страха у них отнялись руки и ноги.

Однако все эти меры предосторожности были совершенно излишни. Наивные и доверчивые эскимосы относились к Амундсену не только с уважением, но и с суеверным страхом.

И долгое время после этого они с трепетом встречались с Амундсеном.

Скоро вещи, взятые для обмена с эскимосами, были вытащены и распакованы. Амундсен решил собрать все предметы домашнего и охотничьего быта эскимосов: он знал, что эти предметы обогатят науку. В обмен на ножи, крючки, иголки он собрал самые разнообразные одежды, оружие, рыболовные снасти, разную утварь. Эскимосы охотно отдавали ему в обмен все. Всякая мелочь, сделанная из металла, казалась эскимосам боль-

шой драгоценностью. В числе других вещей Амундсен получил два полных женских костюма; костюмы были сделаны с большим художественным вкусом, сшиты из белых и черных оленьих шкур.

Целую зиму Амундсен и его товарищи прожили бок о бок с эскимосами. Они наблюдали их жизнь во всех мелочах. Амундсен ездил с ними на охоту. Он видел, с какой ловкостью эскимосы вынимают кости из тела только что убитого животного, выгибают или вытягивают их, чтобы получить лук или стрелу, иглу или нож.

Среди зимы с острова стали прибывать еще новые отряды эскимосов. Они останавливались станом на долгое время недалеко от бухты, предлагая нашим путешественникам песцовые шкуры.

Давно уже настала полярная ночь, время тянулось скучно, и, чтобы как-нибудь разнообразить свою жизнь, Амундсен иногда устраивал праздники вместе с эскимосами. При свете луны или северного сияния норвежцы и эскимосы стреляли в цель, ходили на охоту, бегали на лыжах взапуски. Лучшему бегуну или стрелку давали в награду какой-нибудь металлический предмет. Эскимосы радовались подарку.

А научная работа не прекращалась ни на день. Вели магнитные и метеорологические наблюдения. И за эту зимовку собрали столько научного материала, что потом в Норвегии ученые разбирали его в продолжение почти двадцати лет.

С наступлением весны Амундсен предпринял ряд санных поездок в район магнитного полюса. Вместе с лейтенантом Хансеном он точно определил новое местоположение магнитного полюса и тщательно обследовал как новый, так и старый районы. Это было одним из самых крупных достижений экспедиции.

Лето 1904 года было холодное. Лед в бухте не

вскрылся, и вырвать яхту из ледовых оков не удалось. Экспедиция вынуждена была остаться на вторую зимовку. Это не входило в расчеты Амундсена, но делать было нечего — приходилось жить надеждой на то, что следующее лето будет более теплым.

Вторую зимовку путешественники провели даже лучше, чем первую. Им уже были хорошо известны условия зимовки, да и место было обжитое. И работали они так же дружно и бодро. Никто не болел. Для этого, попросту говоря, не было времени.

Амундсен, верный своим правилам, внимательно следил за тем, чтобы ни один участник экспедиции не оставался без работы. Праздность во время зимовок приносит неисчислимые беды: в долгую полярную ночь настроение у человека падает. Он легко поддается унынию, за унынием приходят апатия, безразличие, появляются болезни. Работа же спасает от мрачных дум. И каждый из членов экспедиции был загружен работой до предела.

Весна 1905 года была значительно теплее предыдущей. В середине февраля появилось солнце, дни быстро начали удлиняться, и, наконец, пришла полярная весна. Но еще долго пришлось Амундсену стоять на прежнем месте. Льды крепко сковали море и проливы.

Прошел май, июнь, а льды кругом еще не начинали таять. Только в июле началось движение льда, и в проливах между островами показалась вода. Амундсен начал готовиться к новому походу на запад, к цели.

В начале августа появилась возможность выйти в пролив. Эскимосы поняли, что белые вот-вот их покинут. Они всячески выражали свою печаль.

Наконец 13 августа все приготовления были закончены, и яхта вышла в пролив. Эскимосы долго шли за ней по берегу.

ПРОХОД НАЙДЕН

За одни сутки при попутном восточном ветре «Йоа» прошла почти сто километров. Яхта сначала шла по проливу Симпсона, здесь не проходило еще ни одно судно. Пролив был настолько извилист, что всякую минуту казалось, будто вот-вот он кончится и яхта попадет в закрытую бухту.

День за днем, в продолжение двух недель, яхта пробиралась. Все время измеряли глубину. Это была очень утомительная работа. Между высокими берегами ветер был едва заметен, яхта все время шла с помощью винта. Иногда пролив разветвлялся, разветвления шли в разные стороны, и тогда перед Амундсеном вставал вопрос, по какому проливу идти. Все экспедиции постигла неудача: в каких-то проливах они застревали, или погибали, или возвращались обратно. Множество мелких островов сбивало с толку всех путешественников. А ле-

то здесь коротко: открытой водой можно плыть только месяца полтора, и Амундсен теперь боялся, что зима застанет его где-нибудь здесь, в ближних проливах.

Разветвления пролива стали попадаться чаще. Амундсен заметил, что течения в них бывают разные — в одних сильнее, в других слабее. В самых южных было самое сильное течение. Он шел именно по этим проливам, хотя порой они были очень узки. Глубина с каждым днем уменьшалась. На пути попадались подводные камни. В одном месте яхта едва прошла: под ней был только один дюйм свободной воды. Амундсен так волновался, что не мог ни спать, ни есть. Пища застревала у него в горле. Его нервы были напряжены до крайности; он понимал, что если теперь вот, в эти дни, он не найдет выхода на запад, в Тихий океан, и сам и его спутники погибнут. Целые сутки он проводил на мачте, в бочке, стараясь вовремя заметить каждую ловушку, которую им поставила природа.

26 августа, на заре, яхта вышла, наконец, в открытое море. Амундсен увидел огромное водное пространство. Вот это радость! В восемь часов утра он закончил свою вахту и ушел спать.

Вдруг шум и сильная беготня на палубе разбудили его. Амундсен сразу понял, что случилось нечто очень важное. В каюту вбежал лейтенант Хансен и крикнул: — Вижу корабль! — И тотчас убежал обратно.

Амундсен быстро вскочил с постели. Значит, северо-западный проход найден! Ура! Мечта юношеских лет осуществилась.

«В горле я почувствовал странное ощущение. Конечно, я был несколько возбужден и переутомлен, и, несомненно, это слабость, но на мои глаза навернулись слезы. «Вижу корабль!» Магические слова! И сразу же родина и все милое моему сердцу приблизились ко

мне и простерли руки. «Вижу корабль!» Я мгновенно оделся. И на минуту остановился перед портретом Нансена, висевшим на стене, и в это мгновение изображение словно ожило, будто Нансен смотрел на меня и кивал головой. Я кивнул ему в ответ, улыбаясь от счастья, и вышел на палубу».

Да, впереди в открытом море виднелся корабль. Это было парусное китобойное судно, пришедшее с запада. Все на яхте будто обезумели, поздравляя друг друга, обнимались, кричали, прыгали и плясали. И всех радостнее был Амундсен. Победа была в его руках! Он первый проплыл из Атлантического океана в Тихий северо-западным проходом. Цель достигнута!

Когда прошла первая волна радости, Амундсен вдруг вспомнил, что в течение нескольких дней он ничего не ел. На канатах у мачт висели свежие оленьи туши. Амундсен в каком-то исступлении подбежал к ним, отрезал кусок за куском и глотал целиком, как изголодавшийся зверь. За это время он так измучился, что стал совсем неузнаваем. Ему было только тридцать три года от роду, а походил он на семидесятилетнего старика.

Он был истощен вконец, глубокие морщины прорезали его лоб и щеки.

Три часа спустя «Йоа» направилась к китобойному судну. Это было судно из Сан-Франциско. Оно называлось «Чарльз Гансон». Подошла к нему вплотную и остановилась у борта.

Седой капитан вышел навстречу.

— Вы капитан Амундсен? — был его первый вопрос.

Амундсен был очень удивлен: капитан знает его имя.

— Это первое встреченное вами судно?

— Да, первое.

— Я чрезвычайно счастлив, что первый могу поздравить вас со счастливым прохождением северо-западного пути.

Сияющий от удовольствия капитан пригласил Амундсена и его товарищей к себе в каюту. Он-то лучше других понимал, какой огромный подвиг совершили его гости, и был по-настоящему счастлив, что первый встретил экспедицию.

Амундсен расспросил капитана об условиях плавания дальше на запад. По его словам, плыть можно было без опасений — проливы были свободны ото льда.

Амундсен торопился. Скорей, скорей! Надо использовать открытое море и попутный ветер. На прощанье капитан подарил мешок картофеля и мешок лука. Это было большим лакомством для экипажа «Йоа»: уже два года они не пробовали свежих овощей.

Поставив все паруса, путешественники двинулись в путь. Лед попадался им только у берегов.

У острова Гершеля море также было свободно ото льда.

Амундсен спешил использовать благоприятную ледовую обстановку, но встретившиеся два китобойных судна предупредили Амундсена, что дальше море закрыто льдом. На берегу, как предостерегающий знак, лежало судно, выброшенное бурей. Это был американский барк «Бонанца» из Сан-Франциско.

«Йоа» двинулась на запад, но вскоре встретила льды. Лавировать среди подвижных льдин было трудно. Однажды ночью яхту вместе со льдами оттащило назад к тому же берегу, где находилась разбитая «Бонанца». Все видимое пространство моря закрылось льдом. Во льдах у острова Гершеля застряли пять больших судов.

Вначале экипаж «Йоа» не терял надежды, что льди-

ны разойдутся и можно будет продолжить путь. Однако лед уплотнялся с каждым днем.

9 сентября 1905 года ударили морозы. Стало ясно, что здесь, возле разбитой «Бонанцы», придется проводить третью зимовку. Экипаж безропотно покорился обстоятельствам и, выждав двое суток, дружно начал готовиться к зимовке.

Путешественникам пришлось строить два дома: один — для жилья, другой — для обсерватории. Строительного материала тут было много, так как реки приносили в пролив множество сосен.

Амундсен и лейтенант Хансен решили зимовать на борту яхты, а пятерых членов экипажа переселить на берег. Постройку закончили быстро: 15 сентября у жилого дома уже была крыша. Скоро закончили и обсерваторию, куда перенесли инструменты и приборы. Научная работа продолжалась с прежней аккуратностью.

Яхту оборудовали еще лучше, чем на предыдущей зимовке: укрыли со всех сторон брезентом, в прорези поставили дверь, принесенную с разбитой «Бонанцы». Оттуда же была взята и маленькая печурка, которую Амундсен установил в своей каюте. Топлива не жалели — не то что на первых двух зимовках.

Зимовка обещала быть вполне благополучной. Всего было вдоволь.

Когда лед окреп, к яхте начали приходить эскимосы и гости с других судов. Оказалось, что вокруг острова Гершеля, кроме «Йоа», вмерзло еще одиннадцать кораблей.

В конце сентября Амундсен отправился на остров Гершеля, откуда уходила почта в форт Юкон. Ему очень хотелось сообщить скорее о судьбе своей экспедиции и узнать вести с родины. В гавани острова стояло на зимовке пять крупных судов. Амундсена встре-

тили очень шумно. Оказалось, что все американские суда получили приказ в случае встречи с Амундсеном оказывать ему и его товарищам всяческое содействие.

И вот Амундсен сам пришел к ним! Капитаны кораблей наперебей предлагали ему свое гостеприимство.

Узнав, что следующая почта уйдет только через месяц и вернется лишь в марте, Амундсен решил сам отправиться за почтой в форт Юкон, за несколько сот километров от острова Гершеля, и заодно отвезти почту с зазимовавших кораблей. Ждать целую зиму вестей с родины было слишком мучительно.

Китобои с восторгом встретили решение Амундсена: вот кто действительно доставит почту быстро и в целости!

В конце октября Амундсен и капитан «Бонанцы» Могг отправились в путь с проводником-эскимосом и его женой. У них были две собачьи упряжки: на одной везли продовольствие, а на другой ехал Могг. Весь этот путь до форта Юкон Амундсен проделал на лыжах. И это при 40—50 градусах мороза! Но — увы! — телеграфа в форте Юкон не оказалось. Ближайший телеграф был в поселении Игл-Сити, в трехстах километрах к югу. Амундсен, не задумываясь, решил отправиться в Игл-Сити.

Там он отправил телеграммы на родину, дождался почты и через два месяца вернулся назад, на «Йоа».

Путешествие на телеграф заняло пять месяцев, из которых три месяца Амундсен шел на лыжах.

Возвращение капитана и начальника экспедиции экипаж «Йоа» отпраздновал весело. Вести с родины согрели сердца путешественников. Да, они выполнили свой долг: сумели открыть таинственный проход...

К 1 августа 1906 года пролив, наконец, очистился ото льда, и «Йоа» пошла на запад. 30 августа утром Амунд-

сен увидел вдали мыс принца Уэльского на восточной окраине Берингова пролива, а к вечеру того же дня яхта пришла в город Ном.

«Не нахожу слов, чтобы описать тот прием, какой был нам оказан в Номе,— писал Амундсен в своих воспоминаниях.— Та сердечность, с которой нас встретили, бесконечное ликование, объектом которого была «Йоа» и мы, навсегда останутся для меня одним из самых светлых воспоминаний...

...Бросив якорь, мы с лейтенантом Хансеном сели на катер наших любезных хозяев и хозяек и отправились на берег. Катер все время освещался береговыми прожекторами. Ослепленные сильным светом, бившим нам прямо в глаза, мы ничего не могли рассмотреть. Катер ударился о берег, и даже сейчас я не понимаю, каким образом я попал на берег. Навстречу нам загревели приветствия из тысячи глоток, и вдруг среди ночи раздались звуки, от которых я задрожал всем телом и слезы выступили у меня на глазах. «Да, мы любим эти скалы», — пела толпа норвежский гимн».

В октябре «Йоа» прибыла в Сан-Франциско. Амундсен подарил свой славный корабль городу, и с тех пор «Йоа» стоит там в парке Золотых Ворот.

СМЕЛЫЕ ЗАМЫСЛЫ

В продолжение двух лет Амундсен ездил по Европе и Америке, делал доклады во всех крупных городах о своем путешествии через северо-западный проход. Он собрал крупную сумму денег и расплатился со всеми кредиторами. С особым удовольствием он отдал долг торговцу консервами, который едва не помешал ему пойти в знаменитый поход. У него еще остались деньги для новых смелых путешествий.

Куда теперь направить путь? Конечно, к Северному полюсу — это была его давняя мечта. Если не удалось побывать на полюсе его земляку Нансену, может быть, удастся ему. Он решил идти тем же путем, каким шел Нансен на своем «Фраме», то есть на крепком корабле, вмерзнуть в лед где-нибудь у северных берегов Восточной Сибири и вместе со льдом дрейфовать через по-

люс. Если судно пройдет не через самый полюс, то можно достигнуть полюса на санях.

Нансен тогда случайно не попал к полюсу, он вмерз в лед слишком рано и довольно далеко к западу от того места, где бы ему надо было это сделать. Чтобы избежать ошибки Нансена, Амундсен решил подойти к этому месту с востока, из Тихого океана через Берингов пролив. Для такого похода, конечно, нужно подходящее судно, но судно уже есть; это все тот же корабль «Фрам». Он теперь без дела стоял в бухте в Христиании. Он был уже стар, время потрепало его, но он был еще достаточно крепок.

Амундсен еще раз осмотрел корабль и приобрел его.

Он заново отремонтировал «Фрам», закупил все необходимые вещи, очень много продовольствия и начал подбирать людей.

Отважные его спутники, с которыми он прошел по северо-западному проходу, записались первыми в это путешествие. И еще были приглашены восемь матросов и четверо научных работников, а также опытный повар. Всего на «Фраме» должны были пойти двадцать человек.

Приготовления шли полтора года. Но вот в сентябре 1909 года весь мир облетело известие, что адмирал Пири на собаках достиг Северного полюса. Амундсен был в этот день на «Фраме». Вдруг с берега кто-то громко позвал его. Амундсен подошел к борту. На берегу стоял матрос и размахивал газетой.

— Важные новости!

Через несколько минут матрос с газетой был на борту «Фрама». Амундсен прочитал: «Пири достиг Северного полюса»,— и так заволновался, что у него потемнело в глазах. Он беспомощно опустил руку с га-

зетой. «Что такое? Адмирал Пири опередил меня? Да! Да! В газетах точно написано: «Северный полюс уже открыт».

Амундсен тотчас покинул «Фрам», поехал в город. Здесь же, на набережной, он купил еще с десятков разных газет. Телеграмма была одна во всех: «Пири побывал на Северном полюсе».

Это был тяжелый день для Амундсена.

Что же теперь делать? Куда отправиться? «Если Северный полюс открыт, то не открыт еще Южный,— про себя подумал он.— Идти к Южному. А если мои товарищи откажутся? Тогда снова откладывая поездку, может быть, года на два? Не лучше ли пока не говорить им, что я изменяю свой путь?» Он прикинул в уме, как лучше поступить, и решил: лучше не говорить.

7 июня 1910 года «Фрам» покинул Норвегию. Экспедиция как будто отправлялась к Северному полюсу, так по крайней мере Амундсен сказал сотрудникам газет.

— Пири доставил слишком мало научных материалов, поэтому я решил не отказываться от своего первоначального плана. Я побываю на Северном полюсе и привезу научные материалы.

Атлантическим океаном «Фрам» направился вдоль Европы и Африки к югу. На пути «Фрам» зашел в гавань на острове Мадейра. Здесь Амундсен открыл спутникам свою тайну. Если кто не согласен, может остаться здесь, на Мадейре, и с первым попутным кораблем вернуться в Норвегию. Но все с восторгом дали согласие идти с Амундсеном к Южному полюсу.

На Мадейре уже дожидался прихода «Фрама» брат Амундсена. С ним было послано в Норвегию известие о том, что первоначальный план экспедиции изменен. И ему же поручили сообщить об этом в Англию для

передачи капитану Скотту. Амундсен знал, что Скотт собирался идти к Южному полюсу.

От Мадейры корабль повернул в сторону Австралии, направляясь к Антарктике — к бухте Китовой.

Амундсен именно здесь решил остановить корабль на зимовку.

Вокруг Южного полюса простирается огромный материк, покрытый вечным льдом, он образует ледовый барьер, отвесно спускающийся прямо в океан. Но в бухте Китовой ледовый барьер был неподвижен, потому что основание льда покоилось здесь на материке, значит здесь было вполне безопасно зимовать. А ледяные стены могли защищать корабль от сурового южного ветра.

«Фрам» дошел до бухты Китовой и здесь остановился на стоянку. За три недели все имущество «Фрама» переправили на ледовый барьер. В четырех километрах от места высадки построили дом для зимовщиков, палатки для собак, будки из дерева и льда для разных научных приборов.

База стала походить на городок. Амундсен назвал его «Фрамхейм», что значит: «Жилище «Фрама».

Отсюда до Южного полюса было тысяча сто километров.

Шел еще январь, самый разгар лета в тех местах, везде на льдах возле бухты появлялось множество тюленей и пингвинов, путешественники каждый день ходили на охоту, чтобы пополнить свои запасы пищи.

Сам Амундсен занялся подготовкой дороги к полюсу. Он составил такой план: через каждые сто километров он сделает склады продовольствия, чтобы не тащить большой груз к полюсу, а идти налегке. Дорогу между складами он решил обставить вехами.

8 февраля от бухты Китовой на юг вышли четыре

человека с тремя саними, запряженными восемнадцатью собаками. Сани были доверху нагружены продовольствием. Солнце, не заходившее уже третий месяц, светило ярко. Путники прошли узкой тропинкой между глетчерами, поднялись в гору и бесконечными ледяными полями двинулись на юг. Маленький караван быстро шел по ледяной равнине. Кругом все молчало, и не было видно ни одного живого существа. Люди, собаки и сани казались черными точками в бесконечных белых сверкающих просторах. Пройдя равнину, караван вступил в холмистую местность. Здесь был устроен первый привал. Люди раздали лепешки из пемикана (размолотое мясо с мукой) собакам, сварили на спиртовке суп для себя. И пока варился суп, они успели сложить столб из льда и снега высотой в десять футов. Этот столб, или, как называют его полярные путешественники, гурий, был первой вехой на их пути.

Шесть суток караван продвигался к югу, устраивал через каждые пятнадцать километров привал, и на месте привала ставили ледяной столб.

14 февраля караван добрался до 80° южной широты. Мертвая ледяная пустыня простиралась кругом. Амундсен наметил место для нового склада, и все четверо принялись разгружать сани. Ящики с пищей, мешки с одеждой сложили в брезент, укутали со всех сторон тюленьими шкурами, сверху брезентом, обложили льдом, так что получился высокий холм, на вершине которого водрузили норвежский флаг.

Амундсен на лыжах пошел от склада в сторону; ему хотелось точно запомнить местность, где устроен склад. Он прошел с километр, оглянулся. Склад был едва заметен. Он казался маленьким холмиком.

Амундсен вернулся к товарищам:

— Склад совсем не заметен. Мы не найдем его, когда пойдем с полюса. Давайте через каждый километр на восток и запад поставим по ледяному столбу и на столбе укрепим флаг. Эту вежу мы устроим на восемь километров к востоку, восемь к западу. Такой забор уже не пропустим.

Они разделились на две партии: двое пошли на запад, двое на восток, чтобы строить столбы через каждый километр. На работу затратили двое суток.

Обратный путь караван сделал в три дня: собаки с пустыми санями бежали дружно.

В это время приготовления к зимовке в бухте Китовой уже были закончены, и в поездку для устройства складов пошли все люди. В избушке был оставлен только один человек.

На этот раз караван растянулся длинной лентой. К югу двигалось семеро нарт, их везла шестерка собак, и возле каждой упряжки шел человек.

Дорога теперь была знакома. Ледяные столбы с флагами были видны за много километров, и на пятые сутки караван достиг первого склада на 80° южной широты. Здесь еще оставили часть продовольствия. Этот склад Амундсен решил сделать самым большим. Отсюда два человека с двумя санями пошли обратно на «Фрам», а остальные шесть двинулись дальше, к югу. Через сто километров был устроен склад № 2 и еще через сто — склад № 3.

На всех складах теперь развешались норвежские флаги, и от каждого склада в стороны восемнадцать километров шли ледяные гурии с черными флагами. На последнем складе не хватило ни бамбуковых палок для вех, ни досок. И на вершины столбов поставили сушеную треску.

К этому времени погода резко изменилась, с юга

подули суровые ветры, и караван должен был вернуться к «Фраму» на зимовку.

Вся зима прошла в приготовлениях. Амундсен обдумывал каждую мелочь будущего похода. Он теперь знал, в чем недостатки его снаряжения. Одежда должна быть теплая, но легкая. Обувь прочная, потому что все время придется идти по льду. Вистинг всю зиму занимался тем, что перешивал одежду и обувь. Он распорол все сапоги, сделал их просторными, чтобы можно было надеть на ногу много чулок, сшил мягкое белье из фланели и куртки из шерстяной материи.

Плотник Бьолан переделал сани и ящики, обстругал где только можно, чтобы они стали легкими.

В один из февральских дней Амундсен шел из Фрам-хейма к берегу, где стоял «Фрам». Вдруг один из его товарищей, шедших впереди, отчаянно замахал руками. «Что такое? — подумал Амундсен. — Уж не случилось ли чего с кораблем?» Он быстро поднялся на ледовый барьер и увидел, что возле «Фрама» стоит незнакомый барк. Это было судно капитана Скотта «Терра Нова». Английская экспедиция прибыла в Антарктику и спешно вела научные исследования у ледового барьера. Капитана Скотта на корабле не было. Он остался примерно в шестистах пятидесяти километрах к западу от Фрам-хейма и тоже готовился к зимовке и к походу на Южный полюс.

Амундсен с удивлением узнал, что капитан Скотт привез с собой несколько пони, на которых возлагал большие надежды: пони должны были везти сани с удовольствием и снаряжением. Привез он также моторные сани. Все это показалось Амундсену малопригодным для полярных путешествий: пони будут мерзнуть и не смогут одолеть ледяных подъемов, а моторные сани скоро сломаются.

Он осторожно высказал англичанам свои сомнения, но на них не обратили никакого внимания. Капитан Скотт считался опытным полярным путешественником.

Норвежцам и англичанам было ясно одно: и та и другая экспедиции стремятся к полюсу — вопрос только в том, какая из них придет на полюс раньше.

Расстались англичане и норвежцы дружески. «Терра Нова» пробыла на стоянке только двенадцать часов и пошла дальше вдоль ледового барьера.

Началась длинная зима. Климатические условия в Антарктике ужасны. Путешественник Маусон называл эту шестую часть света «проклятой страной». И действительно, тут все было безрадостно и пустынно: голый ледник до самого полюса. Страшные вьюги и метели. Температура ниже 60 градусов, и такие бури, когда скорость ветра доходит до шестидесяти метров в секунду, а отдельные порывы достигают ста метров!

Однако экспедиция Амундсена перенесла эту зиму хорошо. Главный дом во Фрамхейме был обложен льдом и снегом, в снегу были прорыты ходы вроде тоннелей — к складам, к собачьим палаткам, к метеорологическим и магнитным будкам. Из снега и льда были построены столярная и портняжная мастерские, кузница и даже баня.

Амундсен, как и в прежних экспедициях, строго следил за тем, чтобы все были заняты работой, не было уныния и болезней.

А 24 августа, впервые после многомесячной ночи, из-за горизонта выглянуло солнце. Однако морозы стояли такие, что о походе нечего было и думать. Амундсен попытался совершить поездку до склада № 1, но вынужден был вернуться.

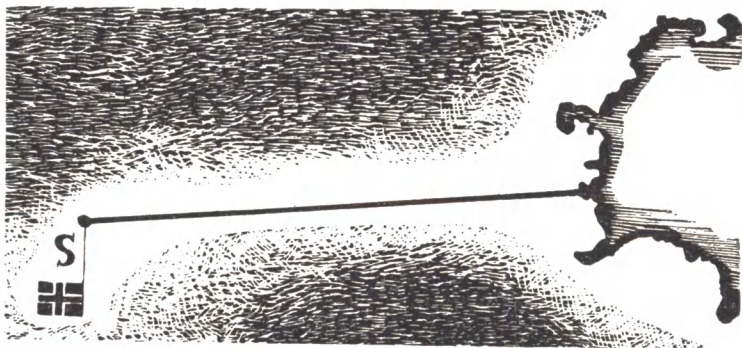
Время от времени во Фрамхейме начинался разговор:

— Хотел бы я знать, до какого места дошел теперь капитан Скотт, — говорил кто-нибудь, ни к кому, собственно, не обращаясь.

— Его пони на таком морозе замерзнут, — уверенно говорил Амундсен. — Тревожиться нам нечего. Должно быть, они сидят еще на месте.

— А может быть, у них теплее? Кто знает, какая погода за шестьсот пятьдесят километров от нас? Ну, а если там теплее, так они напрасно времени не тратят.

— Нет, я полагаю, что они ждут погоды, как и мы, — уверенно говорил Амундсен, а у самого тревожно сжималось сердце: неужели и тут его опередят?

К ЮЖНОМУ ПОЛЮСУ

20 октября — этот день в южном полушарии считается началом весны — Амундсен вышел из дома, чтобы узнать, какова нынче погода.

С востока дул легкий ветерок. Все дали кругом прояснились. Термометр показывал минус 22 градуса. Вернувшись в дом, он спросил своих товарищей:

— Ну как вы полагаете? Пойдем?

— Немедля! Отправимся рысцой! — бодро ответили все четверо и начали торопливо одеваться.

Сколько времени ждали они этой минуты! Мысленно они уже двадцать раз отправлялись на полюс и так свыклись с этой мыслью, она стала такой обыденной, что никто не взволновался. Наскоро попрощались они с остающимися товарищами. Трое пошли проводить уходящих, а Линдстрем занимался хозяйством и даже не вышел из дома, словно Амундсен и четыре спутника

прощались только «до завтра». Четверо нарт с тринадцатью собаками в каждой упряжке стояли наготове. На трое нарт сели по одному человеку, а на четвертые двое: Вистинг и Амундсен.

— Трогай! — сказал Амундсен.

Каюр первой нарты свистнул, собаки рванули и понесли. Преструд вертел ручку киноаппарата, пока товарищи не скрылись в снежном облаке, поднятом нартами. Первые километры караван несли карьером.

Так началось путешествие к Южному полюсу.

Знакомая дорога расстилалась перед Амундсеном. Она пролегла вдоль 163-го меридиана. Лед был ровный: наст хорошо держал собак и нарты.

— Те, кто увидел бы нас сейчас, наверное, подумали бы, что полярное путешествие очень привлекательная прогулка! — смеясь, сказал Амундсен.

На четвертый день путешественники достигли склада № 1 на 80° южной широты. Отсюда они, погрузив на нарты ящики с продовольствием и снаряжением, двинулись уже с полной нагрузкой, проходя ежедневно от тридцати до сорока километров.

Чем дальше караван уходил в глубь материка, тем чаще и чаще во льду встречались опасные трещины. Однажды нарты Бьолана провалились в одну из таких трещин, и с очень большим трудом их удалось оттуда вытащить.

Большие «заборы», построенные на 81 и 82° южной широты, очень помогли путешественникам: черные флаги на вершинах гурьев виднелись за много километров, и каюры точно правили по этим вехам.

У каждого склада экспедиция останавливалась на два дня. Объявлялся полный отдых.

Путь шел по ровной местности, сверкающей под солнцем. Над миром стояла величавая тишина. Ее нару-

шали лишь скрип полозьев и лыж, дыхание собак и покрикивание каюров. Время от времени налетал туман, закрывал дали. Потом снова показывалось ослепительное яркое солнце.

Достигнув 83° , путешественники увидели далекие горы. Одну из них Амундсен назвал горою Фритьофа Нансена, а другую — именем человека, помогавшего ему в снаряжении, — Педро Кристоферсена. Горы лежали около 85° южной широты. Склоны их были совсем голые, глубокой сине-черной окраски. И по ущельям спустились ледники.

«Никогда в жизни я не видел более прекрасного и более дикого ландшафта!» — записал Амундсен в своем дневнике.

Путь к полюсу проходил между этими горами, за которыми начиналось высокое плато. Перед подъемом на плато экспедиция сделала длительный привал, и Амундсен, как всегда в серьезных случаях, устроил совещание с товарищами.

Как быть? До полюса оставалось пятьсот пятьдесят километров. Перед путешественниками лежал очень трудный подъем, а за ним, вероятно, и другие препятствия. Тащить с собой тяжелый груз не было смысла. Поэтому решили оставить здесь большую часть продовольствия, взяв с собой запас только на шестьдесят дней.

Серьезную заботу вызывали собаки. Чтобы прокормить каждую, надо было тащить с собою много лишнего продовольствия. Поэтому решили идти дальше на трех нартах с восемнадцатью собаками, а остальных, поднявшись на плато, убить.

Затем все отправились на лыжах разведать, каким путем подниматься на плато. С гор спускались ледники, и один из них должен был служить им дорогой. Лед пере-

секали трещины, иногда очень широкие. После разведки разгорелся спор — каждый предлагал свой путь, но последнее слово оставалось за Амундсеном, и он наметил путь.

Начался подъем. Дорога шла круто вверх. Собаки старались изо всех сил, и путешественники, глядя на них, думали, что большая часть собак сейчас спешит к месту своей смерти. С ледника на ледник все выше и выше поднималась экспедиция. На каждой остановке Амундсен или кто-нибудь из его товарищей уходил вперед на поиски пути. Гор становилось все больше и больше. Солнце теперь не только ярко светило, но и грело. Путники сняли с себя тяжелые одежды, положив их на нарты. Некоторое время шли даже в одном белье — такая была жара. Это было фантастическое зрелище, да и вокруг них разворачивались фантастические панорамы: одна гора сияла девственной белизной, рядом с нею торчали черные скалы, на соседней горе снег был красно-бурого цвета, а в ущельях лежали синие тени.

Чтобы легче было найти обратный путь, Амундсен ставил через каждые сто-двести метров гурии. Там, где были опасные трещины, строили даже два гурия, между которыми проходила удобная и безопасная дорога.

У всех была надежда, что, миновав плато, они встретят более ровную местность, что горы кончатся. Но, поднявшись на плато, путешественники увидели новые цепи гор, — правда, они были ниже горы Хансена, но сулили немало трудностей. Выбрав место для стоянки, путники поставили палатку, и сейчас же загремели выстрелы. Собаки были убиты. Эта жестокая расправа с верными животными, так старательно выполнявшими свои обязанности, подействовала на всех угнетающе. Амундсен даже спрятался в палатку, чтобы не видеть этой бойни. Но за-

коны полярных путешествий жестоки. Идти с собаками дальше — значило обречь и себя и собак на лишения и верную смерть.

Эту стоянку Амундсен назвал Бойней.

На этой стоянке разыгралась страшная метель. Идти дальше было невозможно. Пять суток путешественники просидели в палатке, а метель не унималась. Тогда Амундсен решил все же продолжать путь. Это было очень рискованное решение, но и сидеть на месте было опасно. Разумеется, не только заботы о продовольствии тревожили Амундсена — ведь на месте стоянки были оставлены собачьи туши, он боялся иного: как бы его не опередила экспедиция Скотта.

Путь был мучителен: сухой снег падал так густо, что сидящий на нарте не видел своих собак, ветер кружил острые снежинки и слепил глаза, идти приходилось точно по песку. Амундсену вспомнилось его первое путешествие по Хардаргерскому плоскогорью!

Местность постоянно повышалась, затем стала совсем ровной, но вскоре со всех сторон опять надвинулись горы, едва видимые сквозь метель. Здесь все чаще попадались трещины и стремнины. Разведчики, связавшись веревкой, уходили вперед и ощупью отыскивали безопасный путь.

Нужно было обладать недюжинной волей и сильным характером, чтобы преодолеть такие трудности. Каждой местности, каждой горе Амундсен и его товарищи давали свое имя. Уже отмечены были на карте горы Нильсена, Хансена, Вистинга, Бьолана, Хасселя... Некоторые места получили выразительные названия: «Чертов ледник», «Ворота ада», «Танцевальный зал дьявола»... Уже одно это может дать представление о характере местности, по которой шла экспедиция.

Только миновав 88°, путешественники вздохнули

с облегчением: местность стала ровной, как поле, и караван быстро двинулся вперед.

Погода улучшилась. Снег перестал идти. Ветер стих. Над миром опять воцарилась оглушающая тишина. Все пристально оглядели друг друга. За время перехода по горам и ущельям сквозь ледяную пургу путешественники обморозились: лица представляли сплошную изъязвленную лепешку. «Мы были похожи на разбойников с большой дороги, — писал Амундсен в своем дневнике. — Раны сильно нас беспокоили. Малейшее дуновение ветра причиняло такие страдания, будто кто-то пилил нам лицо тупым ножом».

Но все держались бодро. Победа была рядом. Скорей, скорей к цели! К полюсу!

Плато постепенно опускалось, двигаться было очень легко, и путешественники делали теперь по сорок километров в сутки. Они волновались: не опередил ли их капитан Скотт? Это беспокойство иногда поддерживалось еще и тем, что собаки вдруг ни с того ни с сего начинали лаять и рваться вперед.

— Отчего они лают? Уж не чуют ли кого они там... на полюсе?

В полдень 14 декабря определили по солнцу местонахождение: экспедиция достигла $89^{\circ}45'$. До полюса оставалось всего двадцать восемь километров.

«В этот вечер у нас в палатке было такое настроение, как накануне праздника. Заметно было, что у дверей стоит нечто великое. Ночью я просыпался несколько раз с тем же чувством, какое у меня было в детстве накануне сочельника».

Так писал Амундсен.

Никому как следует не спалось. Торопливее, чем всегда, путешественники позавтракали и пошли в обычном порядке. Погода была великолепная, праздничная.

Амундсен на лыжах шел впереди, а другие внимательно следили за одометрами (приборами, отмечающими пройденный путь). Так как с десяти часов небо заволочло облаками, путь определялся только по одометрам. В три часа Амундсен крикнул:

— Стоп!

Все замерли.

Они стояли на Южном полюсе!

Желанная цель была достигнута!

Взволнованные путешественники окружили Амундсена. Они жали руки и ему и друг другу. Скупые, но горячие слова поздравлений были первыми словами, произнесенными в этой дотоле загадочной точке мира — на Южном полюсе.

Необычайное чувство охватило Амундсена. С детства он стремился в полярные страны, в юности мечтал побывать на Северном полюсе, а теперь стоял на полюсе Южном.

«Можно ли представить себе что-либо более противоположное?» — спрашивает он сам себя в своих записях.

Амундсен полагал, что честь достижения полюса принадлежит не ему одному, а всем его отважным спутникам. Поэтому он попросил, чтобы все его товарищи взяли за древко. Пять рук дружно подняли флаг и водрузили его на самой южной точке Земли. Это была торжественная минута, самая торжественная за все время их путешествия.

Они поставили палатку и устроили праздничный обед: каждый получил по куску жареной тюленины, и впервые за время похода они выкурили по трубочке.

Вистинг вырезал на некоторых вещах слова «Южный полюс», и эти же слова Амундсен вырезал на сво-

ей трубке, бывшей с ним во всех походах. В палатке царило необычайное оживление.

В полночь, когда ярко светило южное полуночное солнце, Амундсен и Хансен произвели тщательные астрономические вычисления, чтобы определить точку полюса. Оказалось, что одометры подвели и до полюса еще осталось десять километров.

На следующий день экспедиция перекочевала туда, и точно на полюсе установили небольшую палатку. Над ней были укреплены норвежский флаг и вымпел «Фрама».

Амундсен решил обследовать всю местность вокруг полюса в радиусе двадцати километров.

Она была ровной как стол.

Хассель, Бьолан и Вистинг пошли в три разные стороны и установили флаги в двадцати километрах от палатки.

На полюсе норвежцы пробыли тридцать шесть часов.

Задача была выполнена.

В палатке Амундсен оставил в кожаном мешочке донесение на имя норвежского короля о том, что сделано норвежцами, а также письмо на имя капитана Скотта. В нем Амундсен просил передать королю известие об открытии полюса на тот случай, если норвежцы погибнут на обратном пути. Все пятеро расписались на доске, оставленной в палатке. Палатку хорошо зашнуровали, чтобы в нее не проник снег.

Идти теперь было все-таки легче. Амундсену и его друзьям помогали ледяные столбы, указывавшие кратчайший путь. А сознание того, что труднейшая задача выполнена блестяще, придавало исследователям бодрость и укрепляло дух.

Но обратная дорога все же была очень тяжелой.

Солнце по-новому освещало местность, и ландшафт казался незнакомым. Ветер и метели совершенно стерли следы перехода экспедиции. С большим трудом разыскали склад продовольствия, устроенный в горах.

Лишь после того, как путешественники добрались до склада, они могли вздохнуть с облегчением. Люди хорошо поели, обильно накормили собак, теперь дорогу ясно отмечали гурии, флаги и, наконец, «заборы», стоявшие подле складов.

26 января 1912 года, в четыре часа утра, экспедиция достигла Фрамхейма.

Все еще спали, когда в дом вошел Амундсен со спутниками. Зимовщики, разбуженные внезапно, не понимали вначале, что случилось. Они даже не узнали вошедших. Ведь прошло девяносто девять дней, как Амундсен и его товарищи покинули Фрамхейм. И теперь вот они здесь — неузнаваемые, грязные, веселые и шумные.

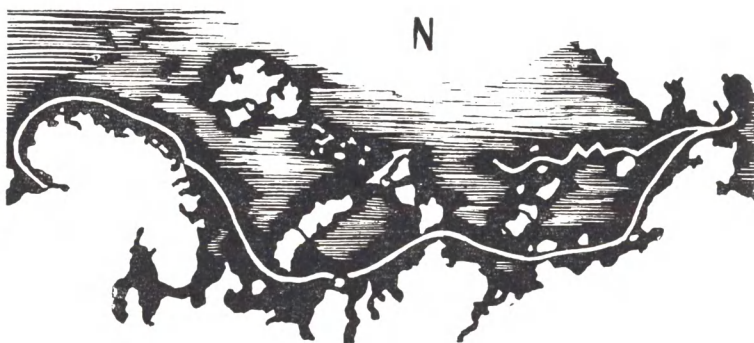
Вначале никто не решался спросить Амундсена о главном. Казалось, все деликатно обходили самый важный вопрос.

Наконец кто-то сказал:

— А как полюс? Были там?

— Конечно, были. Иначе вы нас не увидели бы.

Ответ вызвал неопиcуемый восторг. Это были самые праздничные минуты во Фрамхейме.

В НОВЫЙ ПОХОД

Амундсен полтора года путешествовал по Европе и Америке, во всех крупных городах читал доклады об открытии Южного полюса. И везде его встречали тысячные толпы народа. Это было шествие героя. Человечество гордилось им. Он открыл полюс — эту тысячелетнюю тайну. Когда-то люди думали, что на полюсе стоит гора высотой до неба. Другие полагали, что там не гора, а пропасть до самого центра Земли. Амундсен первым доказал, что на Южном полюсе ни горы, ни пропасти нет, там теперь стоит его палатка на земле, укрытой вечными льдами.

Деньги, полученные за доклады, Амундсен собирал для нового похода.

Ему хотелось осуществить старый свой замысел: пройти на «Фраме» через Северный полюс, вмерзнув во льды где-нибудь в районе Берингова пролива. До-

бытые экспедицией Пири научные данные были невелики. Амундсен же рассчитывал провести обширные наблюдения.

Средства, полученные им за доклады и за книгу о путешествии к полюсу, были значительны, однако для полного снаряжения экспедиции их, конечно, не хватало. Снова пришлось прибегнуть к помощи частных лиц, просить о займе; норвежское правительство ассигновало в распоряжение Амундсена двести тысяч крон.

Началась длительная и трудная подготовка к экспедиции. Амундсен рассчитывал, что путешествие будет продолжаться около семи лет.

В это время весь мир увлекался воздухоплаванием. Аэропланы только что полетели над землей, всех увлекало это новое дело.

Путешествуя с докладами, Амундсен в трех городах видел полеты. Аэропланы поднимались высоко в воздух, делали круги, с них было видно на несколько десятков километров. Однажды, наблюдая полеты, он подумал: «А не пригодится ли аэроплан для моих целей?»

Он представил: аэроплан поднимается со льда, летит высоко в небе, он видит во льдах все разводья, все полыньи — на таком аэроплане хорошо делать ледовую разведку.

Амундсен подумал и купил аэроплан. Этот аэроплан пойдет на борту «Фрама» к Северному полюсу. Когда нужно будет, летчик и с ним Амундсен будут летать над льдами на разведку. Для разведывательной службы он хорош, но не для продолжительного полета. Вернее «Фрама» пока не было ничего.

«Фрам» уже был в Норвегии. Амундсен все еще путешествовал по Америке, он старался собрать как мож-

но больше средств для похода к полюсу. Наконец летом 1914 года он вернулся в Норвегию, чтобы закончить подготовку и пуститься осенью в плавание.

Норвегия встречала Амундсена как героя. В море, навстречу пароходу, на котором он ехал, вышли тысячи парусных и паровых судов и лодок. Берега фиорда, стены старой крепости, набережную заполнили тысячи людей. Гремели сотни оркестров.

Пароход медленно шел к пристани. Амундсен стоял на баке. Десятки тысяч глаз встречали его... Так же, как много лет назад, Норвегия встречала Нансена после его похода через Гренландию. Тогда Амундсен в маленькой лодке с товарищами выезжал навстречу герою. Ныне Норвегия встречает Амундсена.

Вот пароход подошел к пристани. По мосткам, украшенным яркой материей, Амундсен сошел на берег. Все кричали «ура», гремела музыка. В ратуше в честь героя был устроен торжественный обед.

Но этот успех не вскружил голову Амундсену. Уже утром на другой день после этой торжественной встречи он был на «Фраме», чтобы лично проверить, как идет дело с погрузкой.

Толпа провожала его. Каждый, кто встречался, снимал перед ним шляпу, приветствуя. Вдруг мальчишка-газетчик закричал пронзительно:

— Слухи о войне! Слухи о войне!

Амундсен с газетой в руке сел в шлюпку, чтобы плыть на «Фрам». Он прочел газету. Досада кольнула сердце. «Неужели война? Тогда невозможно будет уехать!»

А еще через неделю газеты только и писали о войне: ужасная бойня захватила весь мир. И, кроме войны, человечество будто не интересовалось больше ничем. Даже маленькая Норвегия, хоть и не вмешива-

лась в войну, но держалась наготове, собирала средства для войны.

Амундсен отказался взять двести тысяч крон, отпущенные ему на экспедицию, и передал правительству свой самолет. Ни о какой экспедиции, разумеется, не могло быть и речи. Приходилось сидеть и ждать.

Война между тем разгоралась. В воюющих странах начался голод. С горечью и негодованием смотрел Амундсен на страшную человеческую бойню. Рабочие и крестьяне миллионами умирали на полях сражений, их семьи гибли от голода и болезней, а те, кто затеял бойню, — цари, короли, министры, капиталисты, — те сидели в тылу и благоденствовали.

Лишь в 1916 году Амундсен снова начал готовиться к походу на полюс. За два года неподвижной стоянки на приколе «Фрам» сильно обветшал, и пришлось строить новое судно.

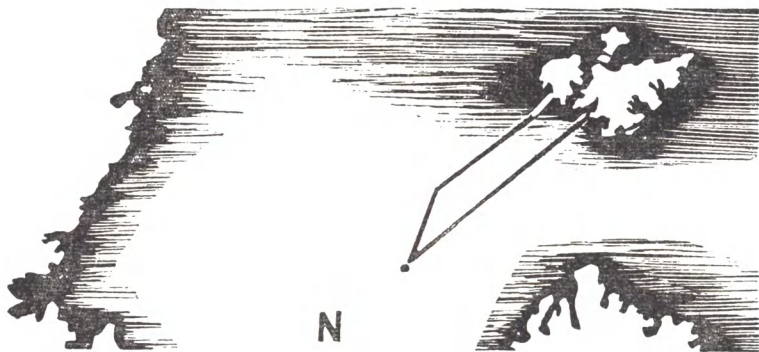
В течение двух лет Амундсен построил большой корабль «Мод», похожий на удобный дом, в котором было все, что хочешь: и удобные каюты, и большая кают-компания, склады всяких продуктов на пять лет, новейшие инструменты для наблюдений, и летом 1918 года «Мод» вышла из Христиании, направляясь в Карское море и дальше на восток, вдоль берегов Азии. Этот путь называется северо-восточным проходом. Он всегда забит льдами, очень труден для плавания. До Амундсена через него прошли только две экспедиции — Норденшельда и Вилькицкого. Амундсен пошел третьим. Два года «Мод» плыла вдоль берегов и только летом 1920 года вышла в Берингов пролив. В этот же пролив семнадцать лет назад Амундсен вышел на яхте «Йоа» с востока. Значит, он первый совер-

шил кругосветное путешествие по арктическому Ледовитому океану.

«Мод» пришла на Аляску, в местечко Ститль. Амундсен здесь решил сделать новые запасы продовольствия уже на семь лет, добыть самолет для разведок и только тогда пуститься в путь через полюс.

Но, собираясь в этот путь, он натолкнулся на новую мысль: нельзя ли на полюс полететь на самолете? Самолет теперь может пролетать уже большие расстояния в самое короткое время. Пусть «Мод» идет своим путем, а он полетит на самолете.

Он так и сделал: отправил «Мод» в плавание во льдах к северу через Ледовитый океан, а сам стал готовиться к полету на полюс.

НА САМОЛЕТАХ К ПОЛЮСУ

Амундсен опять ездил по Европе и Америке, читал лекции о своих прежних путешествиях, печатал в газетах и журналах статьи и на собранные таким путем деньги намеревался купить хороший самолет. Но денег было мало, на покупку самолета не хватило бы.

Однажды после поездки по Америке Амундсен сидел в номере гостиницы в Нью-Йорке. Его лекции в последние полгода потерпели полную неудачу. Он был в самом безнадежном настроении. Ему казалось, что перед ним закрылись все пути, а его карьере полярного исследователя пришел конец.

Вдруг зазвонил телефон.

Амундсен поднял трубку и услышал незнакомый голос:

— Мистер Амундсен дома?

— Да, я у телефона,— мрачно сказал Амундсен, не ожидая от разговора ничего хорошего.

— Мы встречались с вами во Франции, во время войны. Вряд ли, конечно, вы меня помните. Я Линкольн Эльсворт, ваш поклонник и почитатель. В полярных путешествиях я, правда, новичок, но очень ими интересуюсь и мог бы предоставить вам средства для новой экспедиции.

...Через полчаса Эльсворт был у Амундсена. Он рассказал, что давно чувствует влечение к путешествиям по северу и добудет средства, если Амундсен возьмет его с собою в экспедицию.

Амундсен верил и не верил внезапному счастью.

— Для полета нам необходимы два больших самолета «дорнье-валь», — сказал он.

— Хорошо. Я куплю два самолета.

В тот же вечер они наметили план экспедиции. Амундсен послал телеграммы в Норвегию своим друзьям-летчикам и механикам и предложил им готовиться к полетам на Северный полюс. А еще через три месяца, в начале мая 1925 года, Амундсен и Эльсворт уже были на острове Шпицберген, где их ожидали два самолета «дорнье-валь» № 24 и № 25, привезенные океанским пароходом. Для своего времени это были хорошие машины, с просторными кабинами. Они могли плавать по воде, скользить по льду и снегу. С гидропланами прибыли летчики Дитрихсон, и Рисер-Ларсен, механики Омдаль и Фойхт. На этих людей, смелых и решительных, Амундсен мог положиться как на самого себя.

Когда все собрались на Шпицбергене, откуда должен был начаться перелет, Амундсен на первом же совете предложил исследовать ледяные просторы как

можно дальше к северу, вплоть до полюса. Что находится к северу от Шпицбергена? Море или суша? Этого еще никто из полярников не знал. И это нужно было выяснить точно.

В продолжение трех недель летчики приводили в порядок самолеты и богатое снаряжение; они забирали с собой полярные сани и складные лодки на случай, если придется спуститься на лед и пешком пробираться назад к земле. Экспедиция располагала превосходной теплой одеждой, массой продовольствия. Нужды не было ни в чем.

С утра 21 мая дул легкий попутный ветер. Летчики и механики в последний раз проверили моторы и в три часа дня собрались у машин.

Из ближнего поселка Кингсбея пришли проводить их рабочие и инженеры угольных рудников. Путешественники облачились в тяжелые меховые одежды и начали размещаться по самолетам: Эльсворт, Дитрихсон и Омдаль летели на самолете № 24, Амундсен, Рисер-Ларсен и Фойхт — на самолете № 25.

Самолет № 25 двинулся в путь первым. Он быстро скользнул по льду днищем своей гондолы и поднялся в воздух. При подъеме лед кругом трещал, из трещин фонтанами била вода, но пилот Рисер-Ларсен знал свое дело: аппарат резким рывком оторвался ото льда и пошел по воздуху.

Амундсен сидел в кабине для наблюдателя. Через зеркальные окна он видел Шпицберген как на ладони.

Почти весь остров был закрыт снегом и льдом. Только небольшие пятнышки земли и камней чернели на западном берегу. Далеко на востоке и на севере поднимались ледяные зубцы гор. Все было полно ледяного сверкания.

Они уже пролетели большое расстояние, как вдруг

Амундсен обнаружил, что самолет № 24 исчез. Может быть, он не сумел оторваться ото льда? Или, поднявшись в воздух, упал опять? Амундсен сделал знак, и Рисер-Ларсен повернул обратно. Нельзя было одному самолету лететь в такое рискованное путешествие. Но через несколько минут Амундсен заметил на пути полета какое-то сверкание — это солнце играло на крыльях самолета № 24. Теперь машины летели на север, держась неподалеку друг от друга. Солнце все время ярко сияло. Поравнявшись с последним островом — Амстердамским, они попали в туман. Сперва туман налетал серыми холодными клочьями, потом стал гуще и плотнее. Амундсен потерял другой самолет из виду.

Рисер-Ларсен дал руль высоты, самолет поднялся над туманом. Снова показалось солнце. Иногда внизу туман разрывался, и Амундсен видел огромные ледяные поля. Льды, очевидно, находились в движении, между отдельными льдинами темнели трещины.

В восемь часов вечера туман внезапно начал редеть и в одно мгновение исчез. Огромная сверкающая поверхность открылась перед глазами летчиков. Это было гигантское ледяное поле. Спустившись пониже, летчики убедились, что садиться на такой «аэродром» — значит разбить машину и самих себя. Кое-где льдины стояли, точно зубчатый забор. Гладкой площадки не было нигде. Время от времени попадались во льду черные трещины, похожие на небольшие извилистые ручьи. Нечего было и думать о посадке.

Все пока шло отлично: моторы работали как часы, самолеты шли со скоростью ста пятидесяти километров в час. И небо было чистое и ясное.

Околс десяти часов вечера на севере показалась тонкая пелена слоистых облаков. Она лежала высоко

и несколько не мешала летчикам. Амундсен все время напряженно вглядывался вперед и убеждался, что нигде и никогда еще не видел ничего более пустынного и унылого. Когда он проходил, бывало, по таким льдам, он встречал то чайку, то белого медведя или, наконец, видел какие-нибудь следы. А с самолета он не мог видеть ничего, кроме сверкающей белизной пустыни.

В полукилометре за ними на той же высоте шел самолет № 24.

Ровно в полночь самолеты достигли 87° северной широты. Еще триста километров с небольшим — и они будут над Северным полюсом. Солнце высоко стояло на небе. Льды мрачно сверкали, и красноватые тени тянулись от ледяных заборов.

И в это время механик Фойхт крикнул пилоту:

— Половина бензина израсходована! Нужно прекращать полет.

Амундсен подал знак спускаться.

Самолет широкими кругами пошел на снижение. Большое озеро, замеченное летчиками, было еще довольно далеко, как вдруг мотор закапризничал, и летчик принужден был перевести машину на посадку.

Со страшной быстротой самолет пошел вниз, в ближайшее разводье, где плавало множество мелких льдин. Они с грохотом застучали о борта лодки самолета. Снег, лежавший на льдинах, поднялся вихрем. И сквозь эту пургу Амундсен увидел, что они несутся навстречу смерти. Прямо на пути самолета торчал ропак — ледяная стена, о которую они неминуемо должны были разбиться. Впервые за все время полета Амундсену стало жарко.

Но движение машины понемногу замедлялось — еще несколько секунд — и самолет уперся носом в тол-

стю льдину. Амундсен открыл кабину, сошел на лед. За ним вышли пилот и механик. Было холодно, густым слоем лежало на воде сало.

Сало и мелкий лед быстро и крепко примерзли к бортам самолета. Летчики поворачивали самолет направо, налево, раскачивали его, пытаясь втащить на льдину, но аппарат был слишком тяжел. Вконец измученные, они начали выносить из него провиант и снаряжение, укладывая все прямо на лед. Если аэроплан окончательно будет затерт, то хоть пища и сани останутся у них.

Лед кругом был взломан. Кое-где он лежал холмами.

Амундсен взобрался на ледяной холм и долго смотрел в бинокль. Он искал самолет № 24. Однако нигде не мог его обнаружить. Неужели он разбился при посадке? Вдруг Амундсену послышался выстрел. Но, может быть, это треснул лед?

Скрывая тревогу, Амундсен вернулся к своим товарищам. Все были измучены вконец. Нужно было отдохнуть. Забравшись в самолет, они зажгли грелки, влезли в теплые спальные мешки и заснули. Через два часа все опять были на ногах. Амундсен заметил, что канал за это короткое время сузился. В любой момент он мог совсем закрыться. Требовалось немедленно вытащить машину на крепкий лед. Для троих людей эта работа была непосильна. Легче было перевести машину по воде в безопасное место. Такое место было недалеко — метрах в пятидесяти. Там узкий и опасный канал расширялся в целый залив. Однако проход и залив закрывала большая льдина. А как убрать эту льдину? У летчиков не было ни кирки, ни лопаты, только маленький топорик, три финских ножа да небольшой якорь.

И они, не раздумывая долго, принялись за работу. Десять часов подряд они скалывали с льдины небольшие куски и на руках относили в сторону. Работа шла очень медленно. Время от времени Амундсен с биноклем в руках взбирался на верхнюю часть машины, надеясь увидеть второй самолет. Когда он спускался вниз, Рисер-Ларсен и Фойхт пытливо смотрели на него. Амундсен коротко отвечал:

— Нет!

И все трое ожесточенно продолжали колоть лед, чтобы работой заглушить тревогу. Через пятнадцать часов льдина была убрана. Прикрепив к крыльям самолета длинные веревки, летчики перевели его из канала в залив. Теперь машина была как будто в безопасности, но ее ждала новая беда: самолет начал быстро обмерзать и стал так тяжел, что трое людей с трудом могли его раскатать, хотя он стоял на свободной воде.

— Должно быть, придется назад пойти пешком, — проворчал Амундсен.

— До какого места? — спросил Рисер-Ларсен.

— Мы пройдем до мыса Колумбия. У нас есть са-ни, есть продовольствие, и, если считать по килограмму в день на человека, нам хватит его на целый месяц.

— Надо все же попытаться вытащить машину, — сказал Ларсен.

— Легко сказать, а как это сделать?

— Мы устроим ледяной скат и по скату вытащим машину.

Они обошли залив, выискивая место для ската. Подходящее место было скоро найдено, и летчики приступили к работе. А Амундсен решил еще раз осмотреть окрестности, не видно ли самолета № 24. Едва он поднес бинокль к глазам, как ясно увидел машину километрах в пяти по другую сторону озера.

— Я вижу самолет! — закричал Амундсен.

Рисер-Ларсен и Фойхт подбежали к нему. Да, самолет был виден ясно. Фойхт притащил флаг и замахал им. Амундсен в бинокль наблюдал, заметят ли Эльсворт и его спутники флаг.

Сначала никакого движения у другого самолета не было. Но вот там кто-то бросился к флагу, поднял его и начал махать. Это был летчик Дитрихсон. Он сигнализировал по азбуке Морзе.

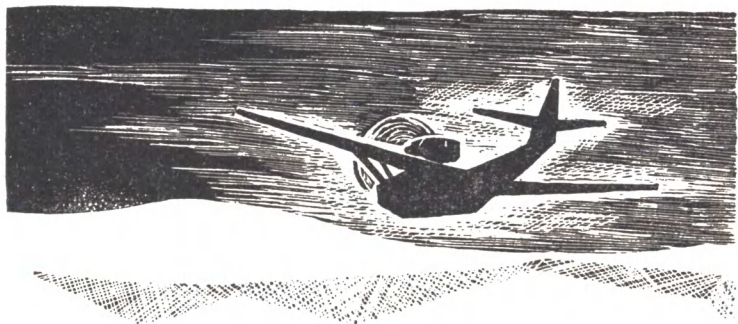
«Наш самолет получил течь. Гондола дала трещину еще при взлете. Пытаемся вытащить машину на лед».

Он хотел передать еще что-то, но в это время сгустился туман, и связь прервалась. Амундсен и его товарищи опять с большой энергией принялись за работу. Когда туман рассеялся, Амундсен с биноклем забрался на верх машины и заметил, что люди у самолета № 24 торопливо бегают вокруг него и что-то с ним делают. Потом он увидел, как Эльсворт и два его товарища стали на лыжи, вскинули на спины огромные тюки и пустились по направлению к лагерю Амундсена.

— Они идут к нам! — закричал Амундсен.

С волнением продолжал он следить за ними в бинокль. Три черные точки двигались по льду. Видно было, что их тяготит большой груз. Сначала они шли прямо, но, встретив на своем пути небольшой проливчик, не могли через него пробраться. Тогда Амундсен и Ларсен взяли брезентовую лодку и отправились встречать товарищей. Ларсен сел в лодку, переехал через проливчик. Трое путников уже были у самого края льдины, как вдруг льдина подломилась. Дитрихсон и Омдаль упали в воду. Эльсворт бросился к ним на помощь и одного за другим вытащил на лед. Ларсен перевез их через пролив, и все бегом бросились к самолету № 25.

Все шестеро опять были вместе!

БОРЬБА ЗА ЖИЗНЬ

После того как Дитрихсон и Омдаль обогрелись, Амундсен устроил совет: как быть? Решили расчистить дорожку для взлета, выбросить из самолета все лишнее и пуститься в обратный путь. Самолет мог поднять всех шестерых. Дорожка для взлета требовалась в пятьсот метров длины и двенадцать ширины. На всем льду лежал толстый, почти метровый слой снега. Помимо уборки снега, надо было еще выравнивать лед, сколов толстые ледяные торосы, образовавшиеся на стыках отдельных крупных льдин. Самые большие опасения вызывало то обстоятельство, что лед беспрестанно двигался.

Работа предстояла большая и трудная. От быстрого выполнения ее зависела жизнь.

И все шестеро, подбадривая друг друга, быстро сделали скат и вытащили самолет на крепкую толстую льдину.

Измерив глубину океана, путешественники выяснили, что она равнялась почти четырем километрам. Это значило, что поблизости нет никакой земли.

Шли уже пятые сутки со времени отлета со Шпицбергена. Солнце светило ярко, но температура все же держалась на 10 градусах мороза. Передвигающиеся льды подтащили ближе самолет № 24. Дитрихсон, Эльсворт, Фойхт и Омдаль пошли к нему и привезли на салазках бочку с бензином и все продовольствие. Весь следующий день путешественники готовили дорожку для взлета. Сначала дело не ладилось. Едва они очистили от снега метров двадцать, как лед передвинулся и возле самого самолета появилась трещина.

Чуть поодаль, в направлении строящейся дорожки, льды сжались и подняли вверх большую льдину, которая встала крепкой стеной. Путь был закрыт. Вся проделанная работа пропала.

Дитрихсон предложил перетащить самолет к краю полярного озера. Вода в нем замерзла, образовался свежий, гладкий лед. Если он выдержит тяжелую машину, то с него можно взлететь. Решили попытать счастья. Рисер-Ларсен занял место пилота. Фойхт залез в помещение для мотора, а остальные четверо толкали самолет по указанию Рисер-Ларсена.

Но едва машина сползла на тонкий лед, как он провалился, и опять пришлось вытаскивать самолет на старую льдину. Все были измучены работой и решили немного передохнуть. А льды кругом беспрестанно двигались, и самолету все время угрожала опасность. Механик Фойхт остался на часах, остальные забрались в машину и заснули.

Льды угрожающе потрескивали. Погода начала портиться. Временами срывался ветер. Вдруг всех разбудил крик Фойхта:

— Скорее вставайте! Лед напирает!

Все быстро выскочили из машины. Страшное зрелище представилось их глазам. С трех сторон на самолет напозлали льдины. С большим усилием люди потащили самолет в сторону, где, казалось, будет безопасно. Действительно, через несколько минут машина стояла на сравнительно спокойной площадке. Но можно было прийти в отчаяние от того, что творилось вокруг: лед трещал и ломался, в нем образовалось множество трещин. Снег, гонимый сильным ветром, слепил глаза. Казалось, никакой дорожки сделать уже невозможно. Нужно было искать новую льдину, пригодную для взлета.

Они двинулись на поиски. В четырехстах метрах от самолета лежала большая и прочная на вид льдина, лишь кое-где покрытая мелкими льдинками. Они перетаскивали самолет на новое место и начали прокладывать дорожку для взлета.

А ветер все свистел и выл. Мелкие льдины лезли на ледяное поле и грозили опять разрушить дорожку.

Буря продолжалась часов десять подряд. Однако толстый старый лед выдержал.

Немного передохнув, все снова принялись за работу. Никто не был уверен, что им удастся довести ее до конца. Слишком уж ненадежна была погода. Несколько раз Амундсен решал про себя, что лучше всего было бы, пожалуй, не тратить сил и времени, а сразу же направиться пешком к югу. Но он ничего не говорил товарищам. Все работали с ожесточением. Так как инструментов не хватало, Омдаль приспособил

штатив от кинематографического аппарата и работал им, как ломом, а Дитрихсон вооружился алюминиевой штангой. Дорожка для взлета медленно удлинялась.

На второй день и эта льдина дала трещины.

Тогда Амундсен и Омдаль стали возить снег на сани и забивать им трещины. Одна из трещин была так широка, что забить ее снегом было невозможно. С невероятными усилиями все шестеро притащили большую льдину и устроили из нее мост. Они работали изо всех сил, а их питание было очень скудно: каждый получал в сутки только двести пятьдесят граммов пищи.

8 июня вдруг напал сильный туман, а с ним пришла и оттепель. Снег начал таять. Это сразу же свело на нет всю работу. Самолет не мог бы подняться по рыхлому снегу. Нужно было дорываться до твердого льда.

Все это могло привести в отчаяние любого, но не Амундсена и его друзей. Они начали всю работу сызнова, и через трое суток половина дорожки была готова. Омдаль заметил, что если снег утаптывать, то он становится твердым и даже при легком морозе превращается в прекрасную поверхность. Тогда решили остальную часть дорожки не расчищать от снега, а просто утоптать ее.

Уже шли восемнадцатые сутки, как они бились за жизнь. Пища подходила к концу. Было ясно: если через два дня они не улетят, то погибнут от голода.

К счастью, подготовка дорожки близилась к концу: отлет был назначен на 15 июня. Вечером накануне они выбросили из машины все лишнее. Оставили только бензин и масло на восемь летных часов, брезентовую лодку, два ружья, двести патронов, шесть спальных мешков, палатку и продовольствие.

Наступил, наконец, час отлета. Небо было совершенно ясное. Температура показывала только 3 градуса ни-

же нуля. Но и такого мороза оказалось достаточно, чтобы поверхность снежного аэродрома покрылась твердым настом.

Ларсен пустил в ход моторы, чтобы они разогрелись, а остальные члены экспедиции пробежали вдоль всей взлетной дорожки, разбрасывая по обе ее стороны темные предметы, чтобы летчик лучше видел путь. Так они бросили лыжи, обрывки палатки, одежду.

Наконец-то все забрались в машину. На месте пилота сидел Рисер-Ларсен. Позади него — Дитрихсон и Амундсен, в кают-компании расположился Эльсворт, а оба механика устроились в помещении для бензина. Наступил решительный момент: взлетит самолет или нет? Ларсен пустил машину в ход.

Аэроплан медленно заскользил по дорожке: его швыряло из стороны в сторону. Машина дрожала и стонала. Похоже было на то, что она вот-вот рассыплется на части. Но вдруг грохот прекратился. Слышен был только рев мотора. Самолет оторвался от льдины и начал набирать высоту. Все закричали «ура». Через пять минут они уже быстро неслись к югу. Сверху льды выглядели спокойными и безобидными. Казалось, что они летят с бешеной скоростью, потому что Рисер-Ларсен вел машину на высоте каких-нибудь пятидесяти метров. Нигде не было видно ни капли воды — только искромсанный торосистый лед.

Часа через три самолет вошел в густой туман, тогда пилот поднялся на высоту в двести метров, и туман остался внизу. Прошел еще час, туман исчез. Под самолетом снова открылись бесконечные ледяные просторы. Теперь в белых просторах темнели кое-где полыньи и большие озера с плавающими мелкими льдинами. Однако земли нигде не было.

Семь часов самолет с предельной скоростью неся на юг. С минуты на минуту должен был показаться Шпицберген. На пути встретились тучи. Самолет полетел вслепую. Потом огромная туча разорвалась, поползла в стороны, и вдали показалась высокая сверкающая горная вершина. Это был Шпицберген! У северного берега его виднелось семь небольших островов, возле которых лежала темная полоса воды. Десять минут спустя они уже летели над открытым океаном.

Со стороны Шпицбергена дул сильный ветер, по морю ходили большие волны. Сесть на воду при такой волне было опасно. Вдруг пилот сделал какой-то знак, указывая на рули. Рули не действовали. Он вынужден был сесть немедленно.

Через несколько минут самолет уже качался на волнах. Волны били в его бока, захлестывали кабину, перелетали через крылья, а ветер гнал его прямо к береговому льду.

Едва только машину прибило к берегу, как Амундсен, Дитрихсон, а за ними и все остальные вылезли из машины, оттянув ее подальше от воды. Это было спасение. Яркое солнце заливало лежавшие на берегу огромные камни. Кое-где между камнями зеленел свежий мох. Вода журчала, сбегая с горных склонов. Над берегом летали чайки и кайры — здесь уже была жизнь. Летчики весело скакали по большим камням, будто превратились в детей: так велика была их радость.

Всего лишь восемь часов назад они были в ледяной пустыне, а сейчас стояли на твердой земле.

Для Амундсена теперь стало совершенно ясно, что именно самолет покорит Арктику.

На берегу лежал плавучий лес, принесенный сюда течениями с далеких сибирских берегов. Путешествен-

ники развели большой костер. Омдадь принялся стряпать обед — только сейчас все почувствовали зверский голод. Вдруг они услышали крик Ларсена:

— Смотрите! Смотрите! Судно!

Из-за ближайшего мыса плавно вышел маленький рыбачий куттер. Он держал курс в море. Экипаж не замечал ни самолета возле острова, ни людей. Куттер шел довольно быстро и вот-вот должен был скрыться за выступом острова.

Что сделать, чтобы задержать его?

Рисер-Ларсен закричал:

— Скорее в самолет! Мы его догоним!

В одну минуту все были в самолете, с ревом и свистом самолет понесся вдогонку куттеру.

Погоня длилась несколько минут.

Это было норвежское судно «Морская жизнь». Судно остановилось, с него был спущен ялик, и два рыбака подплыли к самолету. С удивлением они рассматривали бородатых людей, выглядывавших из окон кабины.

Вдруг один из рыбаков крикнул:

— Это Амундсен!

Бородатые люди радостно улыбались и размахивали руками.

— Спросите капитана, не отбуксирует ли он нас до Шпицбергена? — спросил Амундсен. — Сами мы не доберемся. У нас почти кончился бензин.

Капитан согласился немедленно. Да и кто мог отказать человеку, которого уже считали погибшим? Капитан был счастлив оказать помощь великому соотечественнику и доставить путешественников и самолет в Кингсбей.

Только когда шестеро отважных перешли на борт «Морской жизни», они впервые почувствовали, что экс-

педия закончена. Молча и внешне спокойно протянули они друг другу руки и взглянули в глаза. За эти три недели каждый из них мысленно приготовился к смерти. И вот опять жизнь...

Они спустились вниз, в каюту, которую экипаж кутера передал в их полное владение. Все шестеро расположились на широких койках, им тотчас принесли кофе, яичницу, тюлений бифштекс. Начался пир после долгих голодных дней.

А судно пустилось в путь, но через полсутки ударил такой сильный шквал, что оно принуждено было зайти в бухту. Здесь, в бухте, самолет причалили к камням, а судно уже одно полным ходом отправилось в Кингсбей за помощью.

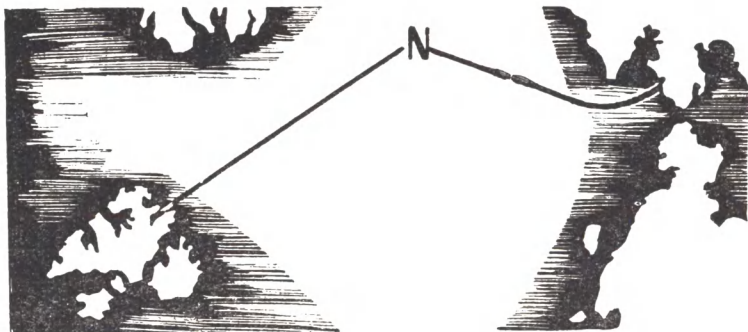
17 июня «Морская жизнь» вошла в порт Кингсбей. В порту стояло два судна, и на берегу виднелись два самолета. Амундсен и его спутники удивились: откуда эти самолеты и эти суда?

Когда «Морская жизнь» подошла к берегу и матросы узнали Амундсена, во всем порту началась суматоха. Люди смеялись, плакали, ощупывали Амундсена: они не верили своим глазам.

— Неужели это вы? — спрашивали они.

Они наперебой рассказывали, как ждали, как готовились искать их. Для этого сюда пришли два судна с самолетами.

— Мы уже думали, что вы не вернетесь...

НА ДИРИЖАБЛЕ ЧЕРЕЗ СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС

Казалось бы, этот опасный полет к полюсу должен был охладить Амундсена. Но едва он и его спутники прибыли в Норвегию, они тотчас снова начали готовиться к полету. Амундсен не отступал перед опасностями. Теперь решено было лететь на дирижабле. Амундсен находил, что дирижабль самый подходящий воздушный корабль для такого далекого и опасного путешествия.

Еще перед своим первым полетом Амундсен узнал, что итальянское правительство продает дирижабль. Теперь он и Эльсворт решили купить его.

Отдохнув месяц в Норвегии, они поехали в Италию и там, в Риме, осмотрели и испробовали дирижабль. Он был вполне пригоден для далекого полета. Они пригла-

силы капитаном на него инженера Нобиле, который строил этот корабль.

В торжественной обстановке с дирижабля был снят итальянский флаг и поднят норвежский. Воздушному кораблю было дано имя «Норге», что значит Норвегия.

Под командой Нобиле дирижабль пролетел над всей Европой, сделав остановки только в Германии и в СССР, под Ленинградом. Отсюда прямым путем пролетел на Шпицберген. Эльсворт и Амундсен еще раньше приехали на Шпицберген на корабле.

В качестве механика и пилота на дирижабле летели спутники Амундсена — Ларсен и Омдаль. Все в том же местечке Кингсбей, на Шпицбергене, для дирижабля был устроен специальный ангар.

7 мая «Норге» прилетел на Шпицберген. Все время по радио Амундсен и Эльсворт получали вести о полете дирижабля. За час до прилета им доставили последнюю радиотелеграмму: «Норге» приближается к Шпицбергену.

Скоро на горизонте показался дирижабль — он летел со скоростью сто двадцать километров в час. Рабочие угольных копей вышли встречать его. К ним присоединились и матросы с рыбацких судов, стоявших в заливе. Дирижабль покругился над гаванью, с него были сброшены тросы. И на тросах он был введен в ангар.

Для снаряжения к полету на полюс понадобилось только три дня. В это время на Шпицберген, в ту же самую гавань, прибыл на корабле с двумя самолетами американский летчик Ричард Берд, он тоже хотел лететь к полюсу. В одни сутки он привел в готовность свой самолет и, не взяв с собой ни продовольствия, ни теплой одежды, полетел к полюсу.

Через шестнадцать часов он возвратился. Он достиг полюса, но его путешествие было только спортивным,

а не научным. Смелый американец шел на очень большой риск. Если бы случилась с его самолетом какая-нибудь поломка и он опустился бы на лед так же, как самолеты Амундсена, он бы непременно погиб. Но все-таки Берд был первым человеком, достигшим полюса воздушным путем. Амундсен не любил путешествовать налегке. Он не любил рисковать безрассудно. Из каждого путешествия он приносил множество научных данных. И полет Берда нисколько не охладил его желания лететь на полюс и дальше, через Ледовитый океан к Аляске.

В восемь часов пятьдесят минут утра 11 мая 1926 года «Норге» отправился в свое историческое путешествие. Дирижабль полетел прямо к северу. Через полчаса горы Шпицбергена скрылись из глаз путешественников, дирижабль понесся над ледяными просторами, прорезанными кое-где темными полосками воды. Все время погода была очень хорошая. Светило солнце, ветер был небольшой, путники видели перед собой огромное пространство льда и нигде никакой земли. Только лед и лед.

На дирижабле находились научные работники. Они производили наблюдения: каждые полчаса определяли, на каком месте они находятся.

Дирижаблем управлял Нобиле, и рядом с ним все время в кабине находился Ларсен. Сам Амундсен вел географические наблюдения.

Наконец, 12 мая дирижабль достиг полюса. Ледяное пространство простиралось под ними. Всюду лед и лед, изборожденный трещинами. В трещинах темнела вода.

Дирижабль стал медленно спускаться над полюсом.

Амундсен, Эльсворт и Нобиле открыли окна своих кабин и сбросили флаги. Амундсен — норвежский,

Эльсворт — американский, а Нобиле — итальянский флаг и флаг города Милана. Затем был спущен кожаный пакет с грамотой на пергаменте, в котором было написано, что 12 мая 1926 года в 1 час 25 минут дирижабль «Норге» достиг Северного полюса.

Сделав несколько кругов над полюсом, дирижабль полетел дальше на юг, к берегам Америки. Погода испортилась, подул ветер, полосами пошел туман. Дирижабль летел вслепую. Он поднимался высоко над туманами, летел, и люди не видели, что делается внизу, на океане.

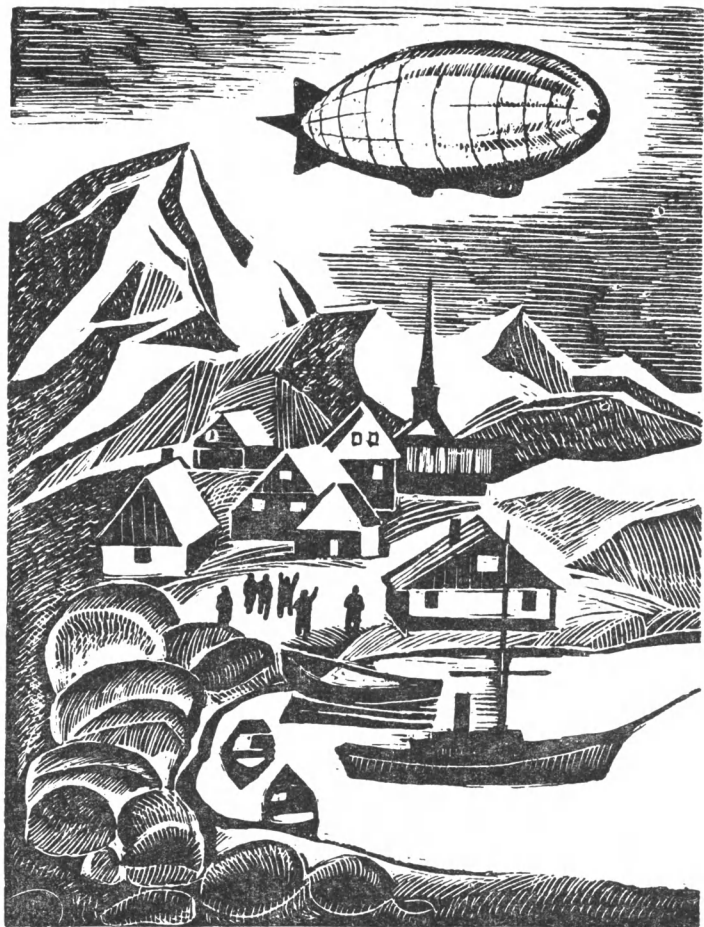
Через семьдесят пять часов после вылета со Шпицбергена вдали показались темные горы — это был мыс Барроу на северном берегу полуострова Аляски. Амундсен жадными глазами впился в картину, что развернулась перед ним.

Дирижабль долетел до мыса Барроу и вдоль берега пустился к югу. Море теперь было открыто, дирижабль шел вдоль Берингова пролива. Тут с Охотского моря повалил очень густой туман и скрыл все под собою. Дирижабль начало относить в сторону; летчики не знали, где они находятся.

Когда туман разорвался, в просвете внизу показалась земля. Это были берега Сибири. Дирижабль тогда повернул на восток, стараясь как можно скорее выйти из тумана.

Так они бродили в продолжение нескольких часов. Потом ветер унес туман, и вдали, на берегу Аляски, летчики увидели какое-то селение. Селение находилось в глубокой бухте. Дирижабль направился прямо к нему. Амундсен подошел к каюте капитана Нобиле, спросил, может ли дирижабль здесь спуститься. Нобиле, осмотрев в бинокль местность, ответил:

— Может.

Тотчас был отдан приказ готовиться к спуску.

Замедляя полет, дирижабль постепенно подходил к селению. Ветер совсем утих, и весь спуск прошел блестяще. Жители со всего селения сбегались к дирижаблю. Они ухватились за канаты, выброшенные с дирижабля, и помогли ему подтянуться к земле. Все кричали «ура», поздравляли летчиков.

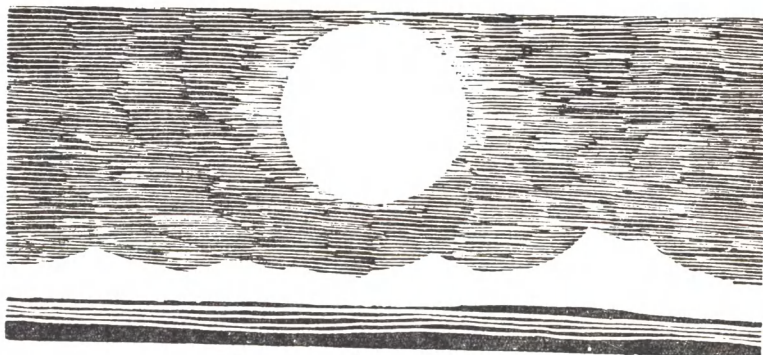
Это местечко называлось Теллер, оно находилось в ста пятидесяти километрах к северо-западу от самого северного городка Америки — Ном.

Когда дирижабль остановился, первым из гондолы вылез Амундсен. Его узнали, ему кричали снизу:

— Здравствуйте, капитан Амундсен!

Даже здесь, в этом далеком селении, он был популярен.

Амундсен на корабле поехал в Ном, отсюда и была отправлена им первая телеграмма о благополучном прибытии.

СЛАВНАЯ СМЕРТЬ

Полетом на Северный полюс Амундсен решил закончить свою жизнь полярного исследователя. Он сделал все, о чем мечтал. Он открыл Южный полюс, он открыл северо-западный проход, он вместе со своим товарищем Вистингом побывал на обоих полюсах, Южном и Северном, он прошел северо-восточным проходом. Для одного человека это много — даже одного из этих подвигов было бы достаточно, чтобы имя того, кто этот подвиг совершил, осталось навсегда в памяти людей.

Остаток своей жизни Амундсен решил посвятить науке. Он поселился в окрестностях столицы Норвегии — Осло, и здесь в тишине работал над теми научными материалами, которые он собрал во время путешествий.

Но не прошло и двух лет со времени его последнего полета, как весной 1928 года в газетах было напечатано сообщение, что инженер Нобиле снова решил лететь к Северному полюсу на другом дирижабле — «Италия». На этот раз весь экипаж дирижабля состоял из итальянцев, и только два иностранца были на нем: швед Мальмгрем — ученый-метеоролог, уже летавший с Амундсеном через Северный полюс, и чешский профессор Бегунек.

Дирижабль «Италия» отправлялся в полет, так же как дирижабль «Норге», из того же местечка Кингсбея на острове Шпицберген.

Сначала дирижабль пытался пробраться до острова Северная Земля, но заблудился в тумане и вернулся на Шпицберген.

Через два дня он снова пустился в путь. Ему на этот раз посчастливилось: он благополучно достиг Северного полюса и кружился над ним в продолжение двух часов. На полюс с дирижабля было сброшено множество итальянских флагов.

Граммофон на дирижабле играл марш. После этой церемонии Нобиле повернул дирижабль назад, к Шпицбергену.

Радист с дирижабля через каждые полчаса сообщал на землю, как проходит полет. Все шло благополучно. Дирижабль уже находился в ста десяти километрах от Шпицбергена, но вдруг подул ветер, опустился густой туман, и дирижабль стал покрываться льдом. Он так отяжелел, что летел уже низко над льдами. В тумане он наткнулся на высокую ледяную гору. Одна его гондола, в которой находилось девять человек с самим Нобиле, оторвалась от дирижабля и упала на лед, а другая гондола вместе с дирижаблем поднялась вверх и

полетела на юго-восток. В этой гондоле находились шесть человек.

Люди, упавшие на лед, скоро пришли в себя, шестеро из них были невредимы, сам Нобиле при падении сломал руку, ученый Мальмгрем вывихнул руку, а у механика Чичиони была сломана нога.

Все они быстро пришли в себя.

Кое-как наскоро перевязали раненых и стали собирать вещи, выпавшие и выброшенные из гондолы при падении. К счастью, найдено было все: продовольствие, оружие и радиоаппарат.

С большим трудом радист Биаджи наладил радиоаппарат. Сначала он только слушал радиовести, а сам никаких сигналов послать не мог. Что было делать? Идти всем девятерым до ближайших берегов Шпицбергена невозможно — у путешественников не было ни сапог, ни хорошей обуви. Кроме того, три человека были ранены и двигались с трудом. При таких условиях пройти через плавающий лед нельзя. Тогда было решено, что три человека — Цаппи, Мариано и Мальмгрем — пойдут пешком к земле, а остальные будут ждать помощи на льдине.

Они ушли, а через неделю после их ухода Биаджи наладил аппарат и стал давать сигналы бедствия.

Эти сигналы услышал русский радиолюбитель Шмидт, потом их приняли и на итальянском корабле «Читта да Милано», стоявшем у Шпицбергена.

Связь с погибающими была налажена. На спасение двинулись четырнадцать судов разных наций: итальянский, норвежский, шведский и французский крейсера, норвежский броненосец, три советских ледокола: «Красин», «Малыгин» и «Седов».

Амундсен с большим интересом следил, как велись работы по спасению погибавших.

Однажды он сидел вечером в кафе. Вдруг к нему подошел официант и сказал, что его просит подойти к телефону норвежский военный министр. Министр спросил Амундсена, не согласен ли он полететь на французском самолете «Латам» на помощь погибающим.

— Вы такой опытный полярный путешественник, что ваша помощь будет самой скорой и самой нужной.

Амундсен немедленно ответил:

— Я согласен.

И на следующий день вечером он выехал из Осло в Берген, куда прилетел на своем самолете знаменитый французский летчик Гильбо. Вместе с Гильбо были три механика-француза, Амундсен пригласил с собой лететь своих испытанных товарищей Дитрихсона и Вистинга.

Из Бергена самолет «Латам» пролетел в северный порт Тромсе для окончательной подготовки к экспедиции. В последний момент выяснилось, что самолет очень перегружен: одному человеку необходимо остаться. Остался старый товарищ Амундсена — Вистинг. Он на корабле должен был догнать Амундсена на Шпицбергене.

А шестеро, то есть сам Амундсен, его летчик Дитрихсон, французский летчик Гильбо и три механика-француза, вылетели на Шпицберген.

Они вылетели 18 июня вечером.

Погода в этот день была очень бурная, с востока дул сильный ветер, по океану ходили огромные волны. С самолета по радио летчики сообщали в течение двух часов, что все идет благополучно. Вдруг радиосвязь оборвалась.

Что случилось с самолетом? Никто не мог решить вопроса. Прошли сутки, другие, третьи — о самолете ничего не было слышно. Ни на Шпицбергене, ни на Мед-

вежных островах, через которые он должен был пролететь, о нем ничего не было известно.

Прошло еще две недели — никаких вестей не было. В первое время мало кто беспокоился: все знали, что Амундсен умел выкручиваться из самых опасных положений. Возможно, что с ним случилась катастрофа, возможно, что он сидит где-нибудь на льдине.

И люди больше беспокоились о тех путешественниках-итальянцах, на помощь которым полетел Амундсен. Весь мир с огромным напряжением следил, как спешили со всех сторон им на помощь корабли и самолеты.

Наш ледокол «Красин» быстро обошел Шпицберген с западной стороны и стал продвигаться мимо острова навстречу людям, сидевшим на льдине.

Ледокол попал в тяжелые льды и остановился. С него был сгружен на льдину большой самолет летчика Чухновского. Самолет полетел над льдами к итальянцам. Скоро летчики заметили на льду какие-то черные пятна. Подлетев ближе, они увидали, что это были люди — два человека махали со льда руками, звали на помощь. Самолет пытался сесть на льдину, но лед кругом был взломан — сесть на него невозможно. Самолет полетел дальше отыскивать остальных.

Вдруг наплыл туман, все закрыл, и самолет повернул назад к ледоколу — долго кружился, отыскивая его в тумане. Ничего не было видно. Самолет полетел к острову и сел на лед у берега. При посадке он сломал шасси — так что подняться со льда уже не мог.

Летчики поставили радиоаппарат и сообщили на ледокол «Красин», что они видали двух человек на льду — и в каком именно месте. «Красин» тотчас двинулся к этому месту и вскоре нашел их. Это были итальянцы Цаппи и Мариано, которые полтора месяца назад по-

шли пешком от группы Нобиле на Шпицберген и во льдах застряли. По дороге один из спутников — швед Мальмгрем — умер. Цаппи и Мариано были доставлены на борт ледокола.

К этому времени льды немного разредились, «Красин» пошел дальше и вскоре отыскал на плавучих льдах итальянцев и спас их.

Как раз в то время, когда «Красин» спасал итальянцев, другой советский ледокол, «Малыгин», шел на помощь тем же итальянцам с восточной стороны Шпицбергена. «Малыгин» попал в гущу тяжелых льдов и был ими затерт. Он долго стоял, выжидая, когда льды разредятся. По радио «Малыгин» получал непрерывно сведения о том, что делается в мире.

В тот день, когда Амундсен на самолете вылетел из Тромсе, «Малыгин» получил об этом весть по радио. Амундсен должен был лететь приблизительно в том же месте, где находился «Малыгин», лишь несколько западнее от него. Как раз в этот день в океане был сильный ураган.

Через несколько дней «Малыгин» получил весть, что «Красин» спас итальянцев. На «Малыгине», затертом льдами, все радовались, что советский ледокол «Красин» совершил такой подвиг.

Вдруг из Москвы по радио пришел приказ:

— Ледоколу «Малыгин» идти к Шпицбергену искать пропавшего Амундсена и его спутников.

С большим трудом «Малыгин» выбрался из льдов на чистую воду океана и пошел к Шпицбергену. Амундсен должен был пролететь где-то возле южной оконечности острова.

Через сутки пути экипаж «Малыгина» увидел воздушную линию белых гор на острове. Весь остров с востока был окружен льдами. В одной из его восточных

бухт на берегу была хижина, построенная когда-то русскими зверобоями. Амундсен, как и все полярные путешественники, знал об этой хижине. Если бы с ним случилось какое-нибудь несчастье, то он по льдам пошел бы на остров и, вероятно, нашел бы приют в этой хижине.

«Малыгин» пробился сквозь льды до самого берега острова, пять суток искал отважных путешественников, но нигде не было видно даже признаков их пребывания. Все поиски были напрасны. «Малыгин» пошел назад через океан к Архангельску.

Так прошел месяц и другой. Давно уже люди, на помощь которым полетел Амундсен, были в полной безопасности у себя в Италии, а о самом Амундсене не было никаких слухов. Его искали — но тщетно.

И вот только 31 августа норвежский пароход «Бродд» нашел в море поплавок с гидроплана. Поплавок принадлежал самолету «Латам».

Еще через несколько дней была получена новая весть: в море найден бак из-под бензина, на баке металлическая пластинка с надписью: «Латам». Этот бак находился внутри самолета. Значит, самолет разбит вдребезги, если бак смог выплыть на поверхность. На баке в двух местах были видны следы огня, будто он был в пожаре...

И это было все, что осталось от самолета и его отважных членов экипажа.

Так славную смерть во льдах нашел себе великий путешественник Амундсен.

СОДЕРЖАНИЕ

«Я буду моряком»	5
«Ты будешь доктором...»	12
«Приключения Джона Франклина»	15
Всё — к одной цели	19
Герой	30
Перелом	34
Первое испытание	39
На волосок от смерти	48
Их не узнают	52
Матрос	56
К магнитному полюсу	66
В ловушке	73
Амундсен — начальник	83
Доктор Кук — спаситель	88
Возвращение	96
У Нансена	98
За наукой	104
Плавание на «Йоа»	108
Путь, полный опасности	114
Две зимовки	120
Проход найден	129
Смелые замыслы	136
К Южному полюсу	146
В новый поход	156
На самолетах к полюсу	161
Борьба за жизнь	170
На дирижабле через Северный полюс	178
Славная смерть	184

В 1967 году в серии «Пионер — значит первый» выйдут книги:

- 1. Сборник «Товарищ Ленин».*
- 2. В. Бахревский, Хожение
встречь солнцу (С. Дежнев).*
- 3. Ю. Дмитриев, Первый че-
кист (Ф. Дзержинский).*
- 4. Н. Колосова, На экране —
подвиг (Б. Щукин).*
- 5. А. Варшавский, Опередив-
ший время (Т. Мор).*

Яковлев Александр Степанович

**СКВОЗЬ ЛЬДЫ. Повесть о поляр-
ном исследователе Р. Амундсене.**

Изд. 3-е. М., «Молодая гвардия», 1967.
192 с., с илл.

(«Пионер — значит первый»)

Р2

Редактор **А. Алексеева**

Обложка **В. Юрченко**

Худож. редактор **В. Плешко**

Техн. редактор **Л. Коноплева**

A09041. Подп. к печ. 7/VI 1967 г.
Бум. 70×108¹/₃₂. Печ. л. 6 (8,4). Уч.-изд.
л. 7,6. Тираж 50 000 экз. Заказ 279.
Цена 35 коп. Т. П. 1967 г., № 62.
Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Моло-
дая гвардия». Москва, А-30, Суще-
вская, 21.

15 коп.

2
ВЫПУСК

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ